

В. В. КАРГАЛОВ

Народ- богатырь

Сканирование: AbsurdMan

Обработка: krestik

В. В. КАРГАЛОВ

АРОД- БОГАТЫРЬ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1971

Каргалов В. В.

К21   **Народ-богатырь. М., Воениздат, 1971.**

200 стр.

В книге рассказывается о героической борьбе русского народа, мужественно отстоявшего свои исконные земли от нашествий печенегов, половцев, хазар, монголо-татарских орд и других завоевателей.

Автор описывает многочисленные битвы и сражения, убедительно показывает, как в многолетней борьбе выковывалась идея политического и военного единства Руси.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего на молодежь.

1-12-2

35-71

9(С)

ВВЕДЕНИЕ

История нашей Родины богата большими событиями. Потребовалось много столетий, заполненных неустанным трудом и каждодневной борьбой с природой и многочисленными врагами, пока из разрозненных восточнославянских племен сложилось могучее Русское государство.

Процесс складывания русской государственности проходил в сложных условиях. Народным массам Руси приходилось вести непрерывную борьбу против иноземных завоевателей, с оружием в руках отстаивать независимость своей родной земли. С северо-запада на Русь наступали немецкие и шведские рыцари-крестоносцы, пытавшиеся под знаменами католицизма поработить русский народ. С запада нападали венгерские и польские феодалы. С юго-запада к русским землям протягивались жадные руки византийских императоров, которые старались распространить свою власть на все Северное Причерноморье. И борьба с этими сильными врагами была нелегкой.

Однако в течение нескольких веков наиболее опасным врагом были кочевники южных степей. Конные полчища гуннов, аваров, хазар, печенегов, торков, половцев, а затем монголо-татар переходили Волгу и обрушивались на южные границы Руси. Русь вела непрерывную, изнурительную борьбу с кочевниками. Невозможно назвать какой-либо другой народ, на долю которого выпало бы испытание продолжительнее и труднее этого.

Близ южных границ Руси, по степям Северного Причерноморья, проходила в древности столбовая дорога азиатских кочевников, по которой они двигались на запад. Кочевые племена вела тогда в дальние походы не злая воля вождей или полководцев, а историческая необходимость, особенности их способа производства. «...Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население вынуждено было совершать... полные опасностей великие переселения...»¹.

Для оседлых земледельческих народов такие переселения кочевых племен были страшным бедствием. Они сопровождалась ограблением обширных территорий и массовыми жертвами. Находясь на более низком уровне экономического и культурного развития, чем оседлые народы, ставшие жертвами их завоевательных походов, кочевники не могли принести им ничего исторически прогрессивного и ценного. Н. Г. Чернышевский, размышляя о судьбах народов, сделавших завоевательные походы важнейшим элементом общественной жизни, писал: «Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили, и только...»².

Не такой видел великий русский революционер-демократ историческую миссию Руси. «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшиеся всем выстрелам, стеною, которую вполвину было разбили враги...»³. Защищая свои степные рубежи, русские люди одновременно преграждали путь завоевателям в страны Центральной и Западной Европы,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 8, стр. 568.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., ГИХЛ, 1949, стр. 48.

³ Там же.

обеспечивая им условия для успешного экономического и культурного развития. В этом — всемирно-историческое значение борьбы Руси с воинственными кочевниками.

Жертвы, понесенные Русью за многие столетия героической борьбы с врагами, поистине огромны. Русские витязи, насмерть рубившиеся с лихими степными наездниками на границах своей земли, заслуживают вечной благодарности потомков. История войны с кочевниками — это повествование о событиях, полных трагизма и героики, о нестигаемой воле народа, глубоко осознавшего единство родной земли и готового ради нее на любые подвиги и лишения. Недаром народ прославил своих защитников в былинах, недаром о «заставах богатырских» на краю «дикого поля» из поколения в поколение передавались эпические повествования и, сохранившись в глуши северных лесов, дошли до наших дней.

О героической многовековой борьбе Руси с кочевниками, о подвигах русских воинов, грудью вставших на защиту родной земли, о нестигаемом боевом духе и стойкости народа-богатыря рассказывается в этой книге. Пусть ратные подвиги наших далеких предков будут вдохновляющим примером патриотизма, готовности перенести любые невзгоды и лишения в борьбе за свободу и независимость любимой Родины!

ПЕРВЫЕ УДАРЫ

Вторжения воинственных кочевников в южнорусские степи начались в глубокой древности. Немного документальных источников сохранилось от того далекого времени. События и факты историкам приходится восстанавливать буквально по крупицам: по редким археологическим находкам, отрывочным записям в сохранившихся летописях, неясным и не всегда точным сочинениям древних восточных и западноевропейских авторов, народному эпосу, не оставившему без внимания эти героические страницы истории родной земли.

Первыми из воинственных кочевых племен, обрушившихся на Северное Причерноморье, были гунны. Конница гуннов перешла Волгу во второй половине IV века. По свидетельству современника, гунны — «подвижный и неукротимый народ, пылающий неукротимой страстью к похищению чужой собственности», двигавшийся «среди грабежей и резни соседних народов».

Трудно было биться с такими врагами. Гунны были прекрасными наездниками, быстрыми и ловкими воинами, издали осыпали противника длинными тяжелыми стрелами, применяли разнообразные военные хитрости. «Иногда они (гунны) вступают в бой клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычай-

ной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь».

Славяне, жившие тогда отдельными племенами, не смогли сдержать натиска завоевателей. Оседлые земледельческие поселения в лесостепной полосе были буквально стерты гуннами с лица земли. Археологические раскопки показали картину страшного разгрома: следы массовых пожарищ, клады, зарытые жителями при приближении врага, керамические печи, загруженные посудой, — внезапное нападение помешало гончарам закончить работу.

Разорив Северное Причерноморье, гунны прошли дальше, на запад. Оставшиеся в степях отдельные племена гуннского союза не представляли серьезной опасности, славяне успешно отбивали их набеги. Славянские земледельческие поселения опять появлялись в непосредственной близости от степей — военные силы славян надежно охраняли земледельцев от воинственных степняков.

Но затишье в причерноморских степях продолжалось недолго. В середине VI века туда вторглись кочевые племена аваров. Они образовали в Причерноморье сильное государство, известное под названием Аварского каганата. Снова началась война славянских племен с кочевниками: враг непосредственно угрожал славянским землям, предпринимал грабительские набеги, старался покорить и обложить тяжелой данью отдельные племена.

Требовалось объединение славянских племен для отпора врагу. Необходимо было организовать совместную сторожевую службу по всей степной границе, быстро собрать значительные силы для отражения набегов. Отдельным племенам это было не под силу. Поэтому в условиях возросшей опасности со стороны кочевников складывались союзы восточнославянских племен, каждый из которых занимал территорию, равную площади четырех—шести современных областей. Так вместо множества славянских племен, осевших вдоль степной границы, возникло полтора десятка крупных племенных союзов, представлявших серьезную военную силу. Летописи сохранили названия нескольких таких племенных союзов: поляне, северяне, воляныне, дулебы, хорваты и др.

Византийские писатели VI века сообщали о славянах как о народе, исключительно «по своей любви к свободе, который никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». Все взрослые мужчины сла-

бянских племен были воинами, и враг, нападавший на земли славян, неизменно встречал сильный отпор. Восточные славяне превосходно использовали для обороны своей земли естественные препятствия — леса. В лесных чащобах быстрые степные всадники были бессильны. «Сражаться со своими врагами они (славяне) любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах, — писал византийский император, — с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много (разнообразных) способов». Если же славяне, заранее узнав о приближении врага, «занимают очень крепкую позицию», то победить их, по признанию Маврикия, можно было только военной хитростью — если притворным бегством удастся выманить их «со своей укрепленной позиции» и расстроить военный строй. О глубокие, тесно сомкнутые построения славянской пехоты не раз разбивались и лихие атаки конницы кочевников, и удары византийских легионеров.

Вооружение славянских воинов Маврикий описывает так: «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты... Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим». Другой византийский писатель VI столетия — Прокопий Кесарийский отмечал, что, «вступая в бой, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках». Вооружение славянских воинов дополняли копьё для удара, секиры, бердыши, длинные обоюдоострые мечи.

Основную часть славянского войска составляла пехота, которая упорно обороняла укрепления, нападениями из засад среди лесов громила вторгшиеся в славянские земли неприятельские отряды, а порой и сама совершала длительные походы в степи. Если приходилось давать бой в открытом поле, то славяне быстро сооружали укрепления из связанных между собой повозок. Из-за повозок в наступавшего врага летели тучи стрел и метательных копий, нанося ему большой урон. Была у славян и конница, что было особенно важно для борьбы со степняками. В битвах постепенно выковывалось единство военных сил Руси, но племенные различия стирались медленно, с большим трудом. Это затрудняло войну с аварами. Недаром византийские историки отмечали, что среди славян еще не было единомыслия.

Некоторые славянские племена, обитавшие преимущественно в западной части Причерноморья, поблизости от основных владений аварских каганов, попали под власть завоевателей и жестоко угнетались ими. Как сообщает франкский летописец Фредегар, авары ежегодно «отправлялись на зимовку к славянам и брали к себе на ложе их жен и детей. Помимо других притеснений, славяне платили дань аварам». Русский летописец, называвший аваров обрами, так писал о насилиях завоевателей в Дулебской земле: «Обры примучили дулебов и насилие творили женам дулебским. Если случится ехать обрину, то не дает запрячь ни коня, ни вола, но велит запрягать три или четыре или пять жен в телегу и везти обрина, и так мучили дулебов».

Но большинство славянских племен не покорились завоевателям. На требование аварского кагана подчиниться «важнейшие князья склавинского народа» гордо ответили: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу?» Упорное сопротивление славян и других народов Восточной Европы подточило изнутри Аварский каганат и послужило одной из причин его гибели. В конце VIII века авары были окончательно разгромлены. Воспоминанием о некогда могучем Аварском каганате остались лишь поучительные слова русского летописца: «Были обры телом великие, а умом гордые (заносчивые), и умерли все, и не осталось ни одного обрина, и есть притча на Руси до сего дня: «Погибли, как обры!»

Девятый век был переломным в истории восточных славян. Образовалось Древнерусское государство, объединившее восточнославянские племена в могучую державу, способную выдержать натиск воинственных соседей. Славянское население двинулось на юг, на просторы черноземных степей, тесня остатки кочевых орд. Славянский земледелец, осваивавший новые земли, был носителем экономического прогресса — с ним в области, занятые ранее кочевым скотоводством, приходил передовой по тому времени способ хозяйствования — пашенное земледелие.

Славянские поселения возникали на реках Пселе, Ворскле, Донце и Дону, на побережье Азовского моря и на Тамани. Но по-прежнему тревожной и полной опасностей была жизнь славянских землепашцев на степных просторах. Поселения строились в труднодоступных местах, окру-

жались валами, глубокими рвами и крепкими стенами. Со сторожевых башен, вершин холмов и курганов велось наблюдение за степью. В минуты опасности поднимались дымы сигнальных костров, и землепашцы, бросая работу, сбегались в свои укрепленные поселения. Из соседних поселков спешили конные отряды удалцов, чтобы совместно отразить очередной набег. Каждый мужчина был воином, умелым и ловким, владел луком и мечом так же искусно, как плугом и топором. Чтобы побеждать кочевников, нужно было не хуже их мчаться на конях, на полном скаку поражать врагов стрелами, смело рубиться в схватках.

А врагов в степях было по-прежнему немало. В низовьях Волги и Дона находилось государство кочевников-хазар — Хазарский каганат. Конные отряды хазар нападали на славянские поселения, грабили пограничные со степью области, периодически собирали дань с отдельных славянских племен. Только в IX веке, когда образовалось Древнерусское государство с центром в Киеве, господству хазар в степях пришел конец. Из Киева на юго-восточные рубежи страны приходили княжеские дружины, освобождая окраинные славянские племена от уплаты хазарской дани. Киевский князь Олег, опираясь на мощь военных сил Древнерусского государства, имел уже возможность открыто заявить: «Не давайте хазарам дани!» Под ударами киевских дружин владения Хазарского каганата постепенно сокращались и в X веке ограничивались уже сравнительно небольшой территорией на Нижней Волге.

Окончательный удар Хазарскому каганату нанес киевский князь-витязь, легендарный Святослав. Под крепостью Белая Вежа, последним опорным пунктом хазар на Дону, произошла битва русского войска с хазарской конницей. Хазары были разбиты наголову. Преследуя отступающего врага, князь Святослав взял столицу Хазарского каганата и разрушил ее. Сила хазар была сломлена. В степях Северного Причерноморья больше не было силы, способной противостоять победоносным полкам Древнерусского государства.

ПЕЧЕНЕЖСКАЯ ВОЛНА

Но мир в степях вскоре был нарушен опустошительным вторжением кочевников-печенегов.

Печенеги раньше кочевали в степях между Волгой и Аральским морем. В X в. они перешли Волгу и быстро

заняли всю степную полосу от Волги до Прута. На южной границе Руси обосновался опасный враг.

Впервые печенеги попали в поле зрения русского летописца в 915 г.: «Пришли печенеги впервые на Русскую землю и, заключив мир с Игорем (киевским князем), ушли к Дунаю». Спустя пять лет киевский князь уже «воевал с печенегами». В этот раз их нападение было успешно отбито, но опасность новых вторжений не исчезла: воинственная орда продолжала кочевать в степях.

Византийская империя, пытавшаяся установить свое господство в Северном Причерноморье, использовала печенегов для военного давления на Русь, подкупала печенежских вождей. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении государством» давал советы, как привлечь печенегов на свою сторону, не жалея даров и почестей печенежским вождям. Он предлагал заключить с ними «дружественные договоры и союз», ежегодно посылать «дары». Чем же заслужили варвары-печенеги царскую щедрость? Император давал недвусмысленный ответ на этот вопрос: «Печенеги живут в соседстве и сопредельны с русами и часто, когда живут не в мире друг с другом, грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. И русы стараются жить в мире с печенегами... Притом русы вовсе не могут даже выступать на заграничные войны, если не живут в мире с печенегами, так как последние во время их отсутствия сами могут делать набеги и уничтожать и портить их имущество... Русы даже не могут приезжать в сей царствующий град Ромеев (Константинополь), если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел, так как, достигнув на судах речных порогов, они не могут переходить их, если не вытащат суда из реки и не понесут их на руках; нападая тогда на них, печенежские люди легко обращают их в бегство и избивают, так как те не могут исполнять одновременно двух трудов».

Кроме того, Константин Багрянородный рекомендовал использовать печенежскую орду для давления на других кочевников — турков (торков), которые тоже могли быть опасными для Византии, и заключал: «Когда царь ромейский живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу; не могут они и требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, кото-

рую царь при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на земли русов и турков, брать в рабство их женщин и опустошать их земли».

Византийский император, конечно, преувеличивал влияние печенегов: политика Древнерусского государства не определялась печенежской ордой. Это убедительно доказал киевский князь Святослав, который при враждебном отношении печенегов успешно воевал против Византии на Дунае. Однако печенежская орда действительно представляла серьезную опасность для Руси, особенно тогда, когда русские войска отвлекались походами против других врагов.

Византийские императоры вовлекали печенегов в орбиту своей политики, подкупая вождей богатыми подарками, «ибо печенеги, как народ вольный и самостоятельный, никогда не исполняют никакой службы без вознаграждения». Византийские послы и чиновники регулярно ездили с дарами в землю печенегов. В сочинении Константина Багрянородного содержится даже своеобразная инструкция «О посылаемых из богохранимого града царских чиновниках на судах по Дунаю, Днепру и Днестру в Печенегию», в которой подробно описывается порядок переговоров с печенежскими вождями.

Приплыв в землю печенегов, «царский чиновник дает им весть через своего человека, оставаясь на судах и охраняя в них привезенные царские дары. И те приходят к нему; когда они придут, царский чиновник дает им своих людей в заложники и сам получает от печенегов других заложников, заключает их под стражу на судах и тогда договаривается с ними. Когда печенеги дадут царскому чиновнику клятвы по своим законам, он отдает им царские дары, получает от союзников сколько хочет и возвращается. С ними надлежит договариваться так, чтобы они исполняли службу, куда бы ни потребовал их царь — на Русь ли, или на Булгар, или на турков. Ибо они в силах воевать со всеми этими народами и, часто нападая на них, сделались ныне внушающими страх...»

Константин Багрянородный приводит любопытные сведения об истории появления печенегов в причерноморских степях и о внутреннем устройстве печенежской орды.

«Должно знать, что печенеги первоначально имели место жительства на реке Итиль (Волге), а также на реке Гейхе (Урале), имея соседями хазар и так называемых узов. Пятьдесят лет тому назад (сочинение Константина Багрянородного было написано в конце 40 — начале 50-х годов X столетия. — В. К.) узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны, и ее заняли до сего дня называемые узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут турки (торки), они победили их в войне, поселились сами в этой стране, владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет. Должно знать, что вся Печенегия делится на 8 округов и имеет столько же великих князей... После смерти их власть получили по преемству их двоюродные братья. Ибо у них существует закон и утвердилось древнее правило, чтобы (князья) не имели власти передать саны своим детям и братьям, но довольствовались только приобретенным и управляли до конца жизни, чтобы после смерти их ставились на их место или двоюродные братья, или дети двоюродных братьев, чтобы сан не переходил всецело в одной части рода, но чтобы власть наследовалась и воспринималась в боковых ветвях. Из чужого же рода никто не входит и не делается князем... Восемь округов делятся на 40 частей, которые имеют меньших князей. Должно знать, что четыре колена печенегов лежат за рекой Днепром, будучи обращены к восточной и северной сторонам — к Узии, хазарам, Алании, Херсону и прочим Климатам, а другие четыре рода расположены по сю сторону Днепра, к западной и северной сторонам; именно округ Гиацихопский соседит с Булгарией, округ Нижней Гилы соседит с Туркией, округ Харовой соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с ултинами (уличами), древленинами и прочими славянами. Печенегия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней, от Алании — на шесть дней, от Мордии (Мордовии) — на десять дней пути, от Руси — на один день».

Для печенежской орды середины X столетия были свойственны черты «военной демократии»; уже выделилась племенная знать — князья; власть вождей становилась наследственной. Для этой ступени развития родопле-

менного строя у кочевых народов характерно наличие крепкой военной организации, превращение грабительских войн с оседлыми народами в постоянный промысел.

Феофилакт Болгарский (X в.) так писал о печенегах: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстрого бега. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеваются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Русские летописцы долгое время почти ничего не сообщали о печенегах, но это вовсе не означало, что на степной границе Руси было спокойно. Константин Багрянородный писал, что печенеги часто «грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков». Видимо, набеги печенегов на русское пограничье стали привычным делом, в них уже не видели ничего необычного, достойного упоминания на страницах летописей. Кстати, в летописях нет ни одного упоминания о нападениях печенегов на торговые караваны, следовавшие из Киева в Константинополь, хотя, по свидетельству того же Константина Багрянородного, поездки русских людей через Печенегию зачастую не отличались по опасности от серьезных военных походов.

Лодки (однодеревки), нагруженные товарами из Новгорода, Смоленска, Чернигова и других городов, собирались в караван у Киева и затем под сильной охраной спускались вниз по Днепру, к порогам. Уже при прохождении четвертого порога «все ладьи причаливают к земле носами вперед; отряженные люди сходят держать с ними стражу и уходят; они неусыпно держат стражу из-за печенегов». Следующая опасность подстерегала караваны за седьмым порогом, на так называемой Крарийской переправе. «Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому (примерно 80 м. — В. К.)..., так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему печенеги приходят и на это место и нападают на русов». Опасность подстерегала торговые караваны и на морском

побережье от Днепра до реки Селины (в гирле Дуная). «Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять печенегам».

Деятельность византийских дипломатов в причерноморских степях заметно активизировалась, когда князь Святослав, одержав ряд побед над императорскими легионами, утвердился на Дунае. Византия не пожалела золота и других даров, чтобы снова направить печенежскую орду против Руси. В 968 г., воспользовавшись отсутствием князя Святослава, с которым ушла на Дунай большая часть русского войска, печенеги подступили к Киеву, столице Древней Руси.

Осада Киева печенегами подробно описана в русской летописи. В городе, окруженном бесчисленным множеством врагов, заперлась княгиня Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром. Кольцо осады было настолько плотным, что «нельзя было ни выйти из города, ни весть послать, и изнемогали люди от голода и жажды». На другой стороне Днепра собрались воины русского воеводы Претича, приготовили ладьи, но оказать серьезной помощи осажденной столице они не могли: воинов было слишком мало. Тогда киевляне «затужили» и начали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог передать весть на другую сторону Днепра, что, если не приступите утром под город, сдадимся печенегам!» И сказал один отрок: «Я могу передать!» Он вышел из города с уздечкой в руках и, проходя через печенежский лагерь, спрашивал по-печенежски: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Печенеги приняли его за своего, и юноша беспрепятственно прошел к Днепру, бросился в воду и поплыл. Печенеги стали стрелять вслед ему из луков, но было поздно: юношу подобрала лодка с другого берега Днепра. Отрок передал дружине воеводы Претича наказ киевлян. Воевода решил: «Подступим завтра утром в ладьях и княгиню и княжичей умчим на эту сторону, а если этого не сделаем, погубит нас Святослав!»

Утром трубачи воеводы Претича громко затрубили в боевые трубы, и ладьи с дружиной поплыли к Киеву. Печенеги, подумав, что это возвращается князь Святослав с войском, бежали. Один из печенежских вождей приехал для переговоров, спросил воеводу Претича: «А ты князь ли?» На что воевода ответил: «Я муж его и пришел в сто-

рожах (в передовом отряде), а за мной идет воинов бесчисленное множество». Военная хитрость удалась. Устрашенный печенежский вождь предложил: «Будь мне друг!» — и обменялся с русским воеводой подарками. «И отступили печенеги от города», — закончил рассказ летописец. Так мужество и находчивость безвестного отрока и военная хитрость воеводы Претича спасли столицу от печенегов.

Однако печенежская орда, отступив от столицы, кочевала совсем недалеко, у реки Лыбедь. Киевляне срочно послали к Святославу гонца: «Ты, княже, чужую землю ищешь и бережешь, а о своей забыл, чуть было нас не взяли печенеги...» Святослав вскоре вернулся с дружиной в Киев, «собрал воинов и прогнал печенегов в поле, и было мирно». Быстрая печенежская конница ничего не могла поделать против глубокого строя русской пехоты, подкрепленной с флангов конными дружинами. Воины, сомкнув щиты и выставив копья, создавали подвижную непреодолимую «стену». Святослав с обычной стремительностью двигался в глубь степей, высылая впереди полков конные отряды и воинов на быстрых ладьях. Но этот успех Святослав не закрепил: он вскоре снова ушел с войском на Дунай. И уже в 971 г., по сообщению летописца, киевскому князю снова пришлось «думать с дружиною своею» о том, что «печенеги с нами ратны», беспокоиться за свой тыл.

Воевода Свенельд имел все основания советовать князю Святославу возвращаться обратно в Киев «на конях», а не в ладьях через днепровские пороги, потому что «стоят печенеги в порогах». Святослав не послушался совета старого воеводы и жестоко поплатился. Когда он с малой дружиной возвращался водным путем, печенеги, по словам летописца, «заступили пороги, и нельзя было пройти через пороги». Святославу и его спутникам пришлось зимовать в Белобережье. Весной 972 г., когда Святослав снова попытался прорваться через пороги, на него «напал Куря, князь печенежский, и убил Святослава, и взял голову его, и из черепа его сделал чашу, оковав (золотом), и пил из нее».

После трагической гибели князя Святослава упоминания о печенегах на несколько лет исчезли из русских летописей. Но присутствие неподалеку от центров Руси печенежской орды (степная граница проходила всего в двух

днях пути от столицы!) приходилось учитывать и во внешней политике, и во внутренних делах.

Преемник Святослава на киевском великокняжеском «столе» Ярополк в 978 г. успешно воевал с печенегами и даже обложил их данью. Видимо, следствием этого успеха был переход одного из печенежских вождей на службу к киевскому князю. В 979 г. в Киев «пришел печенежский князь Илдей и бил челом Ярополку на службу; Ярополк же принял его и дал ему грады и волости». Этим было положено начало той политике, которую впоследствии старалось проводить Древнерусское государство по отношению к кочевникам южных степей: привлекать к себе на службу отдельные их орды, чтобы они сами били своих незамирных соплеменников. В 988 г., уже при князе Владимире, «пришел печенежский князь Метигай и крестился», а в 991 г. принял христианскую веру печенежский князь Кучюг «и служил Владимиру от чистого сердца». Но пока это были еще единичные случаи, не влиявшие на общую обстановку. Печенежское наступление на русские границы продолжалось.

БОГАТЫРСКИЕ ЗАСТАВЫ

Война с печенегами показала, что даже такие сильные удары, какие время от времени наносил степнякам грозный Святослав, не могут ликвидировать опасности новых нападений печенежской орды. Необходимо было создать крепкие оборонительные линии вдоль всей степной границы, способные задержать наступление кочевников. Эта грандиозная задача была выполнена Русью при князе Владимире Святославовиче, в последней четверти X столетия.

По свидетельству летописца, в 988 г. киевский князь Владимир объявил: «Се не добро есть, что мало городов около Киева!» И «начал ставить города по Десне и по Осетру, по Трубежу и по Суле, и по Стугне, и начал набирать лучших людей от словен, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, потому что была рать от печенегов».

Укрепленные линии на южной границе Руси, состоявшие из городков-крепостей, соединенных между собой валами, рвами и завалами, протянулись на сотни километров. Для наблюдения за кочевниками насыпали курганы,

на которых выставлялись сторожевые посты. Оборонительных сооружений таких масштабов не знала история европейской средневековой фортификации.

Борьба с печенегами фактически превратилась в общерусское дело: постоянные гарнизоны в пограничные крепости набирались со всей страны. Недаром народ воспел в своих былинах «заставы богатырские», оборонявшие родную землю от врагов, и связал их появление с именем киевского князя Владимира. Популярность Владимира объясняется тем, что именно в его княжение в военно-оборонительные мероприятия были втянуты широкие народные массы, борьба с кочевниками стала поистине всенародной. Академик Б. А. Рыбаков писал в своей книге «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», что войнами «богатырских застав» на рубежах Русской земли были те смерды широкой лесостепной полосы, которые то пахали землю на своих лошадях, то скакали на них в погоню за степняками. На степное порубежье бежали холопы со всех концов Руси, приходили крестьянские семьи, оторвавшиеся от своих общин и искавшие опоры вне своих старых связей. Все это способствовало созданию резерва дружинных сил. Княжеская власть, заселявшая новые города тысячами набранных в разных концах Руси воинов, укрепляла оборону страны руками крестьянских сыновей, которые, перестав корчевать общинную «лядину», отправлялись сюда в поисках новой жизни. Былинный богатырь Микула Селянинович — смерд, вступивший в княжескую дружину. Старейший богатырь Илья Муромец — крестьянский сын, приехавший из самых глубин Руси. Не случайно былины, воспевающие оборону южных рубежей Руси, дошли до наших дней в устах потомков новгородцев и суздальцев, унесших на далекий север память о событиях юга: ведь новгородские словене, суздальские кривичи и вятичи ездили на юг помогать киянам и курянам воевать с кочевниками. Народ не пожалел поэтических красок для изображения своих защитников.

Каждая из укрепленных линий на степной границе имела свое стратегическое значение. Академик Б. А. Рыбаков охарактеризовал их следующим образом.

Из пяти рек — Десны, Осетра, Трубежа, Сулы и Стугны, на которых были построены новые крепости, четыре впадали в Днепр с востока. На левобережье Днепра крепости возводились потому, что здесь было меньше естест-

венных лесных заслонов, а степь доходила почти до самого Чернигова. После постройки укрепленных линий печенегам приходилось преодолевать четыре барьера. Первый рубеж был на Суле, двести лет служившей границей между русскими и кочевниками. В «Слове о полку Игореве» о Половецкой земле иносказательно говорится: «Кони ржут за Сулю». Далее по реке Суле крепости стояли на расстоянии 15—20 км друг от друга. Когда печенеги преодолевали этот рубеж, они встречались с заслоном по Трубежу. Здесь стоял один из крупнейших городов Древней Руси — Переяславль-Южный. Если и это препятствие печенегам удавалось взять или обойти, то перед ними открывались пути на Чернигов и Киев. Но перед Черниговым лежали оборонительные линии по Осетру и Десне, затрудняя подход к этому богатому русскому городу, а чтобы попасть с левого берега Днепра к Киеву, печенегам нужно было перейти вброд реку под Витчевым, а затем форсировать Стугну, по берегам которой Владимир и поставил крепости. Археологи в Витчеве над бродом открыли мощную крепость конца X в. с дубовыми стенами и сигнальной башней на вершине горы. При первой же опасности здесь разжигали огромный костер, который был виден в Киеве. В столице тотчас же узнавали о появлении печенегов на Витчевском бросе.

Стугнинская укрепленная линия окаймляла «бор великий», подступавший к Киеву с юга. Это был последний оборонительный рубеж перед столицей, состоявший из городов-крепостей Триполя, Тумаши и Василева и соединявших их валов. За этой укрепленной линией, между Стугной и Киевом, Владимир построил в 991 г. огромный город-лагерь Белгород, ставший резервом всех киевских сил.

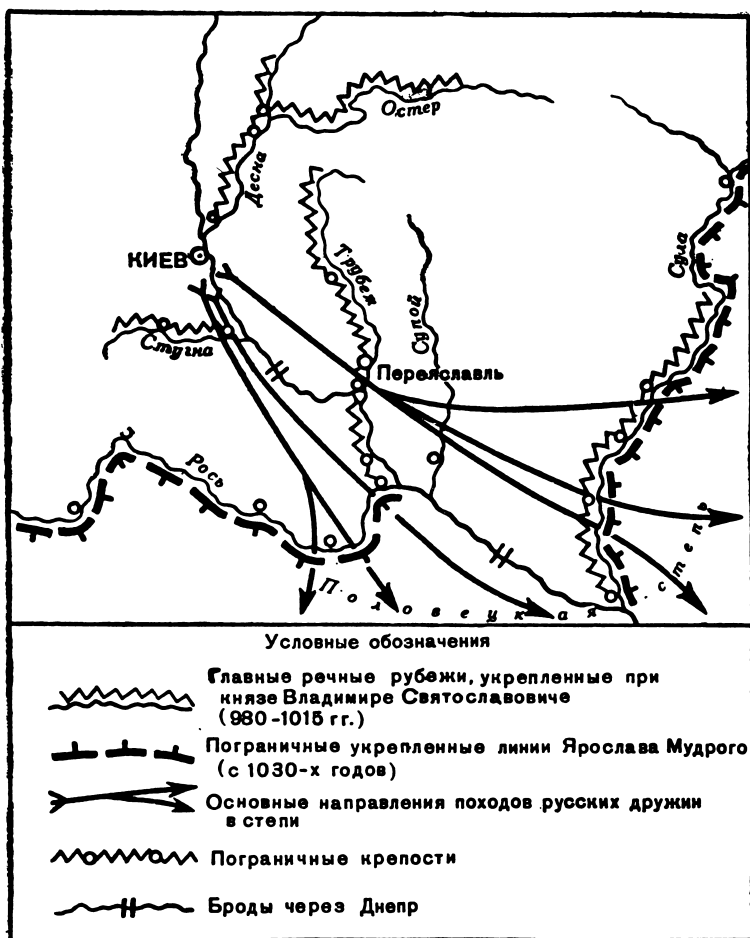
Постройка оборонительных рубежей с продуманной системой крепостей, валов и сигнальных вышек сделала невозможным внезапное вторжение печенегов, что давало возможность Руси собираться с силами и переходить в наступление. Об этих порубежных заставах-крепостях и об удалцах, стороживших на их башнях родную землю, народ сложил свои песни.

На горах, горах да на высоких,
На шоломя холме да на окатистом,
Там стоял тонкий бел шатер.
Во шатре-то удаленьки добры молодцы...
Стерегли-берегли они красен Киев-град.

Около тысячи лет прошло с того далекого времени, когда русские люди возводили на степной границе укрепленные линии. Археологические раскопки дают возможность представить, какими были «заставы богатырские». Так, в селе Заречье, поблизости от древнего города Василева, были обнаружены остатки древней пограничной крепости Новгорода-Малого. Крепостица Новгород-Малый, входившая в состав укрепленной оборонительной линии, стояла на крутом, обрывистом берегу Стугны. К холму, примыкая с двух сторон к крепостным стенам, подходили знаменитые Змиевы валы. Вершина холма была укреплена мощными дубовыми стенами, частично засыпанными внутри землей. В северной, противоположной от степи стороне крепости были расположены ворота, укрепленные кладкой из сырцовых кирпичей. Над воротами возвышалась рубленая двухъярусная башня. Крепость окружал глубокий ров; легкий мостик, перекинутый через него к воротам, поднимался в случае опасности. Еще одна башня высилась в восточной части крепости. На этом месте археологи обнаружили оружие и узорные бляшки портупей — остатки воинского снаряжения дружинника. За крепостными стенами стояли легкие жилища. Это был военный лагерь, сторожевой пост, где несли службу «лучшие мужи», набранные киевским князем со всех концов земли Русской. Возможно, здесь были и витязи из далекого северного Новгорода, давшие малому городку свое имя.

Опасной и суровой была жизнь русских воинов в такой пограничной крепости. Круглый год, день и ночь, стояли на высокой башне дозорные, зорко вглядываясь в степные дали. Сменяя друг друга, выезжали далеко в «дикое поле» конные «сторожи», берегли дальние подступы к укрепленной линии. В минуты опасности на курганах загорались сигнальные огни, скакали быстрые гонцы в города — за подмогой. А пока собиралось войско, чтобы выступить навстречу печенегам, немногочисленный гарнизон крепости один встречал очередной печенежский набег. Ценой жизни защитники крепости порой задерживали врага, выигрывали время для сбора киевских и переяславских дружин.

Подобная судьба была и у Новгорода-Малого. Крепостица просуществовала недолго и погибла во время большого печенежского похода. Все деревянные постройки

Основные рубежи обороны Южной Руси в X—XI вв.

крепости сгорели. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что Новгород-Малый был разрушен в 996 г., когда многочисленная печенежская орда напала именно на это звено Стугнинской укрепленной линии, а князь Владимир не располагал достаточным войском, чтобы отбить печенегов в поле. Небольшой гарнизон крепости погиб, пытаясь сдерживать в неравной борьбе печенежский натиск, но выпол-

нил свою задачу — не пустил печенегов за Стугну, от которой до стольного Киева было всего три часа быстрой скачки. Печенеги дальше Стугны в тот раз не прошли.

Мероприятия киевского князя Владимира Святославовича по укреплению южной степной границы оказались весьма своевременными: в 90-х годах X столетия печенеги значительно усилили натиск на Русь. Древнерусскому государству потребовалось огромное напряжение сил, чтобы сдержать наступление печенежской орды. Страницы русских летописей, посвященные событиям того времени, — это непрерывный перечень битв, осад городов, тяжелых жертв и гибели множества людей, героических подвигов и искусно проведенных военных операций.

В 993 г. большая печенежская орда подступила к реке Суле. Русское войско во главе с киевским князем выступило навстречу и преградило путь врагу у брода на реке Трубеж, там, где впоследствии был построен город Переяславль-Южный. Русские и печенежские полки встали напротив, на разных берегах реки, не решаясь вступить в бой: князь Владимир видел, что печенежская орда очень многочисленна, а печенеги вообще предпочитали нападать внезапно и опасались нападать на русский строй, изготовившийся к битве. О дальнейших событиях подробно рассказывает летописец:

«Приехал князь печенежский к реке, и позвал Владимира, и сказал ему: «Пусти ты своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой муж ударит им (о землю), тогда не воюем три года и разойдемся, если ударит мой муж, то воюем три года». Владимир послал бирича по палаткам, спрашивая: «Нет ли такого мужа, который бы вышел на бой с печенегом?» И не нашли нигде. Утром приехали печенеги к реке и своего мужа привели, а нашего не было, и начал тужить Владимир, посылая ко всем воинам своим. И пришел один старик, и сказал: «Княже, есть у меня дома один сын младший, а с четырьмя пришел сюда. С детства никому не удавалось им ударить (о землю). Однажды бранил я его, когда он мял кожи, а он рассердился на меня и разорвал их руками». Князь, услышав это, рад был и срочно послал за ним, и привели его к князю, и князь поведал ему все. Он же сказал: «Княже, не ведаю, смогу ли с ним биться, испытай меня. Нет ли вола большого и сильного?» И привели сильного вола,

разъярили раскаленным железом и пустили, и побежал вол мимо него, и схватил он вола рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько рука его ухватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться!» И на завтра пришли печенеги и начали звать (на бой). И выступил муж Владимира. Его увидел печенег и посмеялся (потому что), был он среднего роста, а печенег сам был очень велик и страшен. И измерили место между полками, и пустили бойцов... Сдавил муж Владимира печенега руками до смерти и ударил его (о землю). И закричала Русь, а печенеги побежали. А Русь погналась за ними, рубя саблями, и прогнала их. Владимир же был рад, и заложил город на том броде, и назвал его Переяславль, потому что перенял славу (у печенегов) отрок».

Но далеко не все битвы с печенегами кончались такими победами. В 996 г., когда снова «пришли печенеги к Василеву», князь Владимир вышел навстречу им с малой дружиной и был разбит. Сам он бежал, «едва укрылся от противных», спрятавшись под мостом.

В следующем году была с печенегами «рать великая беспрестанно». Силами одних южнорусских княжеств отбить печенежское наступление не удалось, и киевский князь отправил послов в далекий северный Новгород, чтобы собрать там новое войско. Печенеги узнали, что князя нет, осадили Белгород. В городе начался великий голод, надежды на близкое вызволение не было. Напрасно ждали осажденные помощи от своего князя, «не собрались к нему воины, печенегов же было множество». Только хитрость спасла белгородцев от врага. Один старец посоветовал поставить в два колодца кадушки, собрать последние остатки продовольствия, изготовить из него «цежь» (кисель из овса и ржи) и налить в одну бочку, а в другую — мед. Затем позвали печенежских послов, показали им, как из одного колодца черпали «цежь», а из другого — мед, и пояснили: «Сия пища нам беспрестанно из земли исходит!» Печенеги поверили и, решив, что осажденные не терпят голода, сняли осаду.

К этому тревожному, полному опасностей времени самого страшного печенежского натиска патриарший летописец XVII в. относил свою первую запись о русских богатырях, совершавших героические подвиги в борьбе с печенегами. На страницах летописи записано под 1001 годом: «Богатыри. В лето 6509 Александр Попович и Ян Ус-

мошвец, убивший печенежского богатыря, избили множество печенегов и князя их Родмана с тремя сыновьями его в Киев к Владимиру привели. Владимир же устроил светлый праздник и великие кади меду, и квасу, и вина поставил, и мясо, и рыбу, и всякие овощи, что кому хотелось, то и ели». В 1004 г., по сообщению того же летописца, когда снова пошли печенеги на Белгород, киевский князь «послал на них Александра Поповича с многими силами, печенеги же, услышав об этом, побежали в поле».

В русских былинах подробно описывается, как были вооружены богатыри князя Владимира, побеждавшие печенежских витязей. Богатыри — это конные воины, одетые в кольчужные брони, вооруженные копьями, мечами или саблями, луками и стрелами, палицами-булавами. Илья Муромец, снаряжаясь на бой с «Калин-царем», надевал «кольчуги золоченые», брал «лук тугой и калены стрелы», «саблю вострую», «копье долгомерное», «палицу военную». В былинах о других богатырях упоминались «меч», «булатен нож», «злат шелом» и т. д.

Богатыри, прирожденные воины, никогда не расставались с оружием. Только полная тревог и опасностей действительность могла породить такие былинные образы! Вот богатырь Вольх (Вольга), ему от рождения всего-то полтора часа, а он уже требует:

А не пеленай во плену червчатую,
А не поясай во поесья шелковые —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
Во праву руку — палицу.

Археологи не раз находили описанные в былинах «кольчатые брони» — рубахи из мелких переплетенных между собой железных колец, и «брони», сделанные из железных пластин, нашитых на кожаную основу в виде чешуи.

Голову древнерусского воина-дружинника защищали в бою «шелом», железные или «шеломчатые колпаки», «пишак» — плавно вытянутый сверху шлем, заканчивавшийся втулочкой — «пишом», в которую вставлялся яркий султан — «оловец». И в былинах у богатыря «пишак на голове-де как огонь горит!»

Готовясь к выстрелу из лука, былинный богатырь

...вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу.
...А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает.
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные.

Это описание богатырского лука вполне соответствует бытовавшему на Руси в X в. (и найденному впоследствии археологами!) дальнобойному сложному луку, состоявшему из втулки — кибити, в которую вставлялись два рога. На луке были костяные или металлические накладки — полосы.

Палица, тоже очень распространенное на Руси оружие, обычно упоминалась в былинах с эпитетами «военная», «боевая», «булатная», реже «медная». Ею богатырь «поигрывает», подбрасывая под облака и ловя одной рукой, и требует себе «поединщика».

Вооружение былинных богатырей, несмотря на некоторые вполне понятные преувеличения (богатырь, к примеру, «берет палицу боевую в пятьдесят пудов»), соответствует вооружению киевского дружинника, копного воина, который успешно бьется с печенежскими всадниками и побеждает их. Русские умельцы-ремесленники — оружейники, кузнецы, кольчужники, шорники дали в руки своим защитникам надежное оружие. В отличие от англосаксов, вышедших на поле битвы при Гастингсе с каменными топорами, русским воинам было чем сражаться за родную землю!

Успешные походы русского войска и несколько побед, одержанных над печенежской ордой, по-видимому, вызвали разногласия между печенежскими вождями. В 1104 г., по сообщению летописца, «убит был Темир, князь печенежский, своими сродниками». Однако «дикое поле» все еще нависало враждебной силой с юга над Русью.

Об обстановке на степной границе Руси много интересных сведений содержится в письме к германскому императору мервбургского архиепископа Бруно, который побывал в Печенегии в 1006 г. По дороге в степи Бруно останавливался у киевского князя Владимира и вместе с ним доехал до укрепленных линий, ограждавших Русь со сто-

роны степей. Вот что писал Бруно о своем путешествии к печенегам.

«Русский государь, известный своим могуществом и богатствами, удерживал меня у себя целый месяц (как будто бы я по своей воле шел на гибель!) и противился моему предприятию, стараясь убедить меня не ходить к этому дикому народу, среди которого невозможно отыскать ищущих спасения, а найти себе бесполезную смерть — всего легче. Но он не мог отклонить меня от моего намерения».

Далее Бруно описывал, как князь Владимир «сам, с войском своим, два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него, для безопасности от неприятеля, на очень большом пространстве обведены со всех сторон завалами». Это был рубеж Русской земли; дальше шла степь — опасная и враждебная, перекрывавшая путь к Черному морю.

«Два дня шли мы (после перехода границы. — *В. К.*) без всякого препятствия, — повествует Бруно. — На третий день — это была суббота — нас рано схватили печенеги. В тот же самый день нас всех, с наклоненными головами и обнаженными шеями, три раза, т. е. утром, в полдень и к вечеру, подводили под топор палача... Было воскресенье, когда нас препроводили в главный стан печенегов».

Записки Бруно подтверждают даваемую современными учеными характеристику печенежской орды как общества, находившегося в XI столетии на стадии «военной демократии» с большим влиянием племенной знати (печенежских старейшин) и собрания всех взрослых членов племени, решавшего важнейшие вопросы. Бруно и его спутники по прибытии в «главный стан печенегов» должны были ждать такого собрания. «В следующее воскресенье, при наступлении вечера, нас ввели в середину этого собрания, подгоняя бичами нас и коней наших. Несметная толпа народа, со сверкавшими от злости глазами и пронзительным криком, бросилась на нас; тысячи топоров, тысячи мечей, простертых над нашими головами, грозили рассечь нас на части. Так нас непрестанно мучили и терзали до темной ночи, пока наконец печенежские старейшины не поняли наших речей и не исторгли нас властью своею из рук народа».

Так описывал архиепископ Бруно свою встречу с печенегами, «самым грубым и самым свирепым, какой есть на земле, языческим народом».

Война с печенегами продолжалась и при преемниках князя Владимира. В 1017 г. печенежская орда совершила неожиданное нападение на Киев. Но город был постоянно готов к осаде. Горожане выкопали вокруг него ров, пустили туда воду и прикрыли сверху жердями; на крепостных стенах были укреплены зеленые ветки, чтобы скрыть воинов и помешать печенегам прицельно метать стрелы. Ворота Киева намеренно были оставлены приоткрытыми, позади них расположились сильные отряды воинов. Когда печенежская конница с радостными криками «всеклась в Киев», на нее обрушились русские дружины. В тесноте городских улиц степняки потеряли свое основное преимущество — скорость и свободу маневра. Бой продолжался до вечера. Множество печенежских всадников нашли смерть на улицах древней столицы. Остальные печенеги, пробывавшие безуспешно штурмовать городские стены, «отбежали» от Киева.

В 1019 г. киевский князь Ярослав Мудрый нанес еще одно поражение печенегам. Сражение произошло на реке Альте; по словам летописца, такой «сечи злой» до сих пор не было на Руси, полки сходились трижды, кровь текла по земле, «как вешняя вода». Печенеги были разбиты и отступили.

Но война еще не была окончена. В 1020 г. печенеги совершили опустошительный поход на Киевскую землю. На этот раз князю Ярославу не удалось отбить врага. Печенежская орда захватила богатую добычу и пленных и благополучно ушла в степи. «Пришли печенеги и много зла сотворили, и пошли восвояси», — печально отметил русский летописец.

При князе Ярославе Мудром продолжалось укрепление южной границы Руси. В 1032 г. он «начал ставить города по Роси», пограничной реке, прикрывавшей со стороны степей столицу Древнерусского государства. Но не новые крепости, не валы и засеки сыграли решающую роль в войне с печенегами. Князю Ярославу Мудрому удалось собрать и двинуть на врага объединенные военные силы многих русских земель. Когда в 1036 году печенеги в последний раз осадили Киев, князь Ярослав «собрал воинов много» в Новгороде и поспешил на помощь осажденной столице. Решающее сражение произошло под стенами Киева, на том месте, где впоследствии был построен Софийский собор. В центре русского строя стояла варяжская

дружина, на правом крыле — киевский полк, а на левом — новгородцы. Битву начали печенеги, обрушившиеся всей конной массой на русское войско. «Была сеча злая, и едва одолел к вечеру Ярослав, и побежали печенеги, и не ведали, куда бежали, и одни утонули в реке Ситолми, другие — в иных реках, и так погибли».

Осколки печенежской орды откочевали на запад и юго-восток, растворившись в новой волне азиатских кочевников — племенах торков. Отдельные отряды печенегов поступили на службу к киевским князьям и остались жить поблизости от русской границы.

Однако самостоятельной роли эти осколки некогда грозной печенежской орды уже не играли. Война с печенегами фактически закончилась полной победой Руси. Русь выстояла, ликвидировав опасного врага, свыше столетия угрожавшего ее южным границам.

НАРОД-ВОИТЕЛЬ

И церковные и княжеские летописцы, повествуя о войнах с печенегами, по вполне понятной причине выпячивали роль князей в этих событиях. В их описаниях именно князь «собирал воинов», «ходил» в опасные походы в глубь степей, «избивал» и «побеждал» степняков и возвращался «с честью и славою великою» в свою столицу.

Однако внимательный анализ летописных текстов позволяет подметить одну интересную закономерность: в наиболее трагических и крупных эпизодах этих войн главными действующими лицами и героями выступают простые люди, выходцы из народа.

При осаде Киева печенегами в 968 г. город спас безвестный отрок, который прошел через стан врагов и привел помощь.

Во время крупного печенежского похода 993 г., когда орда и русское войско сошлись у брода через реку Трубеж, на поединок с печенежским богатырем вышел не князь и не «княжий муж», дружинник, а скромный ремесленник Ян Кожемяка, пятый сын неизвестного старика, явно не принадлежавшего к княжескому окружению.

Когда многочисленная печенежская орда в 997 г. осадила пограничный Белгород, а князь не мог оказать помощи городу, простой белгородский старец дал городским старейшинам спасительный совет, помог обмануть врагов.

Герои «богатырских застав», былинные богатыри, происходили, как правило, из народа, были крестьянскими сыновьями. Древние авторы подметили тот факт, что основную тяжесть войны с кочевниками вынесли на своих плечах народные массы: простые «вои» пограничных крепостей, которые пришли на южный рубеж со всех концов Руси и бдительно несли полную опасностей сторожевую службу на укрепленных линиях; смерды-землепашцы, не выпускавшие из рук копий и топоров и быстро собиравшиеся под знамена князей для отпора врагу; «младшие дружинники», годами не слезавшие со своих боевых коней; горожане, стойко оборонявшие стены своих родных городов от налетов печенегов, терпевшие голод и лишения во время длительных осад, но не сдававшиеся врагу.

Народ — вот кто был подлинным героем и воителем за Русскую землю!

Войны с печенежской ордой в течение многих десятилетий были основной внешнеполитической задачей Древнерусского государства, хотя, по справедливому замечанию академика Б. Д. Грекова, «несомненно, печенеги для Древнерусского государства не представлялись непобедимыми», и «Русь их успешно отбивала и осваивала, включая в состав подвластных Киеву народов». Тяжелая и продолжительная война с печенегами (по подсчетам Б. Д. Грекова, киевские князья серьезно воевали с печенежской ордой 16 раз, не считая мелких столкновений!) потребовала от Руси большого напряжения сил. Несмотря на конечный успех этой борьбы — разгром печенежской орды под Киевом в 1036 г., потери Руси в борьбе с печенегами были значительны. Печенежские наезды, которых в конце X — начале XI столетий было множество, привели к отступлению части славянского земледельческого населения из пограничных со степью районов на север и северо-восток, под защиту лесов. Южная граница славянских поселений теперь не заходила далее укрепленных линий: ведение земледельческого хозяйства в степной и в немалой части лесостепной полосы было невозможным из-за печенежской опасности. Крайне отрицательные последствия для развития экономики имела утрата Русью в результате печенежского наступления плодородных черноземных земель на юге и ликвидация тех островков оседлого земледелия, которые образовались в степях благодаря славянскому заселению в VIII — IX вв. Печенеги систематически

перерезали жизненно важные для Руси торговые пути в Византию и на восток, печенежская кочевая стихия отрезала Русь от Черного моря. Вторжение печенежских отрядов усугубляло разрушительные последствия междоусобных войн князей. Определенное влияние оказало печенежское наступление и на международное положение Руси. Занятые постоянными войнами с печенежской ордой, киевские князья не имели возможности проводить достаточно активную внешнюю политику на западных рубежах страны.

В то же время ведущая роль Киева в организации международной борьбы с кочевниками способствовала превращению его в признанный политический центр Руси. Создание системы пограничных крепостей с постоянными гарнизонами сосредоточило в руках киевского князя большие военные ресурсы, которые использовались им для укрепления единства страны. В войнах с кочевниками выковывалась крепкая военная организация, способная отстоять независимость родной земли от опасных врагов — азиатских кочевников.

А новые враги не замедлили появиться. Печенегов, разгромленных в боях с русскими дружинами, сменили в причерноморских степях торки (гузы, огузы).

В X в. тюркское племенное объединение торков-гузов занимало приуральские степи вплоть до Волги. По сообщению арабского историка Масуди, торки неоднократно воевали с Хазарским каганатом, владения которого примыкали к районам их кочевий с запада; отряды торков зимой по льду переходили Волгу и опустошали хазарские поселения. Есть основания полагать, что торки были союзниками киевского князя Святослава во время его походов на хазар. В качестве союзников киевских князей торки выступали и позднее. Не случайно первое упоминание о них в русской летописи связано с совместным походом русских и торков против волжских болгар: в 985 г. князь Владимир Святославович с войском двинулся на Волжскую Болгарию речным путем в ладьях и «торков берегом привел на конях».

В конце X — начале XI в. торки перешли Волгу и постепенно заняли придонские степи, вытеснив оттуда печенегов. Наступление торков на тылы печенежской орды облегчило победу Руси над старым врагом. Однако после разгрома печенегов торки подошли к русским границам, и

уже в 1055 г. летописец сообщал о войне с ними переяславского князя Всеволода. По словам летописца, в том году Всеволод пошел «на торков зимой войною и победил торков».

Одной из причин продвижения торков на запад было то, что их теснили племена половцев, тоже проникших в причерноморские степи. Киевские князья, внимательно следившие за изменением обстановки в степях, постарались использовать половцев для борьбы с торческой ордой. Летописец сообщал, что переяславский князь вел переговоры с одним из половецких вождей: «Приходил Блушь с половцами, и заключил Всеволод мир с ними».

В первые годы пребывания торков у русских границ с ними успешно воевало переяславское войско, не привлекая военных сил других княжеств. Мощные укрепленные линии, созданные для обороны от печенегов, оказались непреодолимыми для торческих отрядов.

В 1060 г. на торческую орду двинулось объединенное войско нескольких русских княжеств. Возглавляли поход наиболее влиятельные русские князья: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский, Всеволод Переяславский, Все-слав Полоцкий. Они, «собрав воинов бесчисленно, пошли на конях и в ладьях бесчисленным множеством на торков, и, услышав об этом, торки, испугавшись, бежали и погибли, убегая, одни от зимы, другие от голода, иные же от мора».

Остатки торческой орды пытались откочевать на запад, к границам Византийской империи. Однако ослабленные сокрушительным разгромом у русских границ, торки не сумели ворваться во владения византийских императоров. Часть торков осела в Македонии в качестве подданных Византии, а остальные возвратились в причерноморские степи.

Торки, поселившиеся в Приднепровье, признали власть киевского князя и остались здесь служить в военных гарнизонах пограничных крепостей. Основным районом расселения «служебных» торков был бассейн рек Роси и Росавы, где возник город Торческ. Впоследствии «служебные» торки Поросья сыграли значительную роль в обороне южных границ Древнерусского государства от набегов половцев.

Таким образом, к середине XI столетия Древняя Русь сумела отбить натиск многочисленных воинственных орд

печенегов и торков, не только разгромила их, но и поставила остатки этих орд себе на службу.

Решающую роль в успешной борьбе с кочевниками сыграло образование и укрепление Древнерусского государства, которое объединило военные силы славянских племен и сумело придать войне с печенегами и торками общенародный характер.

Два обстоятельства изменили в последующие десятилетия обстановку на степной границе Руси. Во-первых, на Руси появились первые признаки феодальной раздробленности, начались междоусобные войны, серьезно ослабившие военные силы страны. Система общегосударственной обороны степной границы оказалась нарушенной. Объединение военных сил для совместных походов в степи теперь встречало большие трудности. Во-вторых, в середине XI столетия появилась новая волна азиатских кочевников — половцев, врагов гораздо более опасных, многочисленных и настойчивых, чем побежденные печенеги и торки.

ПОЛОВЕЦКИЙ НАТИСК

«В лето 6569 (1061 г.) пришли впервые половцы на Русскую землю воевать. Всеволод (перемышльский князь. — В. К.) вышел против них февраля месяца, во второй день, и бился с ними. Победили (половцы) Всеволода и отошли, воюя. Се было первое зло Русской земле от поганых безбожных врагов», — писал летописец о вооруженном нападении на Русь новых опасных врагов. С этого времени более 150 лет половцы непрерывно угрожали Руси, то совершая опустошительные походы, то беспокоя бесчисленными грабительскими набегами, то вмешиваясь в междоусобные распри русских князей.

Целая полоса истории Древней Руси была связана с непрекращавшейся изнурительной войной против половецких орд. Русь грудью встретила половецкое нашествие и приняла основной удар на себя. Половцы, как раньше печенеги и торки, не прошли дальше на запад и остановились в основном в причерноморских степях, понеся большие потери в битвах на русских рубежах. Только отдельные всплески половецкой волны доходили до Дунайской Болгарии и Византии, наводя ужас на европейские

народы. Но, предпринимая эти походы, половецкие ханы с тревогой вспоминали о русских дружинах в тылу.

Тюркские кочевые племена половцев (западные источники называли их куманами или команам, восточные — кипчаками) появились в Юго-Восточной Европе из степей Северо-Западного Казахстана, заняли в X в. заволжские степи, а затем перешли Волгу. Оттеснив печенегов и торков, половцы захватили Волго-Донское междуречье и примерно к середине XI столетия дошли до Днепра. Пограничное Переяславское княжество было первым, на которое обрушился их удар.

Главным занятием половцев было кочевое скотоводство; охота и рыболовство играли подсобную роль. По своему общественному строю половцы мало отличались от других кочевых племен на той же стадии развития — в период разложения родового строя. Основной социальной единицей половецкого общества был род, именуемый в русских летописях «вежа» (вежа одновременно была и военной единицей). Роды объединялись в племена — орды. Половецкие вожди — ханы и беки (русские летописцы называли их «лепшими» князьями и князьями) пользовались большим влиянием и имели в своем распоряжении значительные военные силы.

У половцев не сложилось еще единого государства, хотя во второй половине XI столетия у них появились более крупные объединения — союзы племен, занимавшие обширные районы степей по обе стороны Днепра. Половецкие ханы Боняк и Тугорхан возглавляли такие объединения в западной части половецких степей, на правобережье Днепра; хан Шарукан Старый и его потомок Кончак — в донецких степях. Половецкие ханы повелебно распоряжались десятками тысяч воинов-кочевников, направляя их в опустошительные походы. Стремление половецких владык к обогащению, к захвату все новых и новых земель под пастбища определяло их агрессивную внешнюю политику. Политика эта в течение многих десятилетий сводилась к грабительским походам, разорению соседних со степью областей и массовым захватам пленных. Большую роль в организации половецкого наступления на русские земли сыграла родовая сплоченность кочевых орд, позволявшая половецким ханам увлекать в свои грабительские походы почти все взрослое население степей.

Слаженная военная организация половцев сделала их опасным врагом оседлых народов Восточной Европы, несмотря на то что численность половецких племен была не так уж велика. Беспрерывные походы, набеги и межплеменные столкновения, кочевой образ жизни — все это с малолетства воспитывало половцев умелыми, быстрыми, выносливыми воинами. Их вооружение состояло из лука, колчана со стрелами, сабли, аркана; часть половецких всадников имела копыя. Луками половцы владели в совершенстве, сбивая стрелами на лету любую птицу.

Половецкую орду трудно было заставить врасплох: никакое движение в степи не могло укрыться от зорких глаз кочевника. При встрече с противником половцы с криками устремлялись в атаку, осыпая его градом стрел. Натолкнувшись на сильное сопротивление, орда тотчас же отступала и обращалась в притворное бегство, стараясь заманить преследователей под удар засадных отрядов, которые неожиданно нападали с тыла и с флангов. Засады готовились заранее и скрывались по обеим сторонам возможного пути отступления. Для боя половцы обычно строились в несколько линий. Первая линия состояла из отдельных конных отрядов, расположенных уступами. Иногда между ними ставились телеги, чтобы нарушить строй атакующего врага и тем самым задержать его. Сзади размещались резервы, готовые вступить в битву в решающий момент. Ожидая нападения сильного противника, половцы возводили укрепления из телег, составленных кругом. Телеги покрывались толстыми бычьими шкурами, чтобы неприятель не мог их поджечь. Укрывшись в кольце телег, половцы отбивали приступы наступающих и наносили им серьезные потери. Между телегами оставлялись извилистые проходы, через которые конные половецкие отряды предпринимали неожиданные вылазки, осыпали врагов на скаку стрелами, вырубали оказавшиеся в меньшинстве дружины и снова быстро скрывались в кольце телег. Победить половцев, успевших укрепить свои становища, было нелегко. Случалось, русские князья, получив известия о том, что половцы подготовили свои вежи к бою, поворачивали войско обратно.

Половецкие орды подступили к русским землям почти на всем огромном протяжении южной степной границы Руси. Многие жизненно важные центры Древнерусского государства оказались в непосредственной близости от по-

ловецких кочевий, под угрозой непрерывных нападений степняков.

Половецкая земля в конце XI и в XII столетиях простиралась в причерноморских степях между Волгой и Дунаем, включая степную часть Крыма и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за Волгой, до реки Яика (Урала). На севере Половецкая земля граничила с Древнерусским государством.

Главные центры половецких кочевий находились в степях, примыкавших к Черноморской луке, между Дунаем и Днепром. Здесь кочевали лукоморские половцы. У Днепровской луки по обе стороны порогов располагались становища приднепровских, или запорожских, половцев. Крупный половецкий центр в районе реки Молочной входил, вероятно, во владения половцев приморских, кочевавших от Днепра до Нижнего Дона, по берегам Азовского моря. Между реками Орелью и Самарой находились вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева называли заорельскими. Между Северским Донцом и Тором размещались становища, принадлежавшие донецким половцам. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Известны также половцы, обитавшие в степях Предкавказья.

В результате половецкого наступления огромные массивы плодородных черноземных земель степной и частично лесостепной полосы были отторгнуты от Руси и изъяты из земледельческого оборота. Население районов, примыкавших к степи, было частично перебито, частично захвачено половцами в плен и продано в рабство, а многие из уцелевших хлебопашцев переселялись на север и северо-восток, под защиту лесов.

Утрата плодородных земель на юге имела тяжелые последствия для Руси. Земледельцы, вынужденные переселиться с черноземных просторов степей на нещедрый на урожай суглинок Северо-Восточной Руси, отвоевывали у лесов каждый клочок пахотной земли ценой неимоверных усилий. С приходом половцев все пограничные со степью княжества — Киевское, Переяславское, Новгород-Северское, Черниговское, Рязанское — стали объектами бесчисленных набегов кочевников.

Особенно частыми и опасными были осенние набеги,

когда степняки захватывали урожай. Зимой половцы уходили к югу, на побережье Черного моря. Летом их кочевья постепенно перемещались на север, в ковыльные степи, поближе к границам лесов. А осенью, когда кони были сыты, а пастбища находились в непосредственной близости от русских рубежей, половецкие отряды возобновляли свои грабительские набеги. И так из года в год, на протяжении полутора столетий!

Половцы обычно нападали внезапно, грабили села и деревни и уводили в свои вежи людей, исчезая раньше, чем князья успевали собрать войско для отпора. «В один миг половец близко, — писал византийский автор XII столетия Евстафий Солунский, — и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за повод, понукает коня ногами и бичом и вихрем несется далее, как бы желая перегнуть быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз».

Гарнизоны укрепленных городков на границе со степью успешно отбивали наезды отдельных половецких отрядов, но часто оказывались бессильными против крупных орд. Создать крепкую оборонительную линию по всей границе с Половецкой землей было невозможно. Половецкие всадники прорывались через валы на просторы Киевского, Переяславского, Черниговского княжеств. Тогда скакали княжеские гонцы от города к городу, собирали русские рати для отпора врагу. На это требовалось время. Поэтому предупредить молниеносные половецкие грабежи удавалось редко, и русские князья старались перехватить половцев уже на обратном пути, при возвращении тех с добычей и пленными. Часто такие маневры приводили к поспешному бегству степняков и к освобождению захваченных ими пленных.

В полуторавековой борьбе Руси с половецким нашествием были периоды ожесточенного натиска кочевых орд и временного затишья, периоды победоносных походов русских полков в глубь половецких степей и тяжелых поражений князей под стенами собственных столиц, годы неустойчивого мира и временных союзов отдельных князей с половецкими ханами во время феодальных междоусобных войн. Но неизменной в течение этих полутора столетий была обстановка военной тревоги на степных рубежах Руси.

СЕЧИ И БРАНИ

Широкое половецкое наступление на Русскую землю началось в конце 60-х годов XI столетия. В стольном Киеве княжил в то время Изяслав, старший сын Ярослава Мудрого, в Чернигове и Переяславле — его братья Святослав и Всеволод. Только что закончилась продолжительная междоусобная война Ярославичей с полоцким князем Всеславом. Всеслава, удачливого и смелого воина, сумевшего захватить богатый Новгород и снявшего даже колокола с новгородского Софийского собора, наконец разбили Ярославичи и заточили в темницу на княжеском дворе в Киеве вместе с его двумя сыновьями. На время усобица утихла.

Но осенью 1068 г. на Русь обрушилась новая беда: бесчисленные орды половецкого хана Шарукана вторглись в пределы Переяславского княжества. Навстречу Шарукану выступили с войском князя Изяслав, Святослав и Всеволод. В кровопролитной ночной битве на реке Альте войско Ярославичей, состоявшее из немногочисленных и неспособных к согласованным действиям феодальных дружин, потерпело поражение. Изяслав и Всеволод бежали в Киев, Святослав — в свой Чернигов. Путь к «стольному» городу был открыт, чем половцы немедленно воспользовались.

Половецкие отряды рассыпались по всему Приднепровью, разоряя села и деревни, убивая и захватывая в плен людей. Даже спустя много столетий народ вспоминал в былинах об этом страшном нашествии Шарка-великана (Шарукана).

На широком раздолье Шарк-великан похаживае,
На широком раздолье Шарк-великан посматривае,
Что не любо — мечом булатным раскрошивае,
Что не любо — ногами железными вытаптывае.
Огнем жгучим божий люд им подымается,
Ко святой Руси Шарк-великан дорожку прокладывае,
Жгучим огнем уравнивае,
Людом христианским речки-озера запруживае,
Во дикие леса люд христианский российский

разбегается...

Как не раз бывало в моменты крайней опасности, на борьбу с насильниками поднялся народ. Киевляне собрались на торговой площади и потребовали у князя: «Половцы рассыпались по всей земле, дай, княже, оружие и ко-

ней, и еще будем биться с ними!» Ответом на отказ князя дать оружие народу было восстание в Киеве. Изяслав и Всеволод бежали из столицы. Дело обороны взяли в свои руки народные массы. Киевляне отстояли свой город: от этого нашествия половцев Киев не пострадал.

Однако половцы продолжали «воевать по всей земле Русской» и дошли до Чернигова, на подступах к которому их встретило черниговское войско. Здесь, на берегах реки Снови (приток Десны), в ноябре 1068 г. произошла битва, закончившаяся полным поражением половцев. Трехтысячное русское войско наголову разбило двенадцатитысячную половецкую орду. Много степняков утонуло в Снови, а их предводитель попал в плен. Уцелевшие половцы спешно отступили. Только через три года они решились снова напасть на города Растовец и Неятин и воевали на юго-западной окраине Киевской земли. Этот набег был сравнительно легко отбит гарнизонами пограничных крепостей: летописцы ничего не сообщали о сборе войска для отпора половцам.

Однако закрепить этот крупный успех в войне со степняками не удалось — помешали княжеские усобицы. Племянник нового черниговского князя Всеволода — Олег Святославович (или Гориславич, как прозвали его в народе за то горе, которое он принес Русской земле) бежал в степи и привел с собой половецкое войско. В 1078 г. половецкая орда двинулась к Чернигову. Полки князя Всеволода, вышедшие навстречу, были разбиты. При помощи половцев Олег захватил Чернигов, но удержаться в нем смог только 39 дней. Великий киевский князь «повелел собрать воинов от мала до велика» и выгнал Олега из Чернигова. В жестокой битве у Нежatina великий князь Изяслав погиб. Киевским князем стал Всеволод Ярославович.

В 90-х годах XI столетия, в обстановке непрекращающихся княжеских усобиц, началась новая волна половецкого наступления. Неимоверные усилия пришлось приложить народу, безвестным ратникам на южных укрепленных линиях и жителям пограничных городов, чтобы сдержать этот натиск кочевников. До нас не дошли имена героев войны со степняками. Только скудные записи в летописях о событиях войны свидетельствуют о великом подвиге народа, поднявшегося на защиту родной земли.

Очередной большой поход, открывший новую серию опустошительных вторжений, был предпринят половцами

в 1092 г. В этот год, по свидетельству летописца, «рать великая была от печенегов отовсюду». Запылали деревни и села в Переяславском княжестве, куда на этот раз половцы пришли даже с кибитками и скотом. Прорвали половцы и укрепленную линию на Верхней Суле, «много сел повоевали» в верховьях реки Удая, разгромили города Прилуки, Переволока, Посечень. Участились нападения половецких орд и на другие участки степной границы Руси.

В 1093 г. умер Всеволод, последний из Ярославичей. Великокняжеский «стол» при поддержке киевского боярства перешел к туровскому князю Святополку Изяславичу, не обладавшему ни полководческими талантами, ни даром дальновидного политика. Во время наступления половцев Святополк не только не смог организовать оборону, но и не использовал представившийся случай заключить перемирие с некоторыми из половецких ханов. Послов, прибывших от них, заносчивый Святополк бросил в темницу, легкомысленно расценив присылку посольства от половецких ханов как свидетельство их слабости.

В ответ половцы перешли в наступление и осадили город Торческ в среднем течении реки Роси. Теперь уже сам Святополк запросил мира, но половцы «не восхотели и пустились по земле, воюя».

Дальнейшие события развернулись следующим образом. Князь Святополк начал спешно собирать войско для войны. Однако «мужи смышленные» предостерегали его: «Не выходи против них, потому что мало имеешь воинов!» Святополк сначала не соглашался: «Имею отроков своих 8 сотен, которые могут против них стать». Однако те же «смышленные мужи» продолжали настаивать: «Хоть бы ты пристроил и 8 тысяч, так и то было бы только впору, наша земля оскудела от ратей, пошли лучше к брату своему Владимиру, чтобы помог тебе!» Наконец Святополк послушался разумного совета и направил послов к князю Владимиру Всеволодовичу, сыну покойного киевского князя. Так в летописных рассказах о войнах с половцами впервые упоминается князь Владимир Всеволодович Мономах, впоследствии прославившийся своими многочисленными победами над степняками.

Владимир Мономах, княживший в то время в Чернигове, немедленно откликнулся на призыв. Он собрал войско и отправил гонцов к своему брату Ростиславу в Пере-

яславское княжество, приказав ему помогать киевскому князю в войне с половецкой ордой. В киевском Михайловском монастыре произошла встреча Святополка с Владимиром, во время которой возник спор о плане войны. Так и не договорившись окончательно, князья выступили к крепости Триполь, что в 30 км южнее Киева. Недалеко от реки Стугны, за которой располагалась половецкая орда, русские полки остановились. Святополк, Владимир и подошедший Ростислав снова «созвали дружину свою на совет». Владимир, получив сведения о большой численности половецкой орды, предложил решить дело мирным путем. Дружина Святополка настаивала на немедленном наступлении. Властью великого князя Святополк приказал наступать! Войско перешло многоводную Стугну.

Русские полки встали на древних валах, построенных еще при князе Владимире для обороны от печенегов, подняли полковые стяги. Вперед вышли цепи лучников. Множество половецких всадников выстроилось против русских полков.

Сражение началось с мощного удара половецкой конницы по правому флангу русского войска, где стоял великокняжеский полк Святополка. Сначала, по словам летописца, Святополк «стоял крепко», но когда передние линии его полка были смяты половецкой конницей и воины, не выдержав удара, начали отступать, побежал и он. Между дружиной князя Владимира и половцами еще долго продолжалась «брань лютая», «многие пали от полка его». Наконец, оставшись один на один со всей половецкой ордой, Владимир скомандовал отступление. Половецкая конница, преследуя отступавших, «пустилась по земле, воюя».

Между тем Торческ, еще раньше осажденный половцами, продолжал обороняться. Его защитники «крепко бились из града, убили много от противных», но половцы продолжали «налегать» и «отняли воду» (видимо, перекопали водосток). Осажденные, изнемогая от голода и жажды, послали гонца к киевскому князю: «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся!»

Наскоро собрав остатки войска, князь Святополк двинулся на выручку. Но дойти до осажденного города ему не удалось. Половцы встретили великокняжескую дружину на реке Желани и снова разбили ее. Теперь уже разгрому подверглись земли в непосредственной близости от столицы. По словам летописца, от половецкого разорения

«города все опустели, и на полях, где раньше пасли стада коней, овец и волов, ныне пусто, нивы заросли, стали жилищем диким зверям, а люди одни ведутся (половцами) плененные, а другие посекаемые бывают, другие на месте горькую принимают смерть, другие трепещут, видя убиваемых, другие умирают от голода и жажды...».

Не получив помощи, сдались защитники Торческа. Половцы ворвались в город, «запалили его огнем, и людей разделили, и повели их в свои вежи». Шли несчастные пленные, печальные, «измученные зимой, изнуренные голодом и жаждою, с побледневшими лицами и почерневшим телом, неизвестной стороной, нагие шли и босые, ноги были исколоты терновником, со слезами рассказывали друг другу, откуда кто родом — из какого города или из какого села».

Князь Святополк, не имея сил для отпора половецкому наступлению, начал переговоры с ханом Тугорханом. Он «сотворил мир» с половецким ханом и даже взял в жены его дочь. Но и брачный союз не предотвратил новых половецких набегов. Снова в это смутное время выплыла злобная фигура Олега Гориславича, подступившего в 1094 г. с половецкими полчищами под Чернигов.

Восемь дней отбивал черниговский князь Владимир Мономах ожесточенный приступ половцев, но силы были явно не равны — под конец у Владимира осталось не более ста воинов. Владимир вынужден был уступить Черниговское княжество и с остатками дружины поехал «сквозь полки половецкие» в пограничное Переяславское княжество, освободившееся после гибели в битве на реке Стугне местного князя Ростислава. Половцы пропустили князя невредимым. Если бы они могли тогда знать, что, обосновавшись в Переяславле, Владимир Мономах станет организатором общерусской борьбы с половецкими ордами и что его именем «жены половецкие» впоследствии будут «детей пугать в колыбели»!

ВРЕМЯ МОНОМАХОВО

Владимир Мономах родился в 1053 г. Его отец, Всеволод, был сыном Ярослава Мудрого, а мать, принцесса Мария, — дочерью византийского императора Константина IX Мономаха (отсюда прозвище Владимира).

Детские годы Владимира прошли в пограничном Переяславле, где начинались знаменитые Змиевы валы — древние укрепления, много веков отделявшие земли пахарей от бескрайних диких степей. Не было на Руси другого такого города, как Переяславль, который подвергался бы столь часто нападениям степняков. Поэтому уже с детства Владимир стал свидетелем войн с торками и первых набегов половцев. Он с отрочества начал помогать в военных делах отцу, долгие годы бывшему второстепенным князем, а затем занявшему киевский великокняжеский «стол».

На склоне лет Мономах вспоминал о 83 своих больших походах и поездках по Руси, по степям и зарубежным землям. До прочного утверждения в Чернигове он переменял по меньшей мере пять удельных городов, совершил 20 «великих путей», воевал в самых различных землях Руси и, по минимальным подсчетам, проскакал на коне не менее 16 тысяч километров. Владимира с юности интересовала жизнь всей Руси, и он знал ее, пожалуй, лучше, чем кто-либо из его современников.

Мономах был смелым человеком, опытным воином и охотником. В автобиографическом «Поучении» детям он вспоминал: «Я своими руками стреножил в лесных пущах три десятка диких коней, да еще когда приходилось ездить по степи, то тоже собственноручно ловил их. Два раза туры поднимали меня с конем на рога. Олень бодал меня рогами, лось ногами топтал, а другой бодал; дикий вепрь сорвал у меня с бедра меч, медведь укусил мне колено, а рысь однажды, прыгнув мне на бедра, повалила вместе с конем». Сильный и выносливый, Мономах мог за один день проскакать на коне почти полтораста километров. «А из Чернигова, — писал он, — я сотни раз скакал к отцу в Киев за один день, до вечерни» (от Чернигова до Киева — 140 км). Современники свидетельствовали, что Владимир «был красив лицом, глаза у него были большие, волосы рыжеватые и кудрявые, лоб высокий, борода широкая. Ростом он был не особенно высок, но крепок телом и очень силен».

Первые годы княжения Мономаха в Переяславле были, вероятно, самыми тяжелыми и беспокойными во всей его нелегкой и полной опасностей жизни. Половецкое наступление продолжалось, и на передовом рубеже обороны стояло его Переяславское княжество. Помощи ждать было не от кого. Великий князь Святополк показал свою полную

несостоятельность как полководец и дипломат. На Руси не было центра, вокруг которого могли бы объединиться военные силы страны для отражения натиска половцев.

Почти двадцать лет княжил Мономах в Переяславле (1094—1113 гг.). Именно это время стало переломным в войне Руси с половецкими ордами. Русские дружины, которые Мономах собирал под свои знамена, начали предпринимать походы в глубь Половецкой земли, наносить степнякам ощутимые удары.

Тяжелой была обстановка на степной границе Руси. Орды сразу нескольких половецких ханов — Шарукана Старого, Боняка, Тугорхана, Кури, Китана, Итларя, Бендузя и других — штурмовали пограничные укрепленные линии. Под их ударами южная граница Руси отодвигалась с берегов Роси дальше на север, к Переяславлю, к рекам Стугне и Осетру. И если «время Мономахово» осталось в памяти народной как время великих подвигов и побед, то в этом немалая заслуга выдающегося полководца и государственного деятеля Древней Руси.

Мономах использовал каждый удобный момент для ударов по половцам, справедливо полагая, что любой урон половецкой орде в конечном итоге ослабляет ее натиск на русские рубежи. В 1095 г., когда основная масса приднепровских половцев ушла в набег на Византию, он разгромил орды половецких ханов Китана и Итларя, оставшиеся кочевать недалеко от Руси. Чувствуя свою слабость, эти ханы предложили Мономаху заключить перемирие. Хан Итларь «с лучшей дружиной» приехал в Переяславль, а Китан с ордой остановился «между валами», на линии оборонительных укреплений. Сын Мономаха Святослав остался в ставке Китана заложником: недоверчивые половцы постарались обезопасить свое посольство. Но это им не помогло. Ночью Мономах послал своего боярина Славяту с небольшой дружиной и отрядом служилых торков в лагерь хана Китана. Смельчаки выкрали заложника — княжича Святослава, — а затем неожиданно напали на ханский шатер, убили Китана и его приближенных.

В это время хан Итларь и его воины спокойно спали в сенях на переяславском дворе воеводы Ратибора. Утром воевода незаметно вооружил своих отроков, а посланец Мономаха передал Итларю: «Зовет вас князь Владимир, обуйтесь в теплой избе, позавтракайте у Ратибора, а потом придите ко мне». Половцы вошли в избу и были там

крепко заперты. Воины Ратибора залезли на крышу избы, проломили потолок. Через пролом некий Ольбег Ратиборич (видимо, сын воеводы), «взяв лук свой и наложив стрелу, вдарил Итлара стрелой под сердце, и дружину его всю перестреляли». Оставшиеся в степи половцы, уstraшенные смертью двух влиятельных ханов, бежали.

В 1095 г. русское войско предприняло поход в глубь Половецкой степи. В этом походе участвовала переяславская рать Владимира Мономаха и войско киевского князя Святополка. Они благополучно дошли до половецких кочевий, напали на «вежи», «захватили скот и коней, и верблюдов, и рабов и привели в землю свою». Начало наступательным действиям русского войска против половецкой орды было положено. Правда, поход 1095 г. не имел общерусского характера: кроме киевских и переяславских полков, в степи на этот раз никто не вышел. К походу не присоединился черниговский князь Олег, за что победители «начали гневаться на него», упрекая: «Ты не шел с нами на поганых половцев, которые губят землю Русскую!..» Много еще усилий придется приложить Мономаху, чтобы вывести на половцев общерусское войско!

В том же году половцы предприняли ответное нападение. Большая половецкая орда подступила к пограничному городу Юрьеву и держала его в осаде все лето. С большим трудом киевскому князю удалось заключить перемирие. Половцы отошли за реку Рось. Но сохранить Юрьев не удалось. Как только была снята осада, горожане бежали в Киев, а покинутый жителями Юрьев был сожжен во время очередного половецкого набега.

Особенно тяжелыми для Руси были весна и лето 1096 г. Орда хана Боняка в мае подступила к Киеву. Окрестности столицы были опустошены. Половцы сожгли в Берестове княжеский двор и отошли с добычей и пленными. Одновременно хан Куря разорил переяславские земли, сжег город Устье. В том же месяце хан Тугорхан, тесть Святополка, осадил Переяславль. Переяславцы «затворились в граде» и упорно оборонялись. Святополк и Владимир, собрав войско, поспешили на помощь осажденным. Русские полки, не замеченные половцами, перешли Днепр и, построившись для боя, подступили к Переяславлю. Половецкая орда, «исполчившись», стояла на другом берегу реки Трубеж. Ненависть к насильникам была так велика, что русские конные дружины, не ожидая приказа, перешли

вброд Трубеж и яростно обрушились на половецкий строй. Кочевники не выдержали натиска и побежали. Дружинники преследовали их неотступно, рубили саблями, сбивали на скаку стрелами. Так «месяца июля в 19 день побеждены были иноплеменники, и князь их Тугорхан убит, и сын его, иные князья половецкие многие тут пали».

Однако и эта победа над ордой Тугорхана была только одним из эпизодов большой и трудной войны на южных границах Руси. Половецкий натиск продолжался. На следующий день после битвы на Трубеже, 20 июля 1096 г., хан приднепровской правобережной орды Боняк, «таясь, как хищник», внезапно подступил к Киеву. Половецкие всадники едва не ворвались в город: киевляне с трудом отстояли от врагов городские ворота. Запылали избы киевского посада, пригородные усадьбы, монастыри. Один из половецких отрядов напал на Киево-Печерский монастырь. Половцы подскакали к его стенам, когда монахи спали. Пробуждение «святых отцов» было не из приятных: перед монастырскими воротами развевались два половецких стяга, устрашающе ревели боевые трубы. Монахи в панике разбежались, не оказывая сопротивления. Степняки ворвались в монастырь и начали грабить монастырское добро, поджигать кельи. Потом они бросились к монастырской церкви, выжгли двери и, ворвавшись внутрь, ободрали дорогие иконы. «Бог же терпел», — уныло заметил по этому поводу летописец. Пришла очередь и «двора красного, который поставил благоверный князь Всеволод на холме Выдубецком», и его половцы «запалили огнем».

Широкое половецкое наступление заставило враждовавших князей собраться на «строение мира». Одним из инициаторов княжеского съезда был Владимир Мономах.

В 1097 г. в городок Любеч, что на Днепре, съехались русские князья. Прибыл туда даже черниговский князь Олег Гориславич. Князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, поднимаем сами на себя вражду, а половцы раздирают землю нашу на части и радуются, что между нами рать? Теперь же будем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю». В основу мира был положен принцип — «пусть каждый держит вотчину свою» (и не посягает на чужую!). Князья поклялись соблюдать это соглашение и совместными усилиями карать нарушителей мира.

Казалось бы, основная цель съезда была достигнута.

Усобица закончилась на приемлемых для большинства князей условиях. Можно было подумать о совместной войне против половцев, натиск которых становился угрожающим. Но на деле получилось иначе. Не успели князья разъехаться со «строения мира», как мир был нарушен. Великий князь вероломно захватил одного из мелких князей — Василька Теребовльского — и ослепил его. Снова началась усобица: у Василька оказались сторонники. Съезд, провозгласив право каждого князя владеть своей «отчиной», фактически закреплял раздробленность. А половцы тем временем продолжали опустошать пограничные княжества.

В 1103 г. в небольшой городок на левом берегу Днепра, Долобск, приехали самые влиятельные русские князья Святополк Киевский и Владимир Мономах, сели со своими дружинами в одном шатре и начали обсуждать план войны против половцев. Дружина Святополка возражала против весеннего похода в степь, говоря, что весной «не время воевать, погубим смердов и пашню их». Владимир Мономах, наоборот, настаивал на весеннем походе, надеясь тем самым предотвратить очередное половецкое разорение. Он убеждал несогласных: «Дивно мне, дружина, что лошадь жалеете, а не понимаете того, что начнет смерд пахать, а половчанин, наехав, убьет смерда стрелой, и кобылу его захватит, и, в село въехав, возьмет и жену его, и детей, и все имущество его. Лошадь смерда жалеете, а самого его почему не жалеете?» Мономаху удалось убедить великого князя, и тот послал гонцов к князьям Олегу и Давиду: «Идите на половцев, либо будем живы, либо мертвы!» Давид присоединился к Святополку и Владимиру, но Олег опять уклонился от участия в походе, сославшись на нездоровье. Не присоединились к великому князю и некоторые другие феодалы.

В конце марта войско, в состав которого вошли дружины шести князей, собралось у Переяславля. Это был политический успех Владимира Мономаха, прилагавшего большие усилия, чтобы объединить военные силы Руси, разобщенные феодальными усобицами. На конях и в ладьях войско спустилось вниз по Днепру, за пороги. У острова Хортица пешая рать высадилась на берег и соединилась с конными дружинами. Четыре дня шли полки в глубь половецких степей. Конные дозоры, разо-

сланные во все стороны, подстерегли и полностью уничтожили половецкую сторожевую заставу. Таким образом, половцы не были предупреждены о приближении русского войска, которое перешло вброд реку Конскую, левый приток Днепра, и быстро приближалось к реке Молочной, местонахождению основных кочевий приморских половцев.

4 апреля 1103 г. произошло столкновение русских и половецких главных сил. Русским воинам удалось застать орду на походе и навязать ей встречный бой в выгодных для себя условиях. Половцы сделали перед этим большой переход, всадники их и кони устали, и не было у них «быстроты в ногах». Русские же воины «с весельем, на конях и пешие» бросились на врага. Степняки побежали, не приняв рукопашного боя. Русская конница преследовала половцев, и только немногим из них удалось спастись. Половцы потеряли убитыми одних только князей больше двух десятков, рядовых воинов погибло множество. В плен попал хан Белдузь, предводитель большой орды. Он предлагал Мономаху за свою жизнь богатый выкуп: золото, серебро, табуны коней, стада рогатого скота. Но Владимир отказался от богатого выкупа и заявил хану: «Ты много раз клялся не воевать, но продолжал воевать Русскую землю. Почему ты не учил сынов своих и род свой соблюдать клятвы, а все проливал кровь христианскую? Да будет теперь кровь твоя на голове твоей!» По приказу Мономаха хан был рассечен мечами. «Со славою и победою великою» русское войско вернулось на Русь. Смерть Белдузя и других половецких ханов стала грозным предупреждением степнякам: Русь сильна, разбой и грабежи не останутся безнаказанными, Русь перешла к активным наступательным действиям!

Весной 1106 г. половцы попытались напасть на южные рубежи Киевского княжества. Чтобы отогнать их, не потребовалось даже собирать войско из нескольких княжеств. Святополк послал своих воевод Яна Вышатича, брата его Путятю, Иванка Захарьинича и Козарина, которые «догнали их и посекали и пленных отняли».

В 1107 г. половцы организовали большой поход на Русь, собрав многочисленные орды. В августе с крупными силами «пришел Боняк и Шарукан Старый, и иные князья многие, и встали около Лубна», на пограничной реке Суле. Для отпора быстро собралось русское войско из шести княжеств. 12 августа русские полки перешли вброд Сулу

и с громкими криками обрушились на степняков. «Половцы ужаснулись и от страха не могли ни стяга поставить, побежали, хватая коней, и иные пешими побежали», — с торжеством повествовал летописец. Конница гнала бежавших половцев от реки Сулы до самого Хорола (более 40 км). Потери половцев в этой битве были очень велики. Хан Таза, брат Боняка, был убит, хан Сугра, брат Шарукана Старого, попал в плен, а сам Шарукан едва спасся бегством, бросив свой стан.

В 1109 г. Владимир Мономах организовал новый поход в степи донских половцев. Русское войско, возглавляемое воеводой Дмитрием Иворовичем, дошло до Дона и разгромило в этом районе половецкие кочевья. «Взяли 1000 веж половецких у Дона», — сообщил летописец о результатах этого похода.

Весной следующего года половцы подошли было к Воиню, крепости на левом берегу Днепра, в устье реки Сулы, но сразу отступили, когда увидели вышедшее им навстречу русское войско. Другой половецкий отряд летом ограбил села вокруг Переяславля, но к самому городу половцы, в отличие от прошлых походов, уже не подходили. Это были мелкие набеги, не изменявшие уже наметившегося перевеса Руси над своими постоянными врагами — половцами.

В 1111 г. по инициативе Владимира Мономаха снова собрались дружины из многих земель Руси для большого похода в Половецкую землю. Объединенное войско в начале марта сосредоточилось на пограничной реке Суле. Отсюда воины на саях двинулись к Хоролу. Из-за оттепели сани на этой реке пришлось бросить, и дальше полки шли военным строем, выслав вперед и по сторонам дозоры. На реке Голте войско сделало остановку, поджидая отставших ратников, а затем направилось к Ворскле, преодолев по пути «многие реки». 21 марта русские рати достигли Северского Донца. Впереди был главный центр половецкой орды — город Шарукань, недоступный раньше для русского войска. Теперь жители половецкой столицы увидели под своими стенами грозный строй русских воинов, закованных в боевую броню, и сдались без боя. Летописец сообщает, что они «поклонились князьям русским, вынесли рыбу и вино». На следующее утро русское войско двинулось к другому половецкому городу — Сугрову и сожгло его. Половцы лихорадочно собирали силы, чтобы противостоять русскому войску. 24 марта сошлись русские

полки и огромная по численности половецкая орда: разгром городов Шаруканя и Сугрова всколыхнул всю Половецкую степь. Русские воины поклялись перед боем: «Помереть нам здесь, станем крепко!»

Страшен был приступ половецкий, «брань крепкая» разразилась в степи. Русские полки выстояли, отогнали половцев к реке Дегее, мутные воды которой поглотили немало половецких всадников.

Через три дня новая половецкая орда окружила русское войско на реке Салнице, и снова было половцев «многое множество». Снова была «брань лютая», много пало воинов с обеих сторон. Исход сражения решил удар отважных переяславских дружин, возглавляемых самим Владимиром Мономахом. «Падали половцы перед полком Владимировым», — отмечал летописец. В руки победителей попало «полона много, и скота, и коней, и овец, и колодников много поймали руками».

Победа русских полков в самом сердце половецких степей произвела огромное впечатление на степняков. Когда русские воины спрашивали пленных половцев: «Как это у вас была такая сила, а вы не могли бороться с нами и тотчас побежали?» — те отвечали: «Как нам с вами биться?»

Победоносные общерусские походы на половцев принесли Владимиру Мономаху заслуженную славу видного полководца и государственного деятеля. Когда в 1113 г. умер Святополк, а в Киеве вспыхнуло народное восстание, Мономах оказался единственным вероятным претендентом на великокняжеский «стол».

60-летний Владимир Мономах, став великим киевским князем, усилил наступление на степняков. При нем восстановилось былое единство Древнерусского государства. Властной рукой Мономах смирал усобицы, князя по его приказу послушно выделяли военные силы для походов. Русь выступала теперь по отношению к половецким ордам единым фронтом, русские дружины были объединены под единым командованием, и результаты не замедлили сказаться. Половцы превратились в обороняющуюся сторону. Народ Руси еще раз показал, на что он может быть способен, если страну не ослабляют княжеские усобицы. Несколько походов, которые провел Мономах, будучи уже великим князем, довершили разгром основных центров половецких кочевий.

В 1116 г. великий князь послал своего сына Ярополка с большим войском на Дон. В походе принимал участие и сын черниговского князя Всеволод. Русские полки разгромили вежи придонских половцев и снова «взяли три города: Сугров, Шарукань и Балин». От этого удара половецкая орда потомков хана Шарукана Старого уже не могла оправиться и в следующем году откочевала на юго-восток, к Северному Кавказу и в Грузию, где бывшие придонские половцы поступили на службу к грузинскому царю Давиду Строителю. Важным результатом этого похода явилось внутреннее ослабление печенежской орды: против половецких ханов выступили остатки торков и печенегов, до тех пор подчинявшихся им и вместе с половцами нападавших на русские рубежи. Летописец сообщал, что «бились с половцами торки и печенеги у Дона и сражались два дня и две ночи», а затем «пришли на Русь к Владимиру». Владимир Мономах поселил добровольных пришельцев вдоль степной границы, отвел им земли и города. Эти «служилые» торки и печенеги в дальнейшем сыграли немалую роль в борьбе с половцами.

В 1120 г. русское войско еще раз ходило на половцев за Дон. Однако, напуганные предыдущими походами, остатки придонских половцев бежали, не принимая боя. Русские полки вернулись, «не обрета их».

Вдохнула Русь, избавленная на время от опустошительных половецких набегов. Вплоть до смерти Владимира Мономаха не решались половцы нападать на русские рубежи, потому что, по словам летописца, «имени его все страны боялись, и по всем странам шел слух о нем». За свою долгую жизнь Владимир Мономах заключил 20 мирных договоров с половцами и казнил 200 половецких ханов за нарушение соглашений!

СНОВА РАТЬ БЕСПРЕСТАННАЯ

Узнав о смерти грозного Владимира Мономаха, половецкая орда в 1125 г. тотчас же появилась на рубежах Переяславского княжества. На этот раз половцы хотели, пользуясь удобным моментом, покарать бежавших от них торков и, если окажется возможным, вернуть их под свою власть. Но переяславский князь Ярополк, сын Мономаха, не раз громивший под знаменами своего прославленного

отца половецкие орды, успел укрыть торков и население пограничной полосы в крепостях. Замысел половцев не удался. Тогда орда повернула на Сулу и стала разорять близлежащие селения. Переяславское войско двинулось следом за ними и настигло на правом берегу реки Удай. В коротком бою половцы были разгромлены, много половецких воинов погибло в сече, еще больше их утонуло во время бегства.

Преемник Мономаха на киевском великокняжеском «столе» Мстислав Владимирович (1125—1132 гг.) продолжал политику своего прославленного отца. Он крепко держал в руках доставшуюся ему по наследству власть над всей Русью, опираясь на крепкую единую военную организацию, созданную Мономахом. Это обеспечивало неизменный перевес в столкновениях с половцами. Когда Всеволод, сын Олега Гориславича, попробовал было с помощью половцев разжечь усобицу, великий князь Мстислав вообще не допустил половецкую орду в пределы Руси. Семитысячное половецкое войско бесполезно простояло за рекой Вырем (приток Сейма), у Ратимировой дубравы, и вынуждено было отступить.

Продолжая наступление на кочевников, русские полки оттесняли отдельные половецкие орды «за Волгу и Яик». Почти на тридцать лет прекратились походы половецких ханов на Русь. В последние годы великого княжения Мстислава битвы с половцами переместились на восток, к рязанским рубежам. Видимо, половецкие кочевья отступили от опасного для них Приднепровья. Но и здесь половцев преследовали неудачи. Так, в 1130 г. «князья рязанские, и пронские, и муромские много половцев побили».

Но единство Древнерусского государства, возрожденного при Владимире Мономахе и его сыне Мстиславе, не было прочным. С 30-х годов XII столетия снова начались княжеские усобицы. Прекратились общерусские походы в степи, нарушилась общегосударственная система обороны страны от набегов кочевников. Это дало возможность половцам со временем оправиться от сокрушительных ударов, нанесенных им русскими полками, во «время мономахово», и даже организовать новый натиск на Русь. Вмешиваясь в феодальные войны, половцы использовали усобицы для того, чтобы безнаказанно грабить русские земли. В 1135 г., например, они во время усобицы «взяли

город Нежатин, и села пожгли, и Баруч взяли и пожгли, и много пленных взяли», а летом следующего года «воевали села и города по Суле, пришли к Переяславлю Русскому, и много зла сотворили, и Устье пожгли». Опустошены были даже окрестности Киева. Снова, по словам летописца, наступил «голод великий по земле, и пленение, и кровопролитие, и оскудела земля пустотою». В 1138 г. «воевали половцы Курск, и пленили землю всю, и пожгли», а затем, прорвавшись через Сулу, начали разорять земли в бассейне реки Удаи, взяли Прилуки и намеревались уже идти к Киеву. Опасность была настолько большой, что князь Ярополк по примеру отца своего Мономаха начал собирать большую рать. Он собрал «множество воинства: югричи (венгры), чехи, ляхи, киевляне, переяславцы, владимирцы со всеми волынцами, туровцы, деревлянцы, полочане, смоляне, галичане, ростовцы, еще к ним и берендеев 40 тысяч». Перед лицом столь грозной силы половцы поспешно отступили, а затем и запросили мира.

Эти события очень показательны для русско-половецких отношений в первые десятилетия после «времени Мономахова»: достаточно было Руси выставить объединенное войско, как степняки отступали. Но как только опять начинались усобицы — половецкие набеги возобновлялись с новой силой. Летописцы прямо указывали на связь половецких набегов с княжескими усобицами: «Узнали половцы, что князья не в любви живут, начали пакостити». Порой и сами враждовавшие князья приглашали отряды половцев себе на помощь.

Борьба Руси с половецкими ордами продолжалась и в период феодальной раздробленности. В это время со степняками воевали в основном военные силы пограничных княжеств. Князья пограничных со степью территорий не раз организовывали походы на половецкие вежи, чтобы предотвратить очередные нападения или покарать за набег на свои княжества. Однако в отличие от действий Владимира Мономаха такие походы не имели общерусского характера и преследовали, как правило, ограниченные цели: вытеснить половцев за пределы своих владений, отбить награбленную добычу и освободить пленных. В глубь половецких степей дружины пограничных княжеств обычно не заходили.

Со второй половины XII столетия в борьбу с полов-

цами активно включилась Северо-Восточная Русь. И раньше дружины северо-восточных русских княжеств вместе с киевскими, переяславскими и черниговскими воинами бились на южных рубежах Руси и ходили походами в Половецкую степь. Теперь владимирские, суздальские, рязанские, муромские, пронские дружины начали предпринимать самостоятельные походы в Половецкую землю и наносили кочевникам серьезные удары, ослаблявшие их натиск. Значительно возрос вклад Владимирской земли в общенародную борьбу с кочевниками. Русские люди, населявшие безопасные от половецких набегов залесские земли, пришли на помощь жителям пограничных княжеств, приняв на свои плечи часть тяжести войны с воинственными степняками.

Первый большой самостоятельный поход на половецкие вежи северо-восточные русские дружины предприняли в 1160 г. Многочисленное войско, в которое входили «воинство ростовское и суздальское, и рязанцы, и муромцы, и пронцы, и другие многие», выступило «на половцев в поле за Дон далече». Где-то в степях произошла «брань великая и сеча злая». Половцы не устояли перед натиском и «рассыпались во все стороны». Началось преследование. Но это было еще не поражение степняков, а обычная для них тактика заманивания противника под удар засадных отрядов. Когда русские дружины во время преследования расстроили свои боевые порядки, половцы снова собрались вместе и «ударили на русское воинство, и многих избили». С большим трудом русские полки отбили этот натиск. Понеся большие потери, половцы «бежали восвояси». Но и русское войско потеряло много воинов. Князья и воеводы, руководившие походом, вернулись в свою землю «с малой дружиной, потому что многие были избиты в поле половцами».

Для борьбы с половецкими набегами Русь использовала отдельные кочевые племена, которые признали верховную власть киевских князей и служили им. С середины XII столетия русские летописи называли этих «служебных» кочевников «черными клобуками» (буквальный перевод — «черные шапки»). В состав «черных клобуков» прежде всего входили остатки торков и печенегов, которые бежали к русским рубежам под натиском половцев и искали защиты у киевского князя. Печенегов и торков, смертельно ненавидевших половцев, селили на

южных рубежах страны с тем, чтобы лучше защитить русские города и села. Основная масса печенегов и торков, подчинявшаяся ранее половецким ханам, перешла на сторону Руси в начале 20-х годов XII столетия, после победоносных походов в степи Владимира Мономаха. Однако отдельные отряды этих кочевников служили киевским князьям и раньше. Районом их расселения стало Поросье.

В состав «черных клобуков» входили также турпей и коуи — кочевые племена, пришедшие на Русь вместе с торками. Коуи жили в основном в Черниговской земле, были вассалами черниговских князей и участвовали вместе с ними в походах. Турпей расселились в Переяславской земле, на левом берегу Днепра.

Среди «черных клобуков» русские летописцы постоянно упоминали также берендеев, которые стали служить русским князьям с начала XII века. Уже в 1105 г. берендеи воевали с половцами на Зарубе (южнее Переяславля). Основная часть берендеев осела также в Поросье. Берендейское конное войско в отдельных случаях достигало 30—40 тысяч человек.

За свою службу предводители «черных клобуков» получали города и земли в Поросье и в других районах вдоль степной границы. Отлично знавшие половцев, быстрые и смелые всадники, с детства приученные к стрельбе из лука и стремительным конным переходам, «черные клобуки» исправно несли сторожевую пограничную службу, предупреждая о половецких набегах, а то и самостоятельно их отражая. Для «черных клобуков», занимавших земли на крайних рубежах степной границы Руси, борьба с половцами была вопросом жизни и смерти: если русский землепашец, отчаявшись, мог уйти с пограничных земель на север, в леса, то для скотоводов — «черных клобуков» пути из степей не было. Редкая война с половцами проходила без активного участия «черных клобуков».

В совместных войнах против общего врага проходило постепенное слияние торков, печенегов, берендеев, коуев, турпеев со славянским населением пограничной полосы. Торческие вожди роднились с русским боярством и оседали в городах. Среди служилых торков распространялось христианство. Торческих бояр летописцы именовали по имени и отчеству, как русских, при торческих отчествах

появились русские имена: Яков Дигеневич, Демьян Куденевич. К XIII веку слияние торков с русскими дошло до того, что киевским тысяцким стал торк Дмитрий Ейкович, а спасским игуменом и архиепископом — торк Петр Акерович! Имена торческих богатырей попадали в русские былины.

«Черные клобуки» исчезли со страниц русских летописей с середины XIII столетия, после монголо-татарского нашествия. Об их дальнейшей судьбе историки высказывали различные предположения. Одни считали, что «черные клобуки» откочевали в Приаралье и превратились в тех, кого сейчас именуют каракалпаками. Другие убеждали, что «черные клобуки» остались в Поросье. Наконец, третьи писали, что монголо-татарские завоеватели переселили «черных клобуков» в степи Поволжья и превратили в своих рабов. Археологические исследования курганов торков, которые имели характерную особенность — погребение воина вместе с конем, показали, что истина где-то посередине этих крайних точек зрения. Торческие курганы XIII—XIV вв. частично сохранились на старых местах расселения «черных клобуков», а частично распространились на юго-восток, в степи Поволжья. Из этого факта можно сделать вывод, что часть «черных клобуков» осталась у южных рубежей Киевской земли, а другая была переселена монголо-татарскими завоевателями, либо сама переселилась в Поволжье. Видимо, «черные клобуки» подчинились монголо-татарам, кочевали там, где им предписывали монгольские ханы, пасли их скот и превратились в вассалов Золотой Орды.

ПОСЛЕДНИЙ НАТИСК

В середине XII столетия в половецких степях складывалось раннефеодальное государство, объединявшее десятки кочевых и полукочевых племен. Потомки хана Шарукана Старого — Кобяк, Кончак и Гза — попытались объединить всю Половецкую землю. Им удалось вовлечь в третий, последний и самый длительный, натиск на Русь большую часть половецких племен. То было время, нашедшее отражение в «Слове о полку Игореве». Грозная опасность со стороны кочевников снова возродила идею единения военных сил Руси для отпора врагу, единения,

особенно трудного и необходимого в условиях далеко зашедшей феодальной раздробленности.

Наступление половцев нарастало постепенно. В 1165 г. они «пошли на Русь». Половецкий поход удалось отразить, хотя потери русского войска были значительными. По сообщению летописца, «встретили их, собравшись, все князья русские далеко в поле, и был между ними бой великий, и помог бог князьям русским, и был верх их. Половцы же одни избиты были, другие же рассыпались в поле и избежали (гибели)». Победа была достигнута дорогой ценой. «Князья русские скорбили об убитых своих, потому что в мале возвратились восвояси, все убиты были».

В следующем году «половцы воевали Русь и убили двух богатырей — Андрея Мирославича и брата его Шварня за Переяславлем. Сестрича (племянника) же их, также Шварнем называемого, пленили и, множество христиан пленив, отошли восвояси». Затем половцы начали «паковать Гречнику», то есть перекрыли жизненно важный для Руси торговый путь «в греки» (к Черному морю, в Византию). Это было открытым объявлением войны всем русским княжествам: в безопасности торгового пути была заинтересована вся Русь. Чтобы отбить половцев от «Гречника», нужно было предпринять поход в глубь степей на 300—500 км. Такой поход был не под силу отдельным княжествам.

Поэтому в 1169 г. великий князь Мстислав Изяславич, правнук Владимира Мономаха, созвал других князей и обратился к ним с призывом: «Братья! Подумайте о Русской земле и о своей отчине и дедине: ежегодно уводят половцы христиан в свои вежи, клянутся нам не воевать и всегда нарушают клятву, а теперь у нас все торговые пути отнимают — и Греческий, и Соляной, и Залозный¹. Хорошо бы нам, братья, поискать отцов своих и дедов своих пути и своей чести!»

Опасность была настолько очевидной, что на этот призыв откликнулось 12 князей. 2 марта их дружины собрались под знаменами Мстислава и двинулись в степи. Девять дней шло войско из Киева по левобережным степям,

---

¹ Соляной путь — торговый путь от Киева вниз по Днепру и далее в степи Северного Крыма, где находились соляные озера; «Залозный» — путь к Азовскому морю.

преодолев расстояние более 300 км. Узнав о приближении русских полков, половцы побежали, бросив жен, детей и обозы. Русские дружины начали преследование и «взяли вежи их на Угле реке, а другие по Снепороду (позднее Самара, приток Днепра), а самих настигли у Черного леса и тут, прижав к лесу, избили их, а иных руками взяли». Остатки орды бежали за реку Оскол; их преследовала конница. Множество пленных, табуны коней и стада скота стали добычей русских воинов. Томившиеся в половецкой неволе пленные были тут же освобождены. Это была крупная победа, притом почти бескровная: только два русских воина были убиты, а один попал в плен.

Князь Мстислав Изяславич хотел закрепить успех и снова собрал в Киеве «братью свою», чтобы организовать новый поход в Половецкую землю. Объединенная рать многих князей вышла к городу Каневу, откуда неоднократно начинались русские походы в степи. Однако вскоре после начала похода князья стали ссориться из-за добычи. Опять начались усобицы, которые сорвали совместный поход. Половцы немедленно перешли в наступление. В 1170, 1172 и 1173 гг. они опустошали окрестности Киева, «взяли села без числа с людьми и с мужами, и с женами, и коней, и скот, и овец погнали в Половецкую степь».

Через год опять «начали половцы пакость творить по Роси», разоряя южные рубежи Киевского княжества. Орда во главе с Кюбяком и Кончаком подступила к Переяславлю. Однако русская рать, заранее выведенная далеко в поле, за реку Оскол (приток Северского Донца), узнала от пленного половца о набеге и поспешила на помощь переяславцам. После короткого боя половцы отступили, бросив добычу и пленных.

В 1177 г. степняки, перейдя реку Рось, прорвали укрепленную линию, защищавшуюся берендеями. Шесть берендейских городов в Поросье было взято и разрушено. Половецкая орда доходила тогда до города Растовца, расположенного в 120 км юго-западнее Киева. Выступившее навстречу русское войско было разбито, много бояр попало в плен. Летописец прямо указывал на причину этого поражения: между князьями «была распря».

Постепенно все больше половецких племен втягивалось в набеги, их натиск на Русь усиливался. Пограничные отряды довольно успешно отбивали набеги степня-

ков, но предупредить их не могли: только походы в глубь степей могли серьезно ослабить половецкое наступление, а оборонительная стратегия и тактика, обусловленные феодальной раздробленностью, отдавали пограничные области на разорение половцам. Например, в 1179 г., когда хан Кончак жестоко опустошил Переяславское княжество, «много зла сотворил крестьянам, одних пленил, а других избил», войско князя Святослава ограничилось маневрированием, стараясь вынудить половцев к отступлению: От Триполя русское войско пошло за Сулу, угрожая отрезать врагу пути отступления в степи. Половцы, узнав об этом, ушли с добычей «опять своей дорогой». В 1183 г. зимой пришли «половцы воевать на Русь ко Дмитрову с окаянным Кончаком». Великий князь Святослав Всеволодович собрался было выступить против них, но вынужден был отложить поход, получив совет других князей: «Ныне не ходите, не время, если даст бог, на лето пойдем!»

Разгром центров половецких кочевий, откуда ежегодно приходили на Русь страшные орды, сделавшие невыносимой жизнь земледельческого русского населения на южной окраине страны, становился настоящей необходимостью. И Святослав Всеволодович летом 1184 г. сумел наконец организовать большой поход на кочевья Кюбяка.

В походе приняли участие киевские, переяславские, волынские, туровские, владимирские, галицкие полки и вспомогательное войско берендеев. Правда, некоторые князья с левобережья Днепра не поддерживали великого князя, заявив: «Далеко идти вниз по Днепру, не можем свою землю пустой оставить, но если придешь на Переяславль, то соединимся с тобой на Суле». Святослав не изменил своего первоначального плана и пошел по Днепру. Видимо, это было правильно: серьезно ослабить половцев мог только неожиданный поход в глубь степей.

У места, названного летописцем Инжирь-бродом, русское войско переправилось на левый берег Днепра и углубилось в степи. Пять дней шли русские полки, разыскивая половцев. В авангарде двигалась дружина переяславского князя Владимира, который попросил великого князя: «Моя волость пуста от половцев, так пусти меня, батюшка Святослав, наперед со сторожами!» С Владимиром были дружины «молодых князей» и 2100 берендейских всадников. Они первыми и столкнулись с врагом. Полов-

цы побежали. Видимо, это был только дозор степняков. Русский разведывательный отряд, не догнав половцев, вернулся к главным силам, стоявшим «на месте, называемом Ерель, его же Русь зовет Угол» (при впадении реки Орели в Днепр). События развивались дальше.

Половцы приняли дружины «молодших князей» за все русское войско и, уверенные в его немногочисленности, сами перешли в наступление. Орда хана Кобяка подошла к реке Орель; завязалась перестрелка лучников через реку. Появление главных полков Святослава Всеволодовича было полной неожиданностью для половцев: им пришлось принять битву в невыгодных для себя условиях. В жестокой сече Кобяк был разбит наголову. Только в плен попало 7000 половецких воинов, множество их погибло в битве и во время бегства. Из 417 половецких вождей, участвовавших, по свидетельству летописца, в этой битве, 16 было взято в плен, «а иных много избили, а иные убежали». Русские воины пленили самого «Кобяка Карлыевича с двумя сыновьями, Билюковича Изая и Товल्या с сыном, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила, и Седвака Кулобичского», а «Корязя Колотановича тут убили, и Тарсука, а иных без числа».

Победа над половцами в глубине степи и пленение Кобяка произвели большое впечатление на современников. Автор «Слова о полку Игореве» приводил этот поход как пример успешных совместных действий русских княжеств и прославлял возглавлявшего русские рати великого киевского князя Святослава.

...Святослав грозный великий киевский
Грозою прибил
Своими сильными полки
И булатными мечами;
Наступил на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Замутил реки и озера,
Иссушил потоки и болота,
А поганого Кобяка от залива морского,
Из железных великих полков половецких
Исторг, как вихрь;
И пал Кобяк в городе Кieve,
В гриднице Святославовой...

Вскоре после победы над Кобяком ходил походом в степи новгород-северский князь Игорь Святославович. За Мерлой его войско неожиданно встретилось с половецки-

ми дозорными: некий Обовлы Косткович с четырьмя сотнями всадников ехал «воевать к Руси». Игорь напал на половецкий отряд и обратил его в бегство. Однако поход был сорван: внезапное нападение на половецкие «вежи» не удалось, и князь Игорь повернул свою дружину обратно.

В 1185 г., мстя за смерть Кобыяка, «пошел окаянный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половцев на Русь», угрожая «грады русские пожечь огнем, потому что приобрел мужа бесурмения, который стрелял живым огнем» (видимо, какой-то горючий состав, вроде «греческого огня», применявшийся при осаде для поджога городских стен и домов). По словам летописца, у половцев были и «луки тугие самострельные, едва 50 мужей могли натянуть». Половецкая орда встала на реке Хороле, поблизости от переяславских рубежей. Сюда же двинулось навстречу врагу великокняжеское войско.

Снова в передовом отряде шли дружины «молодших князей» Владимира Глебовича и Мстислава Романовича. Узнав от купцов, шедших из половецких степей, о месте стоянки Кончака, русские полки перешли Хорол, однако половцев обнаружили не сразу. По словам летописца, они «вышли на иное место возле Хорола», в удалении от половецкого стана. Русские дозорные «взошли на шолома» (холмы) и только тогда увидели лагерь Кончака, расположившийся в низине. Главные силы русских двинулись в наступление. Половцы, не приняв рукопашного боя, побежали. В руки русских воинов попали «коней и оружия многое множество», а также пленные, среди которых оказался и «бесурмения, у кого был живой огонь».

Великий князь Святослав не ограничился отражением половецкого похода, но и сам весной организовал поход в степи. Великокняжеский воевода Роман Нездилович вывел в поход отряды берендеев. Они «взяли вежи половецкие, много полона и коней».

К весне 1185 г. относился и известный поход на половцев новгород-северского князя Игоря Святославовича, описанный в «Слове о полку Игореве». Автор «Слова» не случайно выбрал для обоснования своего призыва к объединению военных сил Руси перед лицом половецкой опасности именно этот поход. В свете всех событий тех лет неудача Игоря особенно наглядно подтвердила, что только совместные действия могут принести победу. Для нас этот поход интересен тем, что в отличие от скупых

летописных сообщений о других походах против половцев действия князя Игоря описаны подробно и дают возможность представить тактику русских полков в войнах со степняками.

В конце апреля 1185 г., не сговорившись с киевским князем Святославом, Игорь решил самостоятельно напасть на половцев. Он учитывал, что половецкая орда ослаблена предыдущими поражениями, и надеялся на удачу. В начале похода вместе с князем Игорем были его сыновья и князь Святослав Ольгович Рыльский. К русской рати присоединились отряды «служебных» кочевников — коуев. За Донцом к войску князя Игоря присоединились черниговские и путильские дружины, а также дружина «буй-тура» Всеволода, брата Игоря, князя Курского и Трубчевского.

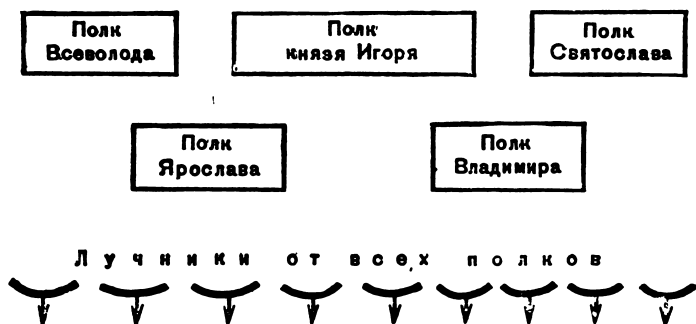
Летописное сказание о походе князя Игоря сообщает о боевом порядке русских полков. Князья «изрядиша полков 6. Игорев полк середе, а поправу брата его Всеволож, а полеву Святославль сыновця его, наперед ему сын Володимер и другой полк Ярославль, иже бяху с Ольстином Коуеве, а третий полк наперед иже стрельцы, иже бяхуть от всех князий выведени; и тако изрядиша полкы своя».

Боевой порядок русского войска, таким образом, был рассредоточен по фронту и в глубину. Первую линию составляли лучники, выделенные от всех полков. Во второй линии находились два полка, в третьей линии — три полка, составлявшие главные силы. В центре главных сил стоял полк самого князя Игоря. Такое построение обеспечивало устойчивость в бою — врагу нелегко было прорвать три линии русского войска. Деление войска на отдельные полки позволяло маневрировать силами.

Поход с самого начала складывался неудачно. Хотя князь Игорь выступил в степи, «тихо собираючи дружину свою», застать врасплох половцев ему не удалось. К войску уже на Осколе вернулись посланные вперед дозорные и сообщили, что половцы ждут нападения. Игорь обратился к воинам с призывом продолжать поход: «Если, не бившись, возвратимся, то срам нам будет пуще смерти!»

Всю ночь шла на юг русская рать. В полдень следующего дня на берегу речки Сюурли, между Осколом и Доном, навстречу вышли передовые отряды половцев. Половцы заранее отвели назад свои вежи, а сами, «собрав-

шись от мала до велика», встретили русское войско. Половецкие конные лучники осыпали русский строй градом стрел. Другие отряды половцев попытались задержать русские дружины на берегу реки, но были сбиты смелой атакой. К вечеру воины князя Игоря захватили половецкий лагерь и пленных. Князь Игорь хотел и ночью преследовать отступавших половцев, но лошади русских воинов устали, и пришлось заночевать на месте битвы.

Боевой порядок русской рати в 1185 г.

Между тем главные силы Кончака и еще пяти половецких ханов окружили русское войско. Теперь князю Игорю предстояло биться со всей «Землей Половецкой». Силы были явно неравными, и русские военачальники решили пробиваться к реке Донец. Конные дружины могли бы уйти от преследования, но это означало бросить на погибель пешую рать. И князья решили: «Если победим, убежим сами, а простых людей оставим, то будет нам грех, что выдали их врагам, или умрем, или живы будем вместе». В пешем строю полки стали пробиваться через половецкие орды.

Основная битва произошла на реке Каяле, которая находилась в междуречье Дона и его притоков, неподалеку от Азовского моря. Трехдневный непрерывный бой обессилил русские полки. Первыми дрогнули «служебные» кочевники — коуи. Они отделились от войска и поскакали прочь. Князь Игорь бросился вдогонку за ними, чтобы вернуть к основному войску, но на расстоянии полета стрелы от своего полка был схвачен половцами.

Князь Всеволод с остатками дружин продолжал пробиваться к русскому рубежу. Только немногие русские воины сумели вернуться на родину.

Страшный бой в придонских степях описан автором «Слова о полку Игореве».

«...С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы закаленные, гремят сабли о шлемы, трещат копыта булатные в поле неведомом, посреди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями посеяна, а кровью полита: горем взошли они по Русской земле... Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не достало, тут пир окончили храбрые сыны русские, сватов напоили и сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось».

Поражение Игорева войска имело тяжелые последствия для Руси: сразу активизировалось половецкое нашествие. «Поганые половцы, победив Игоря с братьями, — писал южнорусский летописец, — взяли гордость великую и собрали весь язык свой на Русскую землю». Великий киевский князь горько упрекал новгород-северских князей, которые «отворили половцам ворота на Русскую землю». Он послал своих сыновей в Посемье стеречь степной рубеж. К Давиду Смоленскому поскакали великокняжеские гонцы с просьбой: «Приди, брат, постереги землю русскую!» Смоленяне выступили к пограничному Триполю. Другое войско встало наготове в Чернигове.

Меры по укреплению южной границы оказались своевременными. Половецкие ханы Кончак и Гза двинулись на Русь. Сначала орда Кончака осадила Переяславль. Молодой князь Владимир Глебович, который, по словам летописца, «был дерзок и крепок», выехал из города с небольшой дружиной и немедленно был окружен множеством половецких всадников. С большим трудом переяславцы, устроившие вылазку, спасли своего князя, раненного тремя копиями. Из Переяславля поскакали гонцы Владимира за помощью: «Се половцы у меня, помогите мне!» Но смоленские полки отказались переходить на левый берег Днепра, заявив: «Мы пошли к Киеву, если бы здесь была рать, бились бы, нам ли иной рати искать, не можем, уже изнемогли». Великий князь все же собрал войско, которое отогнало Кончака от Переяславля.

Тогда половцы осадили город Римов, пограничную крепость на реке Суле, и захватили многочисленный полон. Другая орда тем временем подошла к городу Путивлю на реке Сейме, в Черниговской земле. Хан этой орды Гза «с силой тяжкой» опустошил окрестности города.

Тревожным был на степной границе и 1187 год. Попытка организовать весенний поход в степи и тем самым предупредить летние набеги половцев великому князю не удалась. Кончак же продолжал наведываться не только в селения, расположенные на Роси, но и в Черниговскую землю.

Зимой великий князь Святослав «с Рюриком сватом своим» и черниговским князем Ярославом попытался нанести удар по половецким кочевьям. В тот год, по сообщению летописца, «была зима злая, такой в нашей памяти не бывало никогда». Русское войско пошло по льду Днепра — «нельзя было иначе идти, потому что снег был велик». У устья Снепорода русские дозорные захватили в плен половецкую заставу и узнали, что «вежи и стада половецкие у Голубого леса». До этих веж от Днепра было всего полдня пути. Но черниговский князь Ярослав наотрез отказался идти дальше, заявив: «Земля моя далеко, а дружина моя изнемогла!» Никакие уговоры не помогли, и пеший черниговский полк повернул обратно. «И была между князьями распря», — замечает летописец. Удачно начатый поход закончился безрезультатно. То, что не удалось сделать на этот раз князьям, сделали их «служебные» кочевники, которые «взяли вежи за Днепром и возвратились восвоюи со славою и честью великой». Кроме того, «черные клобуки» Поросья с «молодшими князьями», которые приходили на помощь со своими дружинами в случае опасности, нанесли половцам еще несколько ощутимых ударов.

Осенью 1190 г. половецкие отряды «начали часто воевать по Роси». Чтобы разгромить их, не потребовалось даже собирать великокняжеское войско. Дружины «молодших князей» Ростислава Рюриковича и Ростислава Владимировича, соединившись с отрядами «черных клобуков», предприняли зимой поход на вежи, зашли далеко в глубь степей, до самой Протолчи (в низовьях Днепра, в земле приднепровских половцев), и захватили «многие стада половецкие». Степняки пытались догнать русское

войско и отбить стада и плённых, но в жаркой битве «стрельцы русские» и «черные клобуки» «взяли их живыми 600, а иных побили».

После этого половцы дважды пытались нападать на Поросье, однако оба раза неудачно.

Во время первого набега, узнав, что дорогу им загородил со своими полками великий князь, половцы «побежали, побросав стяги и копья». В следующий раз половцы осадили один из поросских городов, но на помощь поспешила русская рать, освободившая осажденных; часть половцев «взяли в плен, других избили, а иные утонули» в реке Роси.

В 1191 г. русские полки дважды выступали против половцев. Сначала на вежи ходил «Игорь с братьями», который захватил множество «коней и скота» и благополучно вернулся. Зимний поход того же года носил уже в известной степени общерусский характер: в нем участвовали дружины семи княжеств. Русская рать дошла до Оскола.

В 1192 г., для того чтобы предупредить половецкие набеги, оказалось достаточным сосредоточить войско поблизости от границы. По сообщению летописца, русские дружины «стояли у Канева все лето, стерегли земли русские». Половецкие ханы не решились напасть на русские рубежи, за которыми было приготовлено к бою войско.

Зимой 1193 г. русское войско предприняло успешный поход за пограничную реку Рось. Половецкие вежи в этом районе были разгромлены, взято «половецких княжичей, и добрых мужей, и колодников, и коней, и скота, и челяди, и всякого полона бесчисленно».

В ту же зиму князь Ростислав Рюрикович разгромил половецкую орду, подступившую было к городу Торческу на Роси.

Войну против половецкого наступления вело не только население южнорусских княжеств. Биться с половцами помогали военные силы из далеких северо-восточных русских земель. Великий князь владимирский Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, держал свои дружины в Торческе и Корсуни на Роси, в Каневе на Днепре, южнее Киева. В 1199 г. владими́ро-суздальское войско пошло в глубь половецких степей. Поход возглавил Всеволод. Перед грозной силой владимирских полков половцы «бежали к морю». Владимирские и суздаль-

ские ратники ездили «по зимовищам их», захватывали стада и пленных. Половецкое войско не решилось вступить в открытый бой; русские дозорные напрасно искали рассыпавшихся по бескрайней степи половецких всадников. Все русские воины благополучно вернулись во Владимир. В 1203 г. переяславль-залесский князь принимал участие в зимнем походе на половцев. Русские воины, выйдя в стужу в степи, «взяли вежи их, стада их и пленных много» и благополучно «возвратились восвояси». Всеволода Большое Гнездо, который, по словам автора «Слова о полку Игореве», мог веслами своего войска расплескать Волгу, а шлемами вычерпать Дон, современники считали единственным князем, способным одолеть половцев, потому что «имени его боялись все страны, и по всей земле шел слух о нем». Автор «Слова о полку Игореве» писал, что, если бы в походе на половцев участвовал этот могущественный князь, победа была бы обеспечена, и обращался к нему: «Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей — по резане!» (то есть половецкие пленники стоили бы гроши).

Половецкие набеги в первую очередь обрушивались, конечно, на пограничные со степью русские княжества. Но жители этих княжеств не были одиноки в войне со степняками. В самые тяжелые минуты на помощь им приходили люди из многих земель Руси, из заволжских лесов и даже далекого Новгорода. Многовековая борьба со степняками была общим делом всех людей Древней Руси, предков братских народов — русских, украинцев, белорусов. И именно в этом единении народных сил кроется причина конечного успеха.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Активная оборона южных границ и успешные походы в степи ослабили наступление половецких орд. К исходу XII столетия походы половцев на Русь фактически прекратились. Отдельные отряды степняков приходили в основном в русские земли для участия в междоусобных войнах. Половецкие отряды участвовали в феодальных усобицах в 1217, 1219, 1229, 1234 гг. Опустошения, причиняемые половецкими «союзниками», часто бывали очень значительными. Были в начале XIII столетия и

большие русские походы в степи, и отдельные досадные поражения русского войска, но Половецкая земля уже перестала выступать в качестве единой враждебной силы, для борьбы с которой требовались общерусские усилия. Половецкое наступление на Русь выдохлось. Русь стояла в этой тяжелой борьбе.

Решающую роль в ослаблении половецкого наступления сыграло героическое сопротивление народных масс Руси. Агрессивные устремления кочевников сдерживала хорошо организованная, оснащенная мощными укрепленными линиями оборона южных границ Руси, созданная общенародными усилиями. Чтобы преодолеть эту оборону, половцам приходилось затрачивать много сил и жертв.

Русские дружины научились хорошо биться со своими быстрыми и коварными врагами — многовековой опыт борьбы со степняками не прошел даром. Ведущую роль стала играть конница: без многочисленного и хорошо вооруженного конного войска с подвижными степными всадниками воевать было трудно.

Русская конница делилась на легкую, вооруженную луками и саблями или мечами (так называемые стрельцы, участвовавшие, по свидетельствам летописцев, во многих битвах с половцами), и тяжелую, состоявшую из княжеских дружинников и имевшую на своем вооружении копьа, мечи (реже сабли), крепкие щиты. Выделение легкой конницы было большим шагом вперед в военном деле. В этом отношении Русь значительно опередила Западную Европу. На Руси легкая конница как самостоятельный вид войска появилась в XI веке, а в Германии и Франции — только в XIV веке. Ударов русских конных дружин, одетых в железные доспехи и оцетинившихся длинными копьями, легковооруженные половецкие всадники обычно не выдерживали и обращались в стремительное бегство. В ближнем бою русские воины применяли боевые топоры, кистени и палицы-шестоперы. В обороне южных границ и в походах в степи активно участвовали и пешие рати, которые порой решали успех боя, нерушимо вставая на пути половецкой конницы.

В битвах со степняками выработалась тактика войны, которая учитывала сильные и слабые стороны кочевников. Русские военачальники умело использовали зимнее время, когда половцев было легче застать врасплох в их становищах, и часто организовывали зимние походы в

степи. Обычными для русского войска были ночные марши, обеспечивавшие скрытное сближение с противником, и быстрые походы без обозов, во время которых конное войско проходило за день более 50 км (а в отдельных случаях даже более 100 км!).

Вперед высылались сильные сторожевые заставы, как правило, из дружин нескольких «молодших князей», которые перехватывали сторожевые дозоры половцев и уничтожали их, чтобы те не могли известить вежи о приближении русского войска. Иногда передовые отряды завязывали бой и с главными силами половцев, чтобы затем намеренным отступлением завести их под удар основных русских полков. Кроме того, сторожевые заставы старались захватить «языка», чтобы узнать все о противнике.

Бой обычно начинала легкая конница — стрельцы, осыпавшие половцев ливнем стрел. Исход битвы решал массированный удар тяжеловооруженной дружинной конницы, которая легко прорывала боевые порядки половецкой орды. Против больших скоплений половцев, успевших приготовиться к бою, часто использовались фланговые охваты и нападения с тыла. Угроза окружения вынуждала половцев к поспешному отступлению.

В опасные годы организовывалась «сторожа» Русской земли: войска нескольких княжеств стояли поблизости от степной границы на наиболее вероятном направлении половецкого удара.

Войны со степняками привели к изменениям и в вооружении. У русских воинов появились сабли — длинные, тонкие, сильно загнутые к концу, которые были удобны в конном бою. Однако основным оружием по-прежнему оставался меч, только форма его изменилась. Русский меч XII столетия становится короче и легче, конец его заострялся. Таким мечом в битве можно было не только рубить, но и колоть. Широкое распространение получили луки, которые стали оружием как пешего, так и конного воина. На Руси были известны каленые стрелы, сделанные из закаленной стали (о таких стрелах упоминается в «Слове о полку Игореве»).

Походы русских дружин в Половецкую землю подрывали экономическую базу кочевых скотоводческих половецких племен. Половцы постепенно слабели в войнах с Русью.

Значительные изменения происходили внутри половецкого общества. Развивавшиеся феодальные отношения разрушали былое единство военной организации половцев, основанной на родовых связях. Половецкие ханы постепенно превращались в феодальных владык, политика которых, несмотря на известные особенности, по своей сути мало отличалась от политики других феодалов, в том числе и русских. Брачные союзы детей половецких ханов и русских князей стали обычным явлением. Влияние Руси, находившейся на более высоком уровне общественного развития, становилось все заметнее.

Тяжелой и длительной была борьба Руси с кочевниками — половцами, много жертв и усилий стоила она нашим предкам. С 1061 по 1210 г. половецкие ханы совершили 46 больших походов на Русь, из которых на долю Переяславского княжества пришлось 19, на Поросье — 12, на Северскую область — 7, на Киевскую и Рязанскую земли — по 4 похода. Количество мелких половецких набегов вообще не поддается учету — их было множество. Постоянным опустошениям подвергалось не менее 1/15 части территории всей Руси — наиболее населенные, наиболее развитые районы с самыми благодатными природными условиями.

Множество русских людей, захваченных половцами в плен при набегах, было продано в рабство и рассеялось по странам Ближнего и Среднего Востока, от Египта до Индии. Еще больше погибло: ни один половецкий набег не обходился без того, чтобы половцы не «иссекли», не «избили» людей. Часто следствием половецкого разорения были эпидемии и массовые голодовки.

Судьба половцев похожа на судьбу многих других азиатских кочевников, вторгавшихся в степи Восточной Европы: их поглотила новая волна пришельцев из Азии — монголо-татар. Половцы были включены в состав монголо-татарских орд, и с середины XIII в. население южных степей стало известно под общим именем — татары, хотя коренных монголов там было сравнительно немного.

Древняя Русь выстояла в трехвековой борьбе с кочевыми племенами печенегов, торков и половцев. Но впереди были еще жестокие и кровопролитные битвы: враг наступал на западные рубежи Руси,

АГРЕССИЯ «ВО ИМЯ БОЖЬЕ...»

В начале XIII века усилился немецкий «натиск на Восток», бывший традиционной политикой германских феодалов. Наступление немецких рыцарей на северо-западные русские земли поддерживали феодалы государств Северной Европы — Дании и Швеции. Организатором похода был римский папа, обещавший отпущение грехов «всем тем, кто, приняв крест, пойдет для восстановления первой церкви в Ливонии».

Лозунги распространения христианства среди «язычников» — литовцев, латышей и эстов — никого не могли обмануть. Крестовые походы в Прибалтике, провозглашенные римским папой, имели целью порабощение издавна населявших эти земли народов. В средние века действовал правовой принцип: «чья вера, того и власть».

В 1201 г. крестоносцы на 23 больших кораблях ворвались в устье реки Двины. Здесь ими была заложена сильная крепость Рига. В следующем году был основан рыцарский Орден меченосцев. Завоевание прибалтийских народов началось.

Продвигаясь дальше на восток, крестоносцы огнем и мечом покорили земли ливов и вплотную подошли к границам Эстонии. Непосредственная опасность нависла и над северо-западными русскими землями.

Эсты, изнемогавшие в неравной борьбе с многочисленным, хорошо вооруженным войском рыцарей-крестоносцев, обратились за помощью к полоцкому князю. Они просили «полоцкого короля» Владимира, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время «теснить войной» рыцарей и их союзников. В 1216 г. полоцкое войско пришло на помощь эстам. Началась кровопролитная война в Прибалтике. На полях сражений плечом к плечу с русскими воинами сражались эсты.

Русские города Новгород и Псков тоже выделили 16-тысячное войско, которое осаждало рыцарские замки. «Великая война русских и эстов против ливонцев», как писали об этих событиях современники, грозила сбросить захватчиков в море. Но на помощь крестоносцам пришел датский король Вальдемар II. Датские войска высадились на побережье Финского залива и в 1219 г. основали здесь крепость Ревель. Вся северная часть Эстонии попа-

ла под власть датского короля. Вмешательство Дании сразу осложнило обстановку в Прибалтике. Крепость Ревель угрожала с севера русскому войску, предпринимавшему походы в глубь земли эстов. Но народы Прибалтики продолжали сопротивление.

В 1221 г. великий владимирский князь Юрий Всеволодович отправил свое войско на Ригу. В Эстонии началось восстание против завоевателей, причем «русских из Новгорода и из Пскова эсты призвали к себе на помощь, чтобы сражаться против тевтонов». Война началась, по сообщениям современника, «на всем пространстве Эстонии».

Битва с монголо-татарами на реке Калке, которая произошла в 1223 г., серьезно ослабила военные силы Руси: киевские, галицкие, черниговские, волынские, смоленские и другие русские дружины погибли в степях. Рыцари надеялись, что это поражение русских поможет наконец добиться победы над непокорными эстами. Но владимирский великий князь снова оказал помощь своим союзникам. 20-тысячное суздальско-псковско-новгородское войско во главе с братом великого князя — Ярославом Всеволодовичем пришло в Эстонию. Князь Вячко с русским гарнизоном укрепился в Тарту и около года удерживал город от приступов крестоносного войска. А в 1234 г. у реки Эмайыги князь Ярослав с новгородцами наголову разбил немецких рыцарей и «взял с ними мир по всей правде своей». Через два года войско крестоносцев потерпело крупное поражение в Литве. В битве при Шауляе ливонские рыцари потеряли значительную часть своего войска, магистр Ордена меченосцев Волквин был убит. К. Маркс так писал об этой победе: «Обнаглевшие меченосцы, рассчитывая... на стекающуюся со всех сторон крестоносную сволочь... предприняли крестовый поход против Литвы», но литовцы «этих псов жестоко отдули»¹. Наступление крестоносцев на восток захлебнулось: рыцари потеряли даже часть земель, которые им удалось ранее завоевать.

Серьезные военные поражения, понесенные в битвах с русскими и литовскими полками, заставили рыцарей-

---

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V. Госполитиздат, 1938, стр. 343.

крестоносцев объединить свои силы. Из Пруссии в прибалтийские земли пришли рыцари Тевтонского ордена, объединившиеся в 1237 г. с меченосцами в один орден. Со всех концов Европы, следуя призывам римского папы, в Прибалтику стекались рыцари, любители легкой наживы. Рыцари вели переговоры с Данией и Швецией о совместном наступлении на Русь. Враг ждал удобного момента, чтобы снова начать войну. Опасность, нависшая над северо-западными границами Руси, не была устранена — рыцари, создавшие хорошую военную организацию, обладали значительными силами.

Во главе ордена стоял магистр, которому подчинялись комтуры — управители областей или коменданты укрепленных городов и замков. Комтуру подчинялись многочисленные рыцари, носившие как знак своей принадлежности к ордену белый плащ с черным крестом. В составе ордена были также «милосердные братья», ухаживавшие за ранеными и больными, и так называемые «полубратья», сражавшиеся без права на добычу. Каждый рыцарь имел отряд вооруженных слуг и оруженосцев. Войско ордена было подчинено суровой дисциплине, хорошо вооружено. Рыцарь, с головы до ног закованный в стальную броню, сидящий на сильном коне, тоже защищенном доспехами, с длинным копьём и мечом, был своеобразной «движущейся крепостью» — поразить его было нелегко. Удар сомкнутого строя рыцарской конницы был сокрушительным.

Рыцари ордена, как правило, выстраивались для боя в глубокую колонну — клин, напоминавший по форме трапецию. Русские летописцы называли такой строй «свиньей». Клин врезался в боевые порядки противника, разрезал его на части как таран. В голове строя помещались лучшие, тяжеловооруженные рыцари, по сторонам и в основании клина — «полубратья», а в середине — пешие воины, обычно набравшиеся из завоеванных народов.

Однако русские воины не раз били рыцарскую конницу, так же как до этого наносили сокрушительные поражения быстрой и подвижной коннице кочевников. Только монголо-татарское нашествие, серьезно ослабившее Русь, позволило рыцарям-крестоносцам снова перейти в наступление.

«ПРИШЛА НЕСЛЫХАННАЯ РАТЬ...»

«Пришла неслыханная рать. Их же никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их», — так записал в 1223 г. русский летописец о появлении у границ Руси нового опасного врага — монголо-татар.

Русский летописец не ведал, что гораздо раньше далеко на востоке произошли события, о которых было неизвестно в Европе, но которые позже тяжело отразились на судьбах многих народов и стран. Из бескрайних степей, раскинувшихся на просторах Центральной Азии, прибыли в 1206 г. на курултай (съезд) к берегам реки Онон монгольские князья (нойоны) с отрядами дружинников — нукеров. Они провозгласили великим ханом, то есть верховным правителем монголов, Темучина. Будучи вождем одного из монгольских племен, он сумел в кровавых междоусобных распрях победить своих соперников. Он принял новое имя — Чингиз-хан, и его род был объявлен старшим из «всех поколений, живущих в войлочных кибитках». Многочисленные кочевые племена, обитавшие в монгольских степях и постоянно враждовавшие между собой, были объединены в рамках единого Монгольского государства. По своему характеру это государство было раннефеодальным. Скотоводческая знать захватывала пастбища, скот, закабаляла рядовых кочевников. Феодалная знать жаждала захватнических войн, завоевания и ограбления соседних народов. Ей удалось повернуть на этот путь массы кочевников-скотоводов.

Причины особой агрессивности монгольских феодалов коренились в особенностях хозяйства страны. Эксплуатация собственных подданных не могла удовлетворить жажду знати к обогащению: кочевое скотоводство — основное занятие монгольского народа — было сравнительно малопродуктивным. Любое расширение производства на этой базе требовало новых и новых земель под пастбища, а приобрести их можно было только путем завоевательных войн. Быстро и легкого обогащения монгольские феодалы могли достичь, лишь ограбив соседние страны, накопившие за свою многовековую историю большие богатства и создавшие трудом своих народов высокую по тому времени материальную и духовную культуру.

Завоевательным походам монгольских ханов благопри-

яствовала и историческая обстановка первой половины XIII столетия в ряде соседних стран. И Китай, и Средняя Азия, и Иран, и Русь переживали период феодальной раздробленности и поэтому не всегда могли объединить свои военные силы для отпора завоевателям.

Монгольские ханы опирались на многочисленное и хорошо вооруженное, сплоченное благодаря еще не исчезнувшим родовым связям войско, воспринявшее многовековой опыт кочевых племен и военные знания покоренных народов.

Подробно описал организацию монгольского войска, его вооружение и тактику современник монголо-татарских завоеваний итальянец Плано Карпини, который по поручению римского папы Иннокентия IV в середине 40-х гг. XIII в. ездил в Монголию, в ставку великого хана. Вот как писал Плано Карпини о монгольском войске.

«О разделении войск. Чингиз-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или более, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

Об оружии. Оружие же, все по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрел, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые (то есть сабли. — В. К.); у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также

прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолой вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле... Шлем же сверху железный или медный, а то, что покрывает кругом шею и горло — из кожи. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа. Они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо. У некоторых из них есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью.

О хитростях при столкновении. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления; и они очень искусны в розысках. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой они делают кругом частые ручки, в которые вставляют веревки и завязывают так, что образуется в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают; после это-

го в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадьёю человека, который управлял бы лошадьёю. Или иногда берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадьёю, которой управляет, все же другие лошади следуют за той, таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

Надо знать, что всякий раз, когда они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять, на двенадцать или на двадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и детей. Иногда они делают изображение людей и помещают их на лошадях, это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных из других народов, которые находятся между ними;

может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают их в середине; таким путем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности это бывает тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, и когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

Об осаде укреплений. Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они ограждают ее так, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо. А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него с оружием. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или ук-

репление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, с которым они борются, случайно не получит подмоги и не удалит их силой.

О вероломстве татар и жестокости против пленных. Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого хотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда; и если случайно в силу какого-нибудь обстоятельства они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убийство они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою»¹.

Внезапность нападений и быстрота движения были отличительной особенностью монгольского войска. По свидетельствам современников, даже крупные отряды монгольского войска с осадными машинами и обозом могли в случае необходимости делать за сутки 80-километровые переходы. Ф. Энгельс называл войска, подобные монгольскому, «подвижной, легкой конницей Востока».

Вторжению монголо-татарских полчищ обычно предшествовала тщательная разведка и дипломатическая подготовка, направленная на изоляцию противника от возможных союзников и на разжигание в его стране внутренних усобиц. Монгольские ханы старались любыми средствами привлечь на свою сторону недовольных, чтобы в решающий момент разъединить силы врага.

В составе монгольского войска имелись специальные должностные лица — юртджи, которые занимались военной разведкой. В их обязанности входило: определять зимние и летние кочевья для войска, выбирать в походах

---

¹ Плано Карпини. История монгалов. М., Географгиз, 1957, стр. 49—54.

места стоянок, собирать сведения о путях движения войск, состоянии дорог, запасах продовольствия и воды. Вести о противнике поступали от монгольских посольств, направлявшихся в соседние страны под предлогом переговоров о торговле или союзе, а также от купцов, посещавших с торговыми караванами интересовавшие завоевателей земли.

В завоевательных походах монгольское войско использовало технические достижения других стран и пускало в ход самую разнообразную осадную технику: тараны для разрушения стен, метательные машины, штурмовые лестницы. Массовое применение осадных орудий помогало одерживать победы при осаде хорошо укрепленных городов. Так, при осаде города Нишабура в Средней Азии монгольское войско пустило в ход 3000 баллист, 300 катапульти, 700 машин для метания горшков с горячей нефтью, 4000 штурмовых лестниц. К стенам города подвезли и при помощи метательных машин обрушили на осажденный город 2500 возов камней!

Но основная сила монголо-татарских завоевателей была все-таки в коннице, огромные массы которой буквально втаптывали в землю все встречавшееся на пути. Бесчисленные табуны монгольских коней — крепких, привычных к длительным переходам, к зною и к лютomu холоду, — не только мчали монгольских воинов во время походов, но и помогали им в битвах, разрывая зубами и круша крепкими копытами коней и воинов противника. Монгольская лошадь неприхотлива. Даже зимой из-под снега она сама себе добывала пропитание и, не требуя почти никакого ухода, сама кормила в случае нужды своих хозяев молоком, мясом, конской кровью.

Завоевательные походы были для монголов привычным делом: походная жизнь мало отличалась от их обычных перемещений по бескрайним степям. Суровые условия жизни кочевника-скотовода, кровавые войны и грабительские набеги определили своеобразный душевный мир степняка. Жестокость, вероломство, свирепость в битве, железная дисциплина, цементирувавшаяся еще родовой сплоченностью, постоянная готовность к походу и сражению — все эти черты монгольского воина были следствием его образа жизни.

Удачную попытку проникнуть в душевный мир кочевника, показать его связь с суровой и скудной природой

монгольских степей, с кочевым скотоводческим бытом сделал советский писатель С. И. Хмельницкий. Герой его романа «Каменный щит» монгольский сотник Буга родился и вырос в войлочной кибитке на колесах, медленно передвигавшейся по степи, где «не росло ни хлебных злаков, ни овощей, ни плодовых деревьев», где «не было ни железа для копий и сабель, ни хлопка для одежды, ни винограда для вина», «только низкий, сухой ковыль, пещи, поросшие твердым, как камень, саксаулом», да в безлунные ветреные ночи «зеленая россыпь горящих волчьих глаз». Может быть, именно поэтому «как человек, который свободно переходит с места на место, смотрит на приросшее к земле, неподвижное растение и не признает его равным себе, так и Буга, кочевник, привыкший свободно передвигаться по степи вместе со своей кибиткой, смотрел на оседлых людей, приросших к неподвижным домам, к земле, рождающей зерна, и не признавал их существами, равными себе... Люди степей брали то, что им было нужно, войной и грабежом. Они не знали других способов добывать то, что им нужно. Поэтому на грабеж и на войну Буга смотрел так, как труженики смотрят на труд, — с уважением. Напротив, нравы и занятия оседлых и мирных народов вызывали в Буге такое же презрение, какое в тружениках вызывает жизнь дармоедов и белоручек. Эти нравы и занятия казались ему смешными и противными. Разве пристало мужчине неделями, вздыхая, высматривать, не покажется ли на небе дождевое облако, чтобы оросить его поле? Разве пристало ему копать в земле, как суслику? Хорошо разбить таранами каменные заборы, мешающие быкам идти вперед, угнать в плен много людей и с добычей и невольниками вернуться в родные великие степи, чтобы вести прежнюю жизнь, заставляя невольников трудиться на себя!»¹.

Жажда добычи вела монгольских ханов в тысячекилометровые походы, через пустыни и лесные чащи. Жажда обогащения гнала рядовых воинов на оцетинившиеся копьями и мечами укрепленные города, заставляла рисковать жизнью в кровопролитных битвах. Воины Чингизхана и их военачальники были не «степными рыцарями», воюющими за «возвышенные цели», как их пытаются

---

¹ С. Хмельницкий. Каменный щит. М., «Сов. писатель», 1960, стр. 105—107.

представить некоторые зарубежные историки, а соучастниками обыкновенного грабежа, пусть грандиозного по своим масштабам, охватывающего целые страны, но от этого не менявшего нисколько своей сущности.

Но беспрестанные завоевательные войны в конечном счете губительно сказались и на судьбе самого монгольского народа. Они в итоге стали главной причиной длительного политического, экономического и культурного упадка Монголии. Сотни тысяч монгольских воинов, оказавшихся в Китае и в Индии, в Иране и на Волге, в половецких степях и в Крыму, теряли связь с родиной, растворялись в массе завоеванных народов, утрачивали даже родной язык. Многие из этих воинов погибли в трудных походах и кровопролитных сражениях. А огромные богатства, добытые ценой крови простых воинов, быстро растрачивались паразитической феодальной верхушкой. В результате Монголия на несколько веков отстала в своем развитии даже от стран, ставших жертвами монголо-татарских опустошительных погромов.

ВСЕ БЛИЖЕ К РУСИ

Завоевательные походы монгольских ханов, продолжавшиеся с небольшими перерывами больше столетия, начались сразу же после образования Монгольского государства.

В 1207 г. монголы приступили к завоеванию племен, обитавших к северу от реки Селенги и в верховьях Енисея. В результате этих походов ханы захватили районы, богатые железоделательными промыслами, что имело большое значение для вооружения войска. В том же году Чингиз-хан завоевал тангутское государство Си-Ся в Центральной Азии. Тангутская конница пополнила ряды монгольского войска.

В 1209 г. монголо-татары вторглись в страну уйгуров (Восточный Туркестан) и подчинили ее себе. Под власть Чингиза попали многие народы Южной и Центральной Сибири: киргизы, буряты, ойроты и другие. Ими тоже пополнялось монгольское войско.

В 1211 г. Чингиз-хан предпринял широкое наступление на Китай и на третий год войны овладел Пекином. Многочисленное войско китайских богдыханов, военачаль-

ники которого считали себя носителями непревзойденной военной мудрости, оказалось бессильным против быстрых монгольских всадников.

Следующий удар был направлен на государства Средней Азии, куда Чингиз сам повел 200-тысячное войско. Отряды хорезм-шаха Мухаммеда, не принимая генерального сражения, рассредоточились по укрепленным городам, и монголо-татары разбивали их по частям. В Самарканде, имевшем большой гарнизон и запасы продовольствия, против завоевателей выступило только пешее городское ополчение; городская же знать предпочла сдаться на милость врага. Местные властители сдали без боя и Бухару, где находился 20-тысячный гарнизон и многочисленное ремесленное население, взявшееся за оружие в момент опасности. Без боя захватили монголо-татары и сильную крепость Мерв.

Народные массы Средней Азии оказали завоевателям упорное сопротивление. Несмотря на предательство правящей феодальной верхушки и полную неспособность хорезм-шаха Мухаммеда организовать сопротивление, крестьяне и горожане храбро сражались с коварным врагом. Много сложено сказаний о Тимур-Малике, который с отрядами храбрецов, неожиданно нападая на завоевателей, неоднократно разбивал их полки и уходил от преследования, чтобы снова неожиданно обрушиться на врагов. Народы Средней Азии много раз поднимались против завоевателей, но их восстания жестоко подавлялись монгольскими ханами. За три года войны (1219—1221 гг.) здесь погибли сотни тысяч людей, в огне пожаров сгорели города и кишлаки, были разрушены сложные ирригационные системы, уничтожены многие выдающиеся памятники архитектуры и искусства. Из городов Средней Азии завоеватели массами уводили в свои степи искусных ремесленников. Цветущая страна превратилась в пустыню, покрытую пеплом пожаров.

Завоевав Среднюю Азию, монголо-татары вплотную подошли к границам Восточной Европы. Завоевательные планы монгольских феодалов были поистине безграничны. Своему старшему сыну, Джучи, Чингиз-хан, как свидетельствует персидский историк Рашид-ад-Дин, повелел «отправиться с войском завоевать все области Севера, то есть земли Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кипчак, Башкирд, Русь и Черкес, и подчинить их своей власти». Но

при жизни Чингиз-хана эта широкая завоевательная программа не была осуществлена. Основные силы монгольских ханов вели войны в Китае, Центральной и Средней Азии. В Восточную же Европу был предпринят в 1222 г. только разведывательный поход.

Тридцатитысячное войско, возглавляемое Джебэ и Субудаем, через Северный Иран двинулось в Азербайджан, «совершая, по своему обыкновению, избиение и грабеж во всяком месте, которое попадалось на пути». Затем наступила очередь Грузии, народ которой оказал упорное сопротивление завоевателям: грузины, «снарядив войско, приготовились к бою». Военная хитрость помогла монголам одержать победу. «Когда они (монгольские и грузинские войска.— В. К.) сошлись друг с другом, Джебэ с 5000 человек скрылся в засаде, а Субудай с войском выступил вперед. При первом столкновении монголы показали тыл, а грузины пустились в погоню. Тогда Джебэ вышел из засады, монголы окружили их и в один миг убили 30 тысяч грузин». Рашид-ад-Дин, видимо, значительно преувеличил потери грузинского войска, однако монголы добились серьезного успеха. Но грузинский народ продолжал борьбу, укрепившись в горных районах. Тогда монгольское войско, не вступая в затяжную и сулившую мало успехов войну, покинуло Грузию и пошло дальше на север, к Дербенту. Так как беспрепятственный проход через Дербент, запиравший дорогу на север по побережью Каспийского моря, был невозможен, монгольские военачальники опять пустились на хитрость. Они послали послов к дербентскому Ширван-шаху с предложением: «Пришли несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Шах выделил для этой миссии десять старейшин. Одного монголы убили, а остальным сказали: «Если вы укажете дорогу через это ущелье, то мы пощадим вам жизнь, если же нет, то вас также убьем!» Из страха за свою жизнь старейшины указали тайный путь завоевателям. Монголо-татары прорвались в земли Северного Кавказа.

Аланские племена, населявшие эти места, призвали на помощь половцев и «сообща сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем». Предстояла новая битва, исход которой трудно было предугадать. И снова монголам помогло коварство. Они предложили половецким вождям: «Мы и вы — один народ и из одного

племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам!» Половецкие вожди согласились. Монголы действительно «прислали много добра» и позволили им беспрепятственно уйти. Наутро «монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа». Однако половцы не успели воспользоваться монгольским золотом, полученным за предательство. Когда они, «полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали». Этими словами Рашид-ад-Дин закончил описание военных действий монгольского войска Субудая и Джебэ на Кавказе.

В 1223 г. монгольское войско появилось в причерноморских степях, поблизости от границ Руси. Когда монголы пришли на землю половецкую, рассказывает русский летописец, «половцы не могли противиться им»: одни бежали к Дону, другие — в Крым, третьи — в Русскую землю. Половецкий хан Котян, тесть галицкого князя Мстислава, «пришел с поклоном с князьями половецкими в Галич к князю Мстиславу, к зятю своему, и ко всем князьям русским, и дары принес многие, кони, верблюды и девки, и одарил князей русских, а сказал так: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возмут, обороните нас, если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!»

Далее летописец поучительно замечает: «Много те половцы зла сотворили Русской земле, того ради всемилостивый бог хотел погубить сыновей безбожных измаиловых половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую!» Но теперь было не время вспоминать о старых обидах: монголы угрожали и русским и половцам. Князья решили выступить на помощь хану Котяну. Мотивы этого решения очень откровенно выразил князь Мстислав Галицкий в своем обращении к другим русским князьям: «Если мы, братья, не поможем им, то половцы передадутся татарам, и их сила будет больше!»

И вот в Киеве собрались на совет «старейшины в Русской земле» — Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславич Галицкий, Мстислав Святославич Чернигов-

ский и Козельский и другие князья. Не приехал лишь владими́ро-сузда́льский князь Ю́рий Всеволо́дович. На совете было решено выступить с войском в половецкие степи, чтобы встретить врага в поле, за рубежами Русской земли.

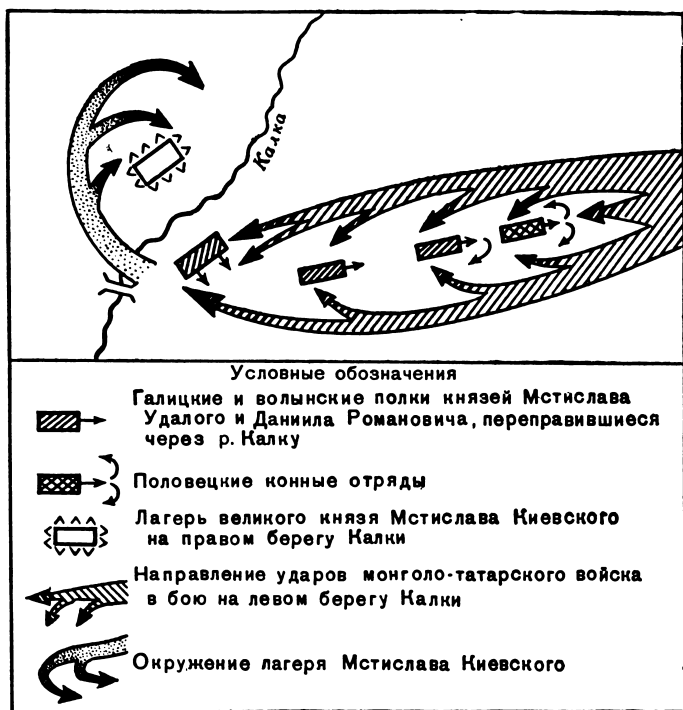
На Днепре, у Олешья, собрались в середине мая 1223 г. русские дружины. «Из Киева князь Мстислав со своею силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Владимир Рюрикович с черниговцами и все князья русские, и все князья черниговские, а из Смоленска 400 воинов». К русскому войску присоединились отряды половцев. Были в войске также дружины из Курска, Трубчевска и других городов. Такой большой рати давно не собиралось на Русской земле. Казалось бы, междоусобные распри забыты, и все «единым сердцем» выступили против опасного врага. Однако на деле это было не так: отдельные феодальные дружины, даже собранные вместе, не представляли собой единого войска, подчинялись лишь собственным князьям, каждый из которых придерживался своего плана военных действий и мало считался с приказаниями «старейшего» киевского князя. Это, несмотря на значительную численность собранного войска, и предопределило в конечном итоге поражение.

Первым перешел на левый берег Днепра князь Мстислав Галицкий с тысячей отборных воинов, неожиданно напал на выдвинутые вперед «сторожи татарские» и обратил их в бегство. Татары пытались спасти от русских воинов «воеводу своего Семейбека», спрятали его в яму и замаскировали ветками, надеясь, что русские конники, увлеченные преследованием, не найдут его. Но воевода татарский был обнаружен и вынужден был рассказать о силах и местоположении лагеря Субудая и Джебэ.

Ободренные первым успехом, «перешли все люди и князья все и Мстислав Черниговский реку Днепр и пошли на конях в поле Половецкое». Передовой монгольский отряд пытался задержать продвижение русского войска, но «стрельцы русские победили их и гнали далеко в поле, и взяли стада их». Началось преследование, продолжавшееся восемь дней. Княжеские дружины растянулись по степи, потеряли связь друг с другом. Когда на девятый день похода, 31 мая 1223 г., за речкой Калкой князей встретил сомкнутый строй монгольской конницы, изгото-

вившейся к бою, им очень трудно было восстановить боевой порядок.

К тому же на княжеском совете выявились разногласия относительно плана дальнейших действий. Мстислав Киевский считал, что переходить Калку и нападать на

Битва на реке Калке в 1223 г.

монголов в поле опасно. Он расположился на правом высоком берегу Калки и начал строить укрепленный лагерь. Мстислав Галицкий и другие князья были за немедленное наступление. Вместе с половецкими отрядами они перешли на левый берег реки Калки и были сразу атакованы монгольской конницей. Русские дружины, в передней линии которых были волынские и галицкие ратники князя Мстислава Удалого, держались стойко, но половцы не выстояли против стремительной атаки монголов и «птоптали, убегая, станы князей русских. И смешались

все полки русские, и была сеча злая и лютая», — с горечью писал летописец. Мстислав Галицкий с остатками войска пробился через монгольские заслоны и начал отступление через степи, отбивая непрерывные нападения преследовавших его врагов.

Тем временем Мстислав Киевский стоял со своим многочисленным полком на холме, за кольцом деревянных укреплений. Три дня штурмовали его лагерь монгольские тысячи, но безуспешно: все их приступы были отбиты русскими ратниками. Тогда монголы, по своему обычаю, прибегли к хитрости. Они обещали отпустить за выкуп князей и их дружины, если те прекратят сопротивление. Мстислав поверил и жестоко поплатился. По словам летописца, монголы «людей посекали, а князей задавили, положив под доски, а сами наверх сели обедать».

Потери русского войска в битве на реке Калке оказались очень тяжелыми. Шесть русских князей было убито, а из рядовых воинов только один из десяти благополучно вернулся домой. Монгольская конница преследовала отступавшие русские дружины до самого Днепра и, опустошив земли по его левому берегу, ушла на восток. Поражение на Калке оставило глубокий след в памяти народа. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям», — сообщил летописец. Именно с этой битвой связана народная былина о гибели богатырей, до того непоколебимо стоявших на «заставах богатырских» на рубежах Русской земли.

Из половецких степей войско Субудая и Джебэ направилось в Волжскую Булгарию, но потерпело там серьезное поражение. Арабский историк Ибн-аль-Асир писал, что когда булгары услышали о приближении монголо-татар, то «они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они отсюда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингиз-хану, и освободилась от них земля кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю».

Поход Субудая и Джебэ показал монгольским ханам всю сложность завоевания народов Восточной Европы. Прошло несколько лет, прежде чем монголы снова появи-

лись у ее границ. Новый монгольский великий хан Угедей (Чингиз-хан умер в 1227 г.) «во все пограничные места и окраины своих владений назначил войска для охраны границ и областей». По сообщению Рашид-ад-Дина, великий хан тогда «отправил Кукдая и Субудая с 30 тысячами всадников в сторону Кипчак, Саксин и Булгар», то есть в прикаспийские степи, где они близ реки Яика (Урала) разгромили булгарские сторожевые заставы, охранявшие дальние подступы к своей стране. Затем монгольское войско потеснило саксинов (потомков хазар) в прикаспийских степях и приступило к постепенному захвату башкирских земель. Этим и ограничилось продвижение завоевателей в Восточную Европу на данном этапе.

Вопрос о наступлении на запад обсуждался на курултае монгольских феодалов в 1229 г. Великий каан Угедей направил в помощь отряду Субудая войска западной части Монгольского государства — улуса Джучи. Эти войска возглавил хан Бату (русские летописцы называли его Батыем), сын Джучи, любимый внук Чингиз-хана. По словам Рашид-ад-Дина, Батый «был в большом почете и очень могуществен, вместо Джучи-хана стал ведать улусом и войском».

Намеченный курултаем в 1229 г. поход на запад не был еще общемонгольским и, как показали дальнейшие события, не принес завоевателям заметных успехов. В степях Прикаспия «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками», которая продолжалась несколько лет. Башкирский народ тоже не желал покоряться. Волжская Булгария успешно оборонялась, воздвигнув на южной границе мощные укрепленные линии. На этих рубежах булгарские рати задержали наступление завоевателей, не дав пробиться к своим богатым городам. В 1232 г. монголо-татары «зимовали, не дойдя до великого города Болгарского» (Булгар). Крайней точкой продвижения монголо-татарских войск улуса Джучи на запад после нескольких лет войны были низовья Волги: отдельные отряды завоевателей изредка появлялись недалеко от земель аланов.

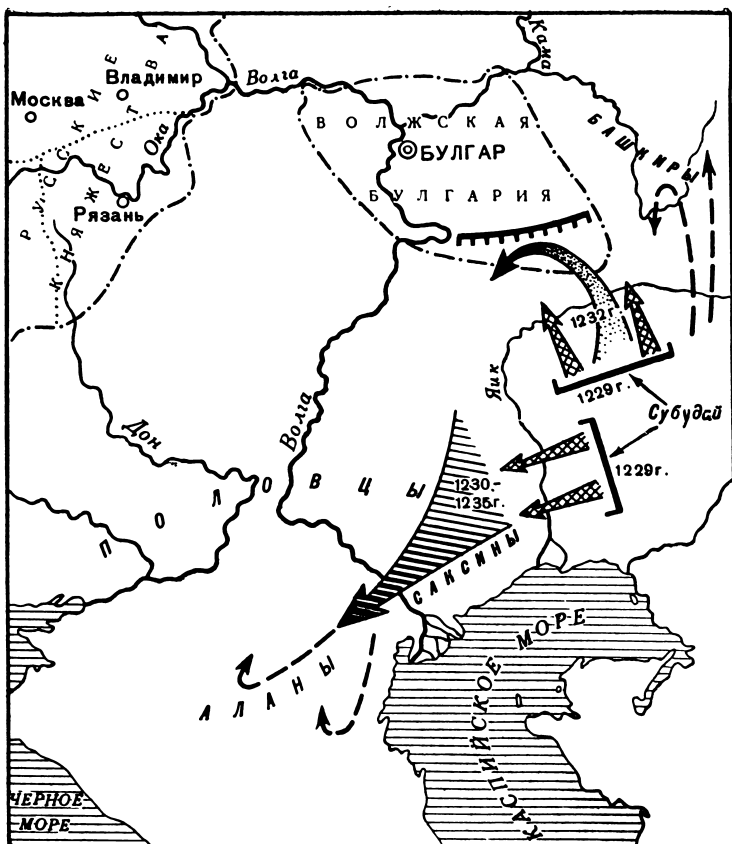
И снова вопрос о походе на запад обсуждался на курултае. В 1235 г., по сообщению Рашид-ад-Дина, когда великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных народов, со-

стоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». Поэтому «в помощь и подкрепление» Батыю великий хан назначил следующих царевичей, потомков Чингиз-хана: «Менгу и его брата Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадана и других царевичей, Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута и нескольких других царевичей», а из знатных эмиров был причислен к войску Субудай, «один из четырех свирепых псов Чингиз-хана».

Новый поход был, таким образом, общемонгольским: в нем участвовало 14 знатнейших ханов, потомков Чингиза. Численность монголо-татарского войска, выступившего под знаменами Батыя, достигала 150 тысяч человек (обычно каждый из царевичей чингизидов командовал в походе туменом, то есть 10-тысячным отрядом войска). Это была огромная по тем временам армия.

Все лето двигавшиеся из разных улусов орды провели в пути, а осенью «в пределах Булгарии царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Огромное монгольское войско встало на рубежах Восточной Европы.

Первый удар монголо-татарских полчищ был направлен на Волжскую Булгарию. Поздней осенью 1236 г. укрепления на границе Булгарии были прорваны, орды завоевателей, уничтожая все на своем пути, обрушились на болгарские земли. Персидский автор, современник нашествия, писал, что завоеватели «силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им жителей его частью убили, а частью пленили». Картины страшного опустошения Волжской Булгарии рисовали и русские летописцы: «Той же осенью (1236 г.) пришли из Восточных стран в Болгарскую землю татары, и взяли славный великий город Болгарский, и избили оружием от старца до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем, и всю землю их пленили». Разрушены были многие болгарские города: Булгар, Булар, Кернек, Сувар и другие, подверглись массовому опустошению и сельские местности. В бассейне рек Бездны и

Условные обозначения

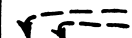
Наступление 30-тысячного отряда Субудая
в 1229-1230 гг

Наступление на Волжскую Булгарию в 1232г. Неудачная попытка монголо-татарских войск „Улуса Джучи“ прорвать укрепления булгар

Наступление монголо-татар в прикаспийских степях
в 1230-1235 гг.

Действия отдельных монголо-татарских отрядов

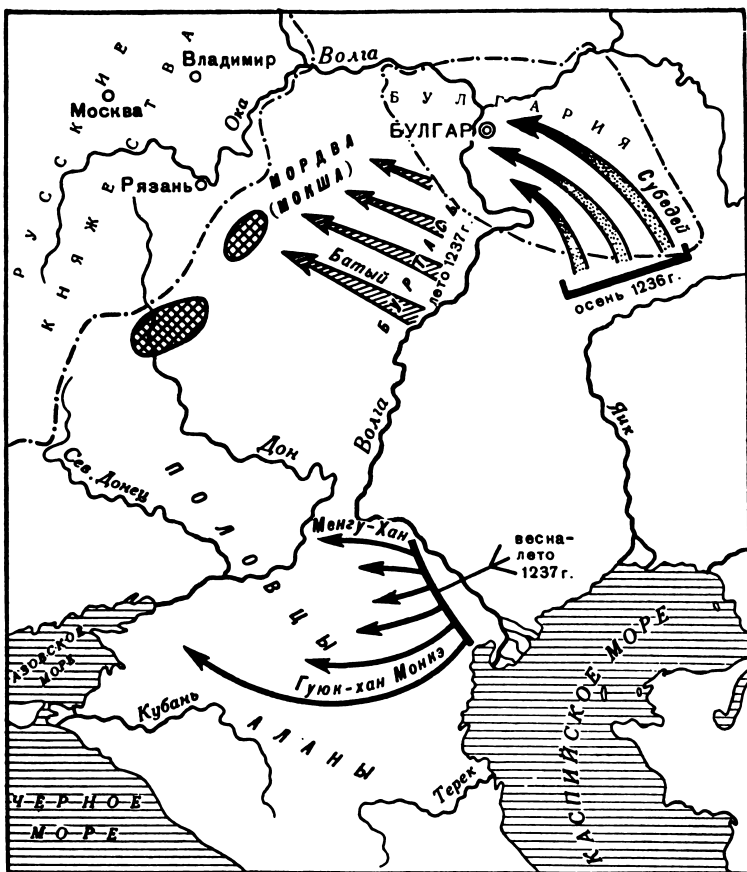
Монголо-татарское наступление на Юго-Восточную Европу
в 1229—1235 гг.

Актая археологами обнаружены многочисленные поселения (13 городищ и 60 селищ), погибшие во время монголо-татарского погрома. Субудай, командовавший войском, вторгнувшимся в Булгарию, не щадил никого.

Весной 1237 г. монгольское войско, закончившее войну в Булгарии, двинулось в прикаспийские степи, где продолжалась война с половцами. Завоеватели перешли Волгу и широким фронтом мелких отрядов, так называемой облавой, прочесали степи (тактика облавы заключалась в том, что какая-либо территория замыкалась кольцом монгольских отрядов, которые, двигаясь затем к центру, уничтожали все живое, попавшее в облаву). На этот раз облава была грандиозной по своим размерам. Левый ее фланг следовал вдоль берега Каспийского моря и далее по степям Северного Кавказа к низовьям Дона, правый двигался севернее, по половецким степям. Здесь воевали отряды Гуюк-хана, Монкэ-хана и Менгу-хана. Война с половцами продолжалась все лето.

В то же время другое многочисленное монгольское войско ханов Батия, Орды, Берке, Бури и Кулькана завоевывало земли на правобережье Средней Волги.

Народы Юго-Восточной Европы — болгары, половцы, аланы, мелкие племена Поволжья — внесли свой вклад в борьбу с монголо-татарскими завоевателями. Монголо-татарскому войску несколько месяцев пришлось потратить на то, чтобы сломить их. И даже тогда, когда, по словам персидского историка Джувейни, «все, что уцелело от меча, преклонило голову», борьба продолжалась. Завоеванные народы поднимали восстания. «Между кипчакскими негодаями, — презрительно писал о непокорных половцах Джувейни, верно служивший монгольским ханам, — оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у них не было постоянного местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день оказывался на новом месте, как говорится в стихе: «Днем на одном месте, ночью на другом», и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою; мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска монгольские не искали следов его, нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невреди-

Условные обозначения

Разгром Волжской Булгарии осенью 1236г.

Монголо-татарская „облава“ в половецких степях весной-летом 1237г.

Завоевание монголо-татарами земель мордвы, мокши и буртасов летом 1237г.

Районы сосредоточения войск Батые для зимнего похода на Русь (осень 1237г.)

Нашествие объединенных сил Монгольского государства на Восточную Европу. Войны с волжскими булгарами, половцами и народами Поволжья (осень 1236 г.— лето 1237 г.)

мым. Так как убежищем ему большей частью служили берега Итиля (Волги), он укрывался и прятался в лесах их, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек пошли облавой по обеим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и кусты свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать его. Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранное и награбленное во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть туда, не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнажилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно скакать на остров. Прежде чем Бачман узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собой множество добра и имущества и решили вернуться. Вода опять заколыхалась, и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его на две части».

Если отбросить бранные эпитеты, которыми наградил «смутьяна» Бачмана официальный историк монгольских ханов Джувейни, то в «смуте и беспорядках», которые «умножались», и в «зле», которое «от него усиливалось», можно без труда увидеть достаточно сильное и массовое народное движение против завоевателей. Для того чтобы справиться с Бачманом и его «удальцами», монголам пришлось построить флот из 200 больших судов, на каждом из которых было по 100 «вооруженных монголов», то есть всего 20 тысяч воинов! А в походе против Бачмана участвовали два высокородных хана, сыновья самого Чингиза — Менгу и Бучек.

Выступление против завоевателей произошло и в

Волжской Булгарии. Как сообщил Рашид-ад-Дин, во время монголо-татарского нашествия на эту страну в 1236 г. «тамошние вожди Баян и Джику» (видимо, правители отдельных областей) «изъявили покорность», но, когда были отпущены обратно в свои земли, «опять возмутились». В Волжскую Булгарию для усмирения был вторично послан Субудай.

Героическое сопротивление народов Нижнего и Среднего Поволжья задержало завоевателей. Только глубокой осенью 1237 г. монгольские ханы смогли сосредоточить свои полчища у границ Северо-Восточной Руси.

ЗАЧЕМ ЕЗДИЛ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ ДОМИНИКАНЕЦ ЮЛИАН?

О тревожной обстановке как раз накануне монголо-татарского нашествия на Русь, о первых походах завоевателей и о борьбе против них народов много интересного сообщил венгерский монах Юлиан, который дважды, в 1235—1236 гг. и в 1237—1238 гг., совершил путешествия в Восточную Европу.

Официальной целью этих продолжительных и опасных путешествий были поиски венгров-язычников, предков современных венгров, проживавших в Приуралье, для проповеди среди них христианства. Однако гораздо более вероятно, что это была не миссионерская поездка, а глубокая стратегическая разведка, предпринятая папским престолом для ознакомления с положением дел в Восточной Европе накануне нашествия Батыя. Недаром рассказ о первом путешествии Юлиана был записан в Риме и в нем так тщательно фиксировались все сведения о монголо-татарах.

Юлиан и его спутники побывали в землях Алании, в Нижнем Поволжье, в Приуралье (на реке Белой), во Владимиро-Суздальской и Южной Руси.

Первый рассказ Юлиана, записанный в Риме неким «братом Рихардом», начинается с описания трудного пути на восток. Четверо «братьев-проповедников» во главе с Юлианом, «сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру язычников», через Дунайскую Болгарию добрались до Константинополя. «Выйдя там в море, они через 33 дня прибыли в страну,

что зовется Сихия (на Таманский полуостров.— *В. К.*), в город, именуемый Матрика, где вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые в знак знатности оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову». Монахи «там сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков», а затем двинулись через северокавказские степи на восток, и «в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов».

Следующей страной, которую посетили Юлиан и его спутники, была Алалия, занимавшая степи и предгорья Северного Кавказа. У аланов еще в IX—X вв. складывались феодальные отношения, образовался сильный союз племен, который в XII столетии превратился в государство во главе с царями — «багатарами». Аланы перешли к земледелию, знали греческую письменность. Все это было разрушено монголо-татарами, опустошившими Алалию в 1222 г., по дороге из Закавказья в половецкие степи. Юлиан застал в Алалии полный разлад, междоусобные войны, отсутствие единства — тяжкие последствия монголо-татарского погрома. Вот как он описывал состояние Алалии в середине 30-х годов XIII в.

«Сколько там селений, столько и вождей, ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поля, вместе также и жнут; и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все и при оружии. И всю неделю не могут они никоим образом в малом числе выйти из своих селений зачем бы то ни было без личной опасности, за исключением единственного воскресного дня с утра до вечера; этот день так у них чтится, что тогда всякий, сколько бы зла он ни сделал и сколько бы противников ни имел, в безопасности может, не вооруженный или даже в оружии, ходить даже среди тех, у кого родителей убил или кому причинил иной вред...»

Алалия, недавно пережившая ужасы монгольского нашествия, снова была в тревожном ожидании — монголы были на Волге. Юлиан и его спутники «не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые

по слухам были близко», и, «упорно оставаясь в той стране, жили там в величайшей нужде шесть месяцев, не имея в то время ни хлеба, ни питья, кроме воды. Один брат, священник, делал ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса и этим только могли поддержать себя в крайней скудости. Поэтому решили они продать двоих из своего числа, чтобы на полученную плату другие могли завершить начатое путешествие, но они не нашли покупателей, так как те не умели ни пахать, ни молотить. Поэтому в силу необходимости двое из них воротились из тех краев в Венгрию, а другие остались там, не желая отказаться от начатого путешествия».

Наконец, «имея попутчиками каких-то язычников», двое оставшихся монахов «снова пустились в путь и непрерывно шли по безлюдной пустыне 37 дней, в течение которых питались 22 хлебцами, испеченными в золе, такими маленькими, что могли бы все их съесть в пять дней, и то бы не насытились». В довершение ко всему «язычники, спутники их, думавшие, что у них есть деньги, чуть не убили их, доискиваясь». С большим трудом, «без всякой дороги и тропы», монахи дошли до «страны сарацинов» (видимо, волжских саксин.— В. К.). Один из них был серьезно болен и вскоре умер. Юлиан, «оставшись один и не зная, как ему идти дальше, сделался слугой одного сарацинского священника с женой, который собирался в Великую Булгарию».

Так Юлиан добрался до Волжской Булгарии, которая находилась поблизости от земель, где, по его сведениям, жили венгры-язычники.

О Волжской Булгарии Юлиан рассказал очень кратко: «Великая Булгария — великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там — язычники. В одном большом городе той области, из которого выходят, по слухам, пятьдесят тысяч бойцов, брат (т. е. Юлиан.— В. К.) нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, которую он искал». Эта женщина «указала брату пути, по которым надо идти, утверждая, что через дведневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет».

Далее следует рассказ о венграх-язычниках; найденных Юлианом. «Нашел он их близ большой реки Ак-Идель (т. е. Белой). Язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их. Они, язычники, не имеют

никакого понятия о божестве, но почитают идолов и живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних, они знают, что те (т. е. живущие в Венгрии. — В. К.) венгры произошли от них, но не знают, где они».

Здесь в рассказе монаха Юлиана появляются первые сведения о монголо-татарах. «Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники».

«В этой стране венгров сказанный брат (Юлиан) нашел татар и посла татарского вожды, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский языки и сказал, что татарское войско, находившееся тогда по соседству, в пятидневках оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались другого, которое послали для разгрома персов».

Обратный путь в Венгрию Юлиан описал очень кратко. «Венгры указали ему другую дорогу, по которой он бы мог быстрее добраться. Начал же брат обратный путь за три дня до праздника св. Иоанна Крестителя (20 июня 1236 г.) и, путешествуя то по воде, то по суше, на второй день рождества вступил в ворота Венгрии, а по Руси и Польше ехал верхом».

Сведения, принесенные доминиканским монахом Юлианом, видимо, настолько заинтересовали папскую канцелярию в Риме, что тому вскоре было дано новое «послушание» — опять «идти в Великую Венгрию с братьями, данными в спутники». Однако на этот раз Юлиан до Приуралья не дошел — монгольское нашествие уже началось. В «преданном послании» епископу Перуджи, «легату апостольского престола» в Венгрии, Юлиан оправдывался: «Мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и болгары, и множество царств совершенно разгромлено татарами».

Юлиан мог и не оправдываться за незавершенное путешествие: сведения, собранные им о монголо-татарах, были настолько ценными, что наверняка удовлетворили

папского легата — ни в одном из современных Юлиану сочинений нет ничего подобного!

Юлиан писал, что монгольский хан, «считая себя сильнее всех на свете, стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов (половцев), он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходили наши венгры, и на пятнадцатый год войны завладели ими, как сообщили нам словесно сами язычники-венгры. Завладев ими и обратившись к западу, татары в течение одного года или немного большего срока завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Булгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов. Кроме того, они нападали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов (видимо, имеются в виду различные народы Поволжья — *В. К.*). Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил». Эта часть послания Юлиана, записанная, как видно, с чужих слов, содержит весьма приблизительное описание начала монголо-татарского нашествия на Восточную Европу. Но когда Юлиан перешел к описанию событий на Руси и поблизости от ее границ, его рассказ приобрел почти документальную точность.

«Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Итиль (Волги) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в восточном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских».

Юлиан писал о войске татар, об его вооружении и тактике. Эти сведения вполне соответствовали тем данным, которые содержались, к примеру, в сочинении Пла-

но Карпини и других современников монголо-татарских завоеваний. «Скажу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они (татары) дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, которых погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцать и более, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика: если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее... Далее говорят, что женщины их воинственны, как они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность... На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок. О численности всего их войска не пишу вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве».

Правда, в конце письма Юлиан все-таки пытался определить численность монголо-татарского войска, но, ви-

димо, сам сомневался в полученных сведениях и оговаривался: «Татары утверждают, будто», «говорят» (без указания, кто именно). «Татары утверждают, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в состоянии противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю». Юлиан, очевидно, значительно преувеличил численность монгольского войска.

Чрезвычайно интересные сведения сообщил Юлиан о дипломатической подготовке монгольскими ханами нашествия на запад. Здесь венгерский монах рассказывал, как непосредственный участник событий, и не верить ему нет оснований.

«Князь Суздальский передал словесно через меня королю Венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, как говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому монгольский хан отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем Суздальским, а письмо, посланное королю Венгерскому, он у них взял. Самих послов даже я видел со спутниками, мне данными. Вышесказанное письмо, данное мне князем Суздальским, я привез королю Венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочитать его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию (Половецкую степь), нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король Венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем не шлешь? Знаю, что ты король богатый и могущественный и много под тобой воинов, один ты правишь великим королевством. От того-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я, сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством (имеются

в виду половцы, часть которых после вторжения монголо-татар в причерноморские степи откочевала в Венгрию и была принята на службу венгерским королем Белой IV. — В. К.). Посему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города; как же тебе избежать руки моей?»

Сведения, собранные Юлианом о состоянии Восточной Европы накануне зимнего похода хана Батые на Северо-Восточную Русь, отличались точностью и достаточной полнотой. Это неудивительно: венгерский монах писал эту часть своего письма на основании личных наблюдений или рассказов очевидцев. Однако, когда он пытался выяснить вопрос о происхождении монголо-татар или восстановить историю образования Монгольского государства, сведения становятся самыми фантастическими. Впрочем, и другие европейцы знали о грозных завоевателях не больше, чем венгерский монах. В «Большой хронике» Матвея Парижского, к примеру, записано, что официальные послы, прибывшие в 1238 г. к «царю франков», «сообщали и по правде рассказывали, что от Северных гор устремился и занял пространные и богатые земли Востока, опустошил великую Венгрию и направил со страшными посольствами угрожающие письма какой-то народ чудовищный и бесчеловечный. От этого жители Готии и Фризии, боясь их набегов, не отправились, по обыкновению своему, в Англию и Гернемус во время ловли селетки, какой нагружали свои суда». В анонимном продолжении «Истории царства Французского» писалось о панике, которая охватила Западную Европу при слухах о приближении неведомых завоевателей: «Франция и все другие земли были напуганы известиями о татарах. Много бежало людей из Венгрии и областей Алемании. Из-за боязни татар много осталось во Франции нераспроданных товаров».

Но пока в Западной Европе гадали, откуда пришли полчища кочевых завоевателей, кто они и до какого предела намерены дойти в своем опустошительном нашествии, Русь встретила первый, самый страшный их удар. Как это неоднократно бывало и раньше, Русь грудью заслонила завоевателям путь в страны Западной Европы.

ПЕРЕД УДАРОМ

«О светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многими красотами преисполненная: озерами многими, реками и источниками, месточестными горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты наполнена, земля Русская!.. Отсюда до венгров и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов и от ятвягов до литвы, от немцев до корел, от корел до Устюга, где были тоймичи язычники, и за дышущее море (Ледовитый океан), от моря до болгар (камских), от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы, — то все покорено было христианскому языку, великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болот на свет не вылезала, и венгры укрепляли каменные города железными воротами, чтобы на них великий Владимир не наехал, а немцы радовались, будучи далече за синим морем...» — с гордостью писал неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» о Руси накануне монголо-татарского нашествия.

Но не все в порядке было на Руси. Приключилась «в эти дни болезнь христианам». Этой болезнью, беспокоившей автора «Слова о погибели Русской земли», была феодальная раздробленность.

Могучее древнерусское государство — Киевская Русь, в течение нескольких столетий отражавшее наступление кочевых орд, окончательно распалось в 30-х гг. XII столетия на отдельные феодальные княжества. По образным словам академика Б. А. Рыбакова, «для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранившей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII веку выросли настолько, что могли начать самостоятельную жизнь».

Феодальная раздробленность не была периодом упад-

ка страны и каким-то шагом назад в историческом развитии Руси. Она обеспечила дальнейшее политическое, экономическое и культурное развитие русских земель.

Утверждение в местных феодальных центрах своих княжеских династий, которое прекратило бесконечные перемещения князей с их дружинами из города в город, из княжества в княжество, было положительным явлением. Ведь даже простые «отъезды» князей, не говоря уже о феодальных войнах, создавали в стране обстановку общей неустойчивости, нарушали нормальную жизнь, вызывали обострение классовых противоречий. В период же феодальной раздробленности князья, прочно осевшие в своих «отчинах», старались в какой-то мере регулировать приборы, чтобы оставить наследникам свои владения в приличном состоянии. Успешнее развивалось и боярское хозяйство, избавленное от разорительных наездов представителей великокняжеской администрации — данщиков и вирников.

Внутри больших земель-княжений во второй половине XII — начале XIII века уже наблюдалась тенденция к усилению великокняжеской власти, подготавливавшая объединение страны на новой, более прочной основе. Эту тенденцию нелегко проследить в неразберихе княжеских междоусобных войн, боярских заговоров и кровавых столкновений князей с собственным боярством, периодических «отпочкований» мелких и мельчайших уделов, где сидела строптивая «меньшая братия» владимирских, черниговских, смоленских, полоцких, галицко-волинских князей, но условия, способствовавшие политическому объединению страны, уже складывались. Постепенно создавались крупные экономические районы (примерно соответствовавшие по своей территории отдельным землям-княжениям), нарушалась замкнутость натурального хозяйства и устанавливались экономические связи города с деревней, усиливались социальные элементы, поддерживавшие великокняжескую власть (служилые феодалы и торгово-ремесленная верхушка городов).

Успешно развивалось сельское хозяйство, составлявшее основу экономики феодальной Руси. Повсеместное распространение получило пашенное земледелие, вытеснявшее подсечное даже в отдаленных северо-восточных районах. Осваивались новые земли в Поволжье и на Русском Севере. С введением трехполья и удобрения поч-

вы навозом повысилась урожайность. В сельском хозяйстве стало массовым применение железных орудий, которые в большом количестве изготавливали городские ремесленники. По археологическим данным известно более 40 видов железного сельскохозяйственного инвентаря того времени. С применением более совершенных орудий росла производительность труда в земледелии. Этому способствовало и распространение натуральной ренты, которая давала крестьянскому хозяйству большую самостоятельность и повышала заинтересованность крестьян в результатах своего труда.

Период экономического подъема переживали и города. В XIII в. их насчитывалось около 300. Археологические раскопки древнерусских городов свидетельствуют о высоком искусстве русских ремесленников, о наличии многочисленных ремесленных специальностей (их было около 60), о значительных масштабах ремесленного производства. Изделия русских ремесленников — кузнецов, оружейников, ювелиров — славились далеко за пределами Руси и вывозились в страны Центральной и Западной Европы. В городах появлялись корпоративные организации купцов и ремесленников, характерные для средневековья. Они выступали за свои сословные права, отстаивали городские «вольности» от притязаний феодалов. Могучие в экономическом и политическом отношении города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Смоленск и некоторые другие) уже стояли на пути превращения в свободные города-коммуны, сыгравшие такую большую роль в истории западноевропейского средневековья.

Развивалась и русская культура. Кроме Киева возникали новые культурные центры в различных областях страны. Во Владимире, Галиче, Чернигове, Новгороде и многих других городах Руси развивалась культура, отличавшаяся местными особенностями и своеобразием. В условиях феодальной раздробленности русская культура в своей основе оставалась единой: культуры различных княжеств выросли из богатейшего культурного наследия Киевской Руси, были объединены общностью исторических судеб и социально-экономической структуры русских княжеств, единством материальной основы феодального общества. Широко развернулось каменное строительство: местные князья, обособившись от Киева, старались украсить свои столицы роскошными построй-

ками. Многие шедевры древнерусской архитектуры, до наших дней вызывающие восхищение, созданы в это время: строгие церкви Великого Новгорода, белокаменные соборы Владимиро-Суздальского княжества, украшенные искусной резьбой, роскошные дворцы Галицко-Волынской земли... Распространялась грамотность. Для городского населения Древней Руси грамотный человек не был редкостью. О том свидетельствуют найденные археологами многочисленные берестяные грамоты, а также надписи на ремесленных изделиях и граффити (резные надписи) на стенах храмов.

Автор «Слова о погибели Русской земли» имел все основания воскликнуть с гордостью: «Всем ты наполнена, земля Русская!»

Тем не менее феодальная раздробленность имела и отрицательные черты. Что касается ее связи с будущим поражением Руси от монголо-татарских завоевателей, то трагедия Руси заключалась в том, что прогрессивные процессы, проходившие во второй половине XII — первой половине XIII века, еще не завершились ко времени нашествия Батые. Перед лицом внешнего врага решающую роль сыграла военная слабость страны, обусловленная феодальной раздробленностью: монголо-татарские полчища встретило не объединенное русское войско, а дружины и ополчения отдельных городов и княжеств. Монгольское же раннефеодальное государство еще не дошло до этапа феодальной раздробленности, сохраняло единую военную организацию, обеспечивавшую ему перевес над феодальными военными силами соседних стран.

Русские княжества имели первоклассное по тем временам войско. Городские ремесленники производили много разнообразного оружия. Как и в годы войны с половцами и печенегами, основным оружием русского дружинника XIII столетия оставался прямой обоюдоострый меч, однако форма его несколько изменилась: меч стал короче, легче, удобнее в бою, а заостренный конец давал возможность не только рубить, но и колоть врага. Известна была на Руси и изогнутая сабля, но широкого распространения в русском войске она не получила. Саблями были в основном вооружены отряды вспомогательной легкой конницы из «служебных» кочевников — торков, берендеев, печенегов. Как и в предыдущие столетия, основным оружием русского дружинника оставалось

копье с железным наконечником на длинном прочном древке. Удар конницы, вооруженной такими копьями и на полном скаку врезавшейся во вражеский строй, был сокрушительным. Русские воины использовали в бою и метательные копья — короткие и легкие сулицы, которые бросали во врагов непосредственно перед рукопашной схваткой. У многих воинов были также луки: бой обычно начинался с перестрелки. По словам летописца, воины «пускали множество стрел, так что и неба не было видно», стрелы «шли, как дождь».

Защитное вооружение русского дружинника состояло из высокого, плавно вытянутого кверху шлема и кольчужных доспехов — брони. Применение тяжелых боевых доспехов — брони — было массовым. Даже такой, далеко не перворазрядный князь, как Юрий Владимирович Белозерский, мог, по словам летописца, выставить «тысячу бронников», то есть дружинников, одетых в кольчуги. Защитное вооружение дополнялось овальными или миндалевидными щитами с металлическими бляхами. Щиты были обычно красного цвета, «червлеными».

Русские дружинники являлись профессиональными воинами, опытными и умелыми, привычными к нелегкой, полной опасностей военной жизни, всегда готовыми к походам и битвам, прекрасно вооруженными. Однако княжеские дружины были немногочисленными. Они состояли из нескольких сот или, в редких случаях, тысяч воинов. Уже прошло то время, когда великие киевские князья могли выводить в походы на Византию или собирать для обороны степной границы войско в десятки тысяч воинов. Для периода феодальной раздробленности было характерно уменьшение численности войска. Походы, для участия в которых удавалось собрать объединенные рати многих княжеств численностью 40—50 тысяч воинов, были редкостью, происходили при особо благоприятных условиях. Собрать такое объединенное войско накануне нашествия Батыя князья не сумели.

При оценке военных сил Руси следует помнить, что даже княжеские дружины, отличавшиеся превосходными боевыми качествами, в силу феодального характера войска были мало пригодны к действию большими массами, под единым командованием и по единому плану. Князь считался главой войска своего княжества, но отдельные полки, состоявшие обычно из дружин подручных князей

и бояр, знали в первую очередь своего предводителя и не всегда считались с распоряжениями князя. Действовал обычный для средневековья принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал!» Еще большие трудности встречало руководство объединенными силами нескольких княжеств, не говоря уже о том, что такое войско было чрезвычайно трудно собрать из-за междоусобных распрей. Даже во время совместных походов между князьями нередко возникали разногласия, полная несогласованность действий, нежелание прийти на помощь соседу, попавшему в трудное положение, и все это несмотря на обычные перед походами клятвы быть «сердцем единым»! В результате феодальный характер войска даже в случае концентрации значительных по численности военных сил мешал одержать возможную победу. Так было, например, в битве на реке Калке, когда русские дружины не могли добиться успеха, хотя и не уступали в численности противнику.

При недостаточной численности княжеских и боярских дружин только привлечение еще и народного ополчения могло остановить продвижение крупных сил внешнего врага. Но если княжеские дружины по боевой выучке и вооружению превосходили монгольскую конницу, то основной, наиболее многочисленной части русского войска — городских и сельских ополченцев — этого сказать нельзя. Прежде всего ополченцы уступали кочевникам в качестве вооружения. Самым распространенным оружием смердов-ополченцев были простые хозяйственные топоры, охотничьи рогатины, реже копья. Случалось, смерды выходили на битву с кольями и палками — киями. Мечи и доспехи у ополченцев встречались чрезвычайно редко. Спешно набранное из крестьян и горожан ополчение, безусловно, уступало воинам-кочевникам, для которых война была привычным бытом, и в умение владеть оружием, особенно луками.

Феодальная раздробленность наложила определенный отпечаток и на характер оборонительных мероприятий Руси. В условиях единого Древнерусского государства основные усилия были направлены на организацию обороны степной границы в масштабах всей страны. По единому плану тогда строились вдоль пограничных рек укрепленные линии, возводились цепи пограничных крепостей с сильными гарнизонами. В случае опасности к

степной границе в стратегически выгодном пункте собирались рати многих городов, чтобы нанести удар кочевникам. Вся эта веками складывавшаяся система обороны страны ко времени нашествия монголо-татар оказалась нарушенной: общегосударственные мероприятия по обороне южной границы были уже не под силу отдельным князьям.

В условиях «войны всех против всех», свойственной феодальной раздробленности, на смену единой системе обороны страны пришла оборона каждого княжества в отдельности, причем задачи отпора внешнему врагу были далеко не главными. Соответственно строились и укрепления в княжествах. Так, со стороны степей Рязанское княжество прикрывали только укрепления Пронска и выдвинутого далеко на юг Воронежа. А вот с севера, со стороны Владимиро-Суздальского княжества, рязанские земли имели целую цепь сильных крепостей. Выход из Москвы-реки в Оку прикрывала Коломна, несколько выше по Оке стояла рязанская крепость Ростиславль, ниже по течению Оки — Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск. Западнее, на реке Осетре, был воздвигнут Зарайск, восточнее и северо-восточнее Рязани — Ижеславец и Исады.

Укрепления русских городов были в основном предназначены для противодействия соседу во время феодальных войн, которые обычно велись небольшими княжескими дружинами. Городские укрепления состояли из небольшого по площади детинца — места жительства князя, его бояр и дружинников, и обширного посада, опоясанного линией земляных валов с деревянными стенами и башнями. При сооружении крепостей широко использовались высокие обрывистые берега рек, склоны холмов, овраги, болота.

Феодальному характеру войн соответствовала тактика осады и обороны городов. Если неожиданным налетом город взять не удавалось и внутри него не оказывалось сторонников, которые могли бы открыть городские ворота, то начиналась осада, рассчитанная чаще всего на измор осажденных. Нападавшие старались отрезать город от внешнего мира, отнять воду, предупредить возможность вылазок защитников города. Для этого город иногда окружался забором (тыном, острогом), за которым прятались осаждающие. В княжеских войсках обычно

не было осадных машин, с помощью которых можно было бы разрушить валы и стены, преодолеть укрепления. Поэтому, если в городе было достаточно воды и продовольствия, осада часто оказывалась безуспешной. Иногда удавалось поджечь деревянные стены или вызвать пожар внутри города. Это делалось руками лазутчиков или тайных сторонников среди осажденных.

Ко времени монголо-татарского нашествия русские города не имели опыта борьбы с активной осадой. Использование большого количества осадных машин — пороков, неизвестных русским воинам, дало еще одно преимущество монголо-татарским завоевателям. К тому же большинство древнерусских городов имело немногочисленное население. Только наиболее крупные из них (Новгород, Владимир, Киев) насчитывали по 20—30 тысяч жителей и могли в случае серьезной опасности выставить по 3—5 тысяч воинов. Ростов, Суздаль, Рязань, Переяславль, Чернигов были еще меньше, а численность населения большинства других русских городов редко превышала тысячу человек. Если вспомнить, как монголы ранее успешно штурмовали крупные азиатские города, обнесенные каменными стенами, имевшие множество метательных машин и гарнизоны, состоявшие из десятков тысяч воинов, то можно представить, насколько тяжелой оказалась героическая борьба русских городов против полчищ Батыя.

Опасность была грозной. Монголо-татарские полчища неотвратимо приближались к русским рубежам. Но на Руси даже накануне нашествия не делалось каких-либо попыток объединить военные силы для отпора врагу. Русских феодалов Калка мало чему научила, они мало сделали для организации обороны, хотя знали о готовящемся вторжении.

Сведения о первом после Калки появлении монгольской конницы на рубежах Юго-Восточной Европы дошли до Руси из Волжской Булгарии. Знали на Руси и о военных действиях у болгарских границ, когда в 1232 г. монголо-татары зимовали в прикаспийских степях, не пробившись к болгарским городам. В 1236 г. все русские летописцы сообщили о разгроме монголо-татарами Волжской Булгарии. Владимирский великий князь Юрий Всеволодович хорошо знал о готовящемся нашествии: именно в его владения направился основной поток беженцев

из разгромленного завоевателями Поволжья. Булгары массами приходили тогда во Владимиро-Суздальское княжество и просили убежища. Владимирский князь «вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». О завоевательных планах монгольских ханов Юрию Всеволодовичу было известно от ордынских послов, неоднократно проезжавших через русские земли на запад. Знали на Руси и о месте сосредоточения монголо-татарских орд для похода на Северо-Восточную Русь: о том, где собирались войска Батые осенью 1237 г., венгерскому монаху Юлиану «передавали словесно сами русские». Даже если допустить, что наступление монголо-татар именно зимой было определенной тактической внезапностью для русских князей, привыкших к осенним набегам половцев, то о стратегической внезапности не могло быть и речи. После разгрома Волжской Булгарии и появления в русских землях беженцев из Поволжья многие лица советовали князю владимирскому Юрию Всеволодовичу «города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татары придут на землю его, но он, надеясь на силу свою, яко и прежде, оное презрел».

В результате каждое русское княжество встретилось с полчищами хана Батыя один на один.

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

О начале нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь русские летописцы, а также восточные и западные источники сообщали очень кратко. Персидский историк Рашид-ад-Дин записал, что потомки Чингиз-хана — Бату, Орда, Берке, Кадан, Менгу, Гуюк, Бури, Кулькан — в 1237 г. закончили войну с народами Среднего Поволжья и «осенью упомянутого года пошли войной на русских». Венгерский монах Юлиан свидетельствовал, что монголо-татары собрались «близ замка Воронеж» и ждали только зимы, чтобы обрушиться на Русь. Русский летописец добавлял, что монголо-татары до вторжения «зимовали под Черным лесом и оттуда пришли безвестно на Рязанскую землю лесом».

«Черный лес» находился где-то в пойме реки Воронеж или в междуречье Воронежа и Дона. Сюда стека-

лись отряды завоевателей, закончившие войну на юге с половцами и аланами. Отсюда и «на зиму пришли от восточные стороны на Рязанскую землю лесом безбожные татары с царем Батыем и, прийдя, стали сначала на Онузе (точное местоположение Онузы неизвестно; видимо, это где-то в среднем течении рек Лесной Воронеж и Польный Воронеж. — В. К.) и послали послов своих, женщину чародеицу (колдунью) и двух мужчин с нею, к князьям Рязанским, прося у них десятину (десятую часть) во всем: в князьях, и в людях, и в конях».

Видимо, от «замка Воронеж» монголо-татарское войско шло вдоль края лесов, протянувшихся в пойме реки Воронеж. По этому пути, прикрытому лесами от рязанских сторожевых застав на правом берегу реки, завоеватели могли безвестно подойти к Онузе, к широкому проходу в массиве лесов в среднем течении реки Лесной Воронеж, через который монгольская конница затем вырвалась на просторы Рязанского княжества. О дальнейших событиях рассказывается в «Повести о разорении Рязани Батыем».

«И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о приходе безбожного царя Батыя, и вскоре послал в город Владимир к великому князю Георгию (Юрию) Всеволодовичу Владимирскому, прося помощи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пришел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский сам не пришел и на помощь не послал, хотя сам отдельно биться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и послал за братьями своими, за князем Давидом Ингоровичем Муромским, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за прочими князьями. И начали совещаться, как нечестивого (Батыя) умиловить дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и молением великим, чтобы не воевал Рязанскую землю. И князь Федор Юрьевич пришел на реку Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и просил царя, чтобы не воевал Рязанскую землю. Безбожный царь Батый принял дары и лживо обещал не воевать Рязанскую землю».

Свое обещание хан Батый не выполнил. Рязанское

посольство было перебито. Монгольская кнница вырвалась на просторы Рязанской земли.

Вести о нашествии степных завоевателей пронеслись по селам и деревням. Тронулась с насиженных мест земля Рязанская. Мужики, подхватив топоры и рогатины, стекались в укрепленные города — становиться под княжеские знамена, биться с супостатами. Бабы с ребятишками схоронились в землянках по глухим оврагам, пробирались без дорог к Мещерской стороне, в непролазные леса. Привычно это было для пограничной Рязанской земли, куда раньше бессчетное множество раз врывались степные половецкие всадники, рассыпались по равнине и находили пустые деревни: ни пограбить, ни полон взять. Даже собак уводили с собой рязанцы в леса, даже кошек уносили в лукошках. Кошку потом первую пускали через порог в новую избу, срубленную на месте сгоревшей, — для счастья, для домовитости. Собаку привязывали у тесового, пахнущего свежим лесом крылечка. Пусть лает, пусть все знают, что хозяин жив, что хозяин вернулся! Только неходячие старики оставались порой в пустых деревнях и сидели — седые, негнущиеся, в белых смертных рубахах — у околицы, смотрели бесстрашными глазами на чужих всадников...

Перед страшной силой орд Батыя рязанцы не дрогнули, не заперлись в городах, а решили выйти в поле, навстречу врагу. Узнав о гибели своего посольства, князь Юрий Рязанский «начал собирать воинство свое» и обратился к остальным князьям: «Лучше нам умереть, чем в поганой воле быть!» Объединенное войско рязанских князей двинулось к степной границе.

Шли окольчуженные княжеские дружины, шли боярские отряды, шло городское ополчение, колыхаясь черным лесом копий, а позади всех с топорами и рогатинами, а то и просто с кольями, валила земская крестьянская рать, смерды пахари. И в походе, и в пиру они всегда позади, но в битве не раз случалось — ставили воеводы смердов впереди дружинников, ждали, пока увязнут в мужицких телах вражеские всадники, приустанут супротивники, и только тогда бросали в сечу конные дружины добывать победу и славу.

Шло русское войско, а из оврагов, из перелесков то и дело выбегали смерды, пристраивались к большому

полку. Все рязанцы грудью встали на защиту родной земли.

Рязанскому князю Юрию Ингоровичу не удалось довести свое войско до укрепленных рубежей на степной границе. Монгольская конница встретила его «близ пределов Рязанских». По словам современника, «начали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Многие полки сильные пали Батыевы. А Батиева сила была велика, один рязанец бился с тысячею, а два — с тьмою (десятью тысячами. — *В. К.*)... Все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанскому. И едва одолели их сильные полки татарские». Полегли в неравной сече, задавленные неисчислимым множеством врагов, «многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую смертную чашу испили. Ни один из них не возвратился вспять: все вместе мертвые лежали...» Князю Юрию Ингоровичу удалось спастись. С немногими уцелевшими воинами он ускакал в Рязань, организовывать оборону своей столицы.

А монгольская конница тем временем устремилась в глубь Рязанской земли, к богатым пронским городам. «И начали воевать Рязанскую землю, и велел Батый бить и жечь и сечь без милости. И град Пронск, и град Белгород, и Ижеславец разорил до основания, и всех людей побили без милости. И текла кровь христианская, как река сильная», — так описал автор «Повести о разорении Рязани Батыем» этот этап нашествия.

Разорив пронские города, монголо-татарское войско двинулось по льду реки Прони к столице княжества городу Рязани.

Старая Рязань стояла на высоком правом берегу Оки, ниже устья Прони, недалеко от нынешнего Спасска. С трех сторон город окружали мощные земляные валы и рвы. С четвертой стороны к Оке обрывался крутой речной берег. Валы старой Рязани достигали высоты 9—10 м (при ширине у основания 23—24 м), рвы перед ними имели до 8 м глубины. На валах были установлены деревянные стены из плотно приставленных друг к другу бревенчатых срубов, заполненных утрамбованной землей, камнями, глиной. Такие стены отличались большой прочностью.

16 декабря 1237 г. монголо-татарские полчища «обсту-

пили град Рязань и острогом огородили». Войска семи ханов, потомков Чингиза, сошлись под ее стенами. Никогда еще не видела Рязанская земля такого великого множества чужих всадников, многотысячных табунов степных коней, стольких осадных орудий на бревенчатых полозьях! Отряды монгольских лучников, прикрываясь обшитыми бычьей кожей щитами, подбирались под самые стены и поражали защитников города длинными стрелами. Непрерывно действовали камнеметные машины. Тяжелые камни крушили стены и ворота города. Тысячи монголо-татарских воинов остервенело лезли вверх по штурмовым лестницам и падали, пораженные камнями и стрелами, ослепленные золой и песком. Их сменяли новые толпы.

Монгольские военачальники применили при осаде Рязани тактику, не раз испытанную при взятии китайских и среднеазиатских городов: они штурмовали город беспрерывно, днем и ночью, чтобы измотать осажденных перед решительным приступом. Пять дней рязанцы отражали натиск врага, неся тяжелые потери. «Батыево войско сменялось, а горожане бились непрерывно, — писал современник монгольского нашествия. — И многих горожан побили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли...»

На шестой день осады начался решительный приступ. Батый двинул на город все свои силы. Монгольские воины бросились к стенам с горящими факелами, с топорами, с множеством длинных штурмовых лестниц. Уцелевшие защитники Рязани отчаянно отбивались, но натиска сдержать не смогли. 21 декабря монголо-татарские всадники ворвались в город, окутанный дымом пожаров, поскакали по улицам, убивая всех без разбора: мужчин, женщин, стариков, детей. В жестокой битве на улицах города погиб и князь Юрий Рязанский.

Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» нарисовал страшную картину расправы завоевателей с рязанцами: монгольские воины «пришли в церковь соборную и великую княгиню Аграпену, мать великого князя, с снохами и с прочими княгинями мечами иссекли, и епископа и священников предали огню, в святой церкви сожгли, а иные многие пали от оружия. А в городе многих людей, и женщин, и детей, мечами иссекли. И иных в реке потопили, и весь город сожгли, и все богатство

рязанское взяли. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отцу и матери о детях, ни брату о брате, ни ближнему о родственниках, но все вместе мертвые лежали». На месте богатого и многолюдного города остались обгорелые развалины, похоронившие под собой множество погибших рязанцев.

Археологические раскопки на городище Старой Рязани полностью подтвердили сообщения письменных источников об ужасной участи Рязани. Раскопки показали картину страшного разорения города. Почти всю территорию рязанского городища покрывал слой пепла. В восточной части города археологи обнаружили кладбище жертв монголо-татарского погрома. Многие погребения носили следы насильственной смерти: черепа пробиты стрелами, на костях видны следы ударов саблями, в позвоночнике одного из скелетов застряла ромбовидная татарская стрела. В различных местах города археологами найдены клады, спрятанные жителями перед лицом грозящей опасности.

Десять дней простояли завоеватели на разоренной Рязанской земле, грабили окрестные села, делили добычу. 1 января 1238 г. они двинулись по льду Оки на север, к Коломне, оставив позади себя «только дым и пепел». Казалось, что на месте Рязанского княжества не осталось ничего живого. Но это было не так. С тыла на завоевателей неожиданно напало свежее русское войско. Это пришел на помощь землякам богатырь Евпатий Коловрат, находившийся во время осады Рязани в Чернигове. Вот что рассказывает о подвиге Евпатия и его удальцов «Повесть о разорении Рязани Батыем».

«В то же самое время некто из вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, был в Чернигове с князем Ингорем Ингоровичем и услышал приход на русскую землю зловерного царя Батия, пошел из Чернигова с малой дружиной, и гнал быстро, и приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшей, города разорены, церкви и дома сожжены, а люди побиты, а иные сожжены, а иные в воде потоплены. Евпатий же, видя это, распалился сердцем: был он очень храбр. И собрал немного воинов, всего 1700 человек, которые уцелели вне города. И погнался за безбожным царем Батием, чтобы отомстить за кровь

христианскую. И догнали его в земле суздальской, и внезапно напали на станы на Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались полки татарские. Татары же стали как пьяные или безумные. Воины Евпатия били их так нещадно, что и мечи их притупились, и взяв татарские мечи, секли их, татарские полки проезжая. Татары же думали, что мертвые восстали, и сам Батый боялся. И едва поймали от полка Евпатия пять человек воинов, изнемогших от великих ран. И привели их к Батыю. Он же спросил их: «Какой вы веры и какой земли, что мне зло творите?» Они ответили: «Веры христианской, а воины мы великого князя Юрия Ингоровича Рязанского, а полка Евпатия Коловрата. Посланы мы тебя, царя сильного, почтить и честно проводить!» Царь же удивился ответу их и мудрости. И послал на Евпатия шурина своего Хозтоврула, и с ним многие полки татарские. Хозтоврул похвалился царю Батыю Евпатия Коловрата руками живого взять и к нему привести. И сошлись полки. Евпатий наехал на Хозтоврула-богатыря и рассек его мечом надвое до седла; и начал сечь силу татарскую, и многих богатырей и татар побил, одних надвое рассекая, а иных до седла. И известили Батия. Он же, слышав сие, горевал о шурине своем и повелел навести на Евпатия множество пороков, и начали бить пороки по нему, и едва сумели убить так крепко-рукого и дерзкого сердцем и лвояростного Евпатия. И принесли его мертвого к царю Батыю. Батый же, увидев его, удивился с князьями своими храбрости его и мужеству. И повелел тело его отдать оставшейся дружине его, которая в том бою была пленена. И повелел их отпустить...» А князья татарские сказали Батыю: «Мы со многими царями во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Сии люди крылаты и не имеют смерти, так крепко и мужественно бьются, один с тысячей, а два с тьмой. Ни один из них не может уйти живым с поля боя». А сам Батый говорил: «О, Евпатий Коловрат! Многих сильных богатырей моей орды побил ты, и многие полки пали. Если бы у меня такой служил — держал бы я его против сердца своего!»

Евпатий Коловрат погиб в неравной сече, но тысячи других народных героев были готовы грудью встретить нашествие полчищ Батия.

Когда монголо-татары приблизились к границам Владимирского княжества, великий князь Юрий Всеволодович, не откликнувшийся на призыв рязанских князей совместно выступить против Батыя, сам оказался перед лицом грозной опасности. Думается, что нельзя объяснить его отказ помочь Рязани только желанием «биться особо», как писал летописец. Быстрое продвижение монголо-татарских полчищ оказалось для него неожиданностью, и времени для подготовки войска в помощь Рязани оставалось мало. Определенную роль сыграла, видимо, и вероломная политика монголо-татарских ханов: Батый накануне вторжения в Рязанское княжество направил во Владимир посольство с предложением мира. Сказалась и давняя вражда между владимирскими и рязанскими князьями. Однако Юрий Всеволодович, не доверяя хану, постарался использовать переговоры для отсрочки нападения на свое княжество, что было крайне необходимо для сбора войска. Получив первые известия о вторжении завоевателей, Владимирское княжество стало собирать военные силы для отпора, и мужественное сопротивление рязанцев помогло выиграть время для этого. К моменту появления туменов Батыя на рубежах Владимиро-Суздальской земли великий князь сумел сосредоточить на возможном пути продвижения завоевателей довольно сильное войско.

Местом сбора великокняжеских полков стал город Коломна. Это место было выбрано не случайно. Прямое пути от Рязани к Владимиру не было. Глухие, почти безлюдные леса к северу от Оки, по обе стороны реки Пры, являлись недоступной преградой для больших масс вражеской конницы, двигавшейся с обозами и тяжелыми осадными орудиями. Единственный удобный зимний путь к столице Владимирского княжества лежал по льду Москвы-реки и дальше по реке Клязьме. Этот путь запирала Коломна, расположенная у впадения в Оку Москвы-реки.

В середине XIII столетия город Коломна представлял собой довольно сильную крепость. В случае неудачного исхода сражения в поле можно было надеяться отсидеться за его крепкими стенами. Видимо, и это принималось во внимание при выборе Коломны местом сбора великокняжеского войска.

Войска, вставшие у Коломны в январе 1238 г., были

весьма многочисленными. Юрий Всеволодович послал сюда все, что успел собрать. Пришли владимирские полки во главе со старшим сыном великого князя Всеволодом Юрьевичем. К городу стянулись остатки рязанских дружин, отряды из Пронска, Москвы и других городов Руси. Некоторые летописцы сообщали, что в Коломну прибыли даже новгородцы (возможно, речь шла о нижегородской дружине). По сути дела, это была объединенная рать значительной части Северо-Восточной Руси.

Русское войско расположилось лагерем под Коломной, за надолбами. Впереди стоял сторожевой отряд воеводы Еремея Глебовича. Недолгим было ожидание: конница Батыея, быстро преодолев расстояние от Рязани, обрушилась на русский стан. Под Коломну пришли те же орды монгольских ханов, которые ранее осаждали Рязань.

Сражение было упорным. Русские полки, по словам летописца, «бились крепко, и была сеча великая». Одному из чингизидов, хану Кулькану, по сообщению Рашид-ад-Дина, «была нанесена рана, и он умер». При монгольских обычаях ведения боя, когда даже сотники и тысячники руководили войсками, находясь позади боевых линий, гибель высокородного хана была возможна только в большом сражении, сопровождавшемся нарушением монгольского строя и глубокими прорывами противника. Однако в конечном итоге бой закончился поражением русского войска. Монголо-татары, воспользовавшись численным превосходством, окружили сражавшиеся русские полки и погнали их к надолбам. В сече погиб воевода Еремей Глебович. Князь Всеволод Юрьевич с малой дружиной сумел пробиться через кольцо врагов и лесными тропами бежал во Владимир. Попытка сдержать монголо-татарских завоевателей у границ Владимирского княжества оказалась безуспешной. Путь в глубь Северо-Восточной Руси был открыт.

По льду Москвы-реки монголо-татарское войско двинулось на север, к Москве. В то время это был небольшой городок, обнесенный деревянными стенами. Его обороняли с небольшим войском сын великого князя Владимир Юрьевич и воевода Нянка. Несмотря на явное неравенство сил, москвичи оказали сопротивление врагу. Монголо-татары захватили Москву штурмом, «воеводу Филиппа Нянка убили, а князя Владимира взяли руками,

а людей избили от старца до младенца, а город и церкви предали огню, и монастыри все и села пожгли».

Затем завоеватели направились к Владимиру, столице Северо-Восточной Руси. Видимо, они прошли по льду Москвы-реки до водораздела между ней и Клязьмой, а преодолев его, продолжили свой путь по льду Клязьмы на восток. Движение по льду рек было характерной особенностью этого зимнего похода хана Батия.

МОНГОЛЬСКАЯ ОБЛАВА

Продвижение монголо-татарского войска от Рязани до Владимира (расстояние между ними по пути Батия составляло примерно 300 км) продолжалось больше месяца. Главные силы Батия, с обозами и осадными машинами, проходили в день немногим больше 10 км. Такое сравнительно медленное продвижение завоевателей нельзя объяснить только трудностями зимнего похода. Монголо-татарам приходилось брать штурмом каждый город и обороняться от внезапных нападений из засад. Героическое сопротивление русских людей — вот что задерживало продвижение завоевателей. Однако остановить их не удавалось. Полчища Батия медленно, но неудержимо приближались к столице Северо-Восточной Руси.

4 февраля 1238 года хан Батий подошел к Владимиру. Этот город, окруженный высокими деревянными стенами и укрепленный мощными каменными башнями, был сильной крепостью. С трех сторон его прикрывали реки: с юга — Клязьма, с севера и востока — Лыбедь, с обрывистыми берегами и оврагами. Чтобы прорваться к центру города, противнику нужно было преодолеть три оборонительные линии: валы и стены Нового города, затем Среднего, или Мономахова, города и наконец каменные стены владимирского кремля-детинца, сложенного из монументальных туфовых плит. Укрепления детинца дополнялись каменной надвратной башней с церковью Иоакима и Анны.

Самое мощное оборонительное сооружение столицы — Золотые ворота, перед которыми были бессильны осадные орудия того времени, высились над западной стеной Владимира, где перед городом расстилалось ровное поле и не было естественных препятствий. Владимир-

ские Золотые ворота представляли собой высокую башню с толстыми каменными стенами, с многочисленными бойницами, под которой в глубоком проеме, недоступные для таранов и камнеметных орудий, прятались створки городских ворот. Оборонительные линии Владимира дополняли многочисленные каменные церкви и монастыри, которые в случае необходимости могли стать узлами сопротивления.

Князь Всеволод Юрьевич, прибежавший сюда с малой дружиной, принес горькое известие о поражении великокняжеского войска под Коломной и о гибели многих воинов. Новые дружины еще не собрались, а ожидать их прибытия в столицу не было времени: монголо-татары приближались. На княжеском совете, обсуждавшем меры по обороне княжества, мнения разделились. Показательно, что здесь не было и речи о том, чтобы великий князь остался в городе и возглавил защитников Владимира; воеводы считали, что Юрий Всеволодович должен прежде всего позаботиться о сборе ратных сил.

Поэтому «многие разумные советовали княгиню и все имение и утвари церковные вывезти в лесные места, а в городе оставить только военных для обороны». Другие возражали, что в этом случае защитники «оборонять город прилежно не будут», и предлагали «оставить в городе с княгиней и молодыми князьями войска довольно, а князю со всеми полками, собравшись, стать недалеко от города в крепком месте, дабы татары, ведая войско вблизи, не смели города добывать». Так описывал русский историк В. Н. Татищев великокняжеский совет во Владимире.

Великий князь избрал третий путь, отличный от тех, которые ему советовали: он, по словам летописца, «уехал на Волгу с племянниками своими — с Васильком, с Всеволодом и с Владимиром, и стал на реке Сити станом, ожидая к себе братьев своих Ярослава и Святослава с полками, и начал князь Юрий собирать полки против татар». Главным было собрать войско, способное нанести ответный удар завоевателям, а собрать его можно было только в безопасном, достаточно удаленном от полчищ хана Батыя, месте.

Однако город Владимир теперь мог надеяться только на собственные силы. После отъезда великого князя оборона города была возложена на его сыновей Всеволода

и Мстислава; при них, как это обычно делалось на Руси, великий князь оставил старого опытного воеводу Петра Ослядаковича, который фактически и руководил обороной столицы.

Вся тяжесть борьбы против сильного и опытного в осаде городов врага легла на немногочисленные дружины сыновей великого князя и в основном на посадское население и крестьян, собиравшихся из окрестных сел и деревень под защиту крепостных стен. Все владимирцы, от мала до велика, взяли в руки оружие.

Монголо-татарское войско приблизилось к Владимиру с запада. Боя на подступах к городу не произошло: перевес вражеских сил был слишком очевиден, и осторожный воевода удержал своих удалцов за городскими стенами. Небольшой отряд монгольской конницы подскочил к Золотым воротам. Монголы кричали владимирцам, стоявшим на стенах и башнях: «Где князя рязанские, ваш град и князь ваш великий Юрий? Не рукой ли нашей взят и смерти предан?» На предложение сдаться владимирцы ответили градом стрел. Встретив отпор, полки Батыя разбили лагерь на поле перед Золотыми воротами. Осада столицы Владимирского княжества началась.

Пока главные силы хана Батыя готовились к штурму хорошо укрепленного города, подтаскивая к стенам метательные орудия и тараны, многочисленный отряд монгольской конницы двинулся по льду Клязьмы и Нерли к древнему Суздалью.

Здесь завоеватели не встретили сильного сопротивления. Войска в городе было немного, а морозы сделали бесполезными ограждавшие суздальскую крепость водные преграды — реку Каменку и глубокий ров, заполняемый летом водой. Завоеватели беспрепятственно подошли к стенам. Суздаль был взят с ходу и сожжен. Уже через день отряд завоевателей вернулся к Владимиру.

6 февраля монголо-татарское войско стало готовиться к штурму. «В субботу мясопустную, — сообщал летописец, — начали татары пороки ставить от утра до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города Владимира». Выйти из города уже никто не мог. В тот же день начался обстрел из тяжелых метательных машин. Многопудовые камни разрушали стены и башни Владимира. Через городские стены полетели горшки с горючими ве-

ществами, вызывая многочисленные пожары. Особенно пострадал Новый город, примыкавший к западной стене, — на него обрушился главный удар врага. Для устраниения защитников монголо-татары проводили под стенами тысячи пленных, нещадно избивая их плетьюми. Но владимирцы держались, отбивая приступы врага.

Рано утром 7 февраля начался общий штурм Владимира. Враги подступили к городу со всех сторон, одновременно штурмовали и стены посада, и детинец над Клязьмой, и валы Среднего города, но главный удар они по-прежнему наносили с запада, со стороны Нового города, где стены не были прикрыты естественными рубежами. Именно с этой стороны было легко подвезти к городу многочисленные тараны и камнеметные орудия — пороки.

Каменная твердыня Золотых ворот оставалась неприступной, но деревянные стены долго не выдержали. Рухнула стена южнее Золотых ворот, против церкви Спаса. Почти одновременно были пробиты стены еще в нескольких местах: у Ирининых ворот, у Медяных ворот, у Волжских ворот. Крепостные рвы монголо-татары еще раньше заполнили до краев вязанками хвороста, сырыми бревнами, глыбами земли. Как по ровному месту побежали толпы врагов по этим завалам — примётам — к городским стенам, остервенело полезли в проломы. Владимирцы изнемогали в неравной борьбе.

Монголо-татары штурмовали проломы в конном строю. Монгольские кони скользили на окровавленных скалах вала, проваливались копытами в щели между бревнами, падали, подминая под себя всадников. А по их головам и спинам, по расщепленным бревнам, по расколотым щитам и опрокинутым котлам со смолой, спотыкаясь о трупы, скользя в лужах стынувшей крови, сталкиваясь в давке наконечниками копий, визжа и воя, карабкались в проломы новые монгольские тысячи.

Перебив защитников, монголо-татары перевалили вал и с победными криками, подняв кривые сабли, понеслись по горящим улицам Нового города. Но бой продолжался. Владимирские ратники, уцелевшие в сече на стенах, собирались на перекрестках улиц, рубились в узких проходах, между глухими частоколами, в тесноте дворов, сбивали врагов стрелами из окон. Тогда монголы начали поджигать дома. Защитники Владимира погибали в ог-

не, но не сдавались врагу. Только немногие из них сумели пробиться к валам Среднего, или Мономахова, города. Преследуя их, в Средний город ворвались монголо-татары.

Осада и штурм монголо-татарскими завоевателями города Владимира, столицы Северо-Восточной Руси (февраль 1238 г.)

По-видимому, большого боя на внутренних валах не было: большинство владимирцев погибло, обороняя Новый город. С ходу были прорваны монголо-татарами и каменные стены владимирского детинца, последнего оплота защитников столицы. Княжеская семья, множество

бояр и народа укрылись в белокаменном Успенском соборе. Окруженные со всех сторон врагами, они отказались сдаться на милость победителей и погибли в огне: монголо-татары обложили храм деревом и подожгли. Гибель находившихся в нем людей — последний эпизод героической обороны.

Упорное сопротивление Владимира нанесло завоевателям большой урон. О кровопролитной и продолжительной борьбе на стенах и улицах этого города было известно далеко за пределами Руси.

После взятия столицы Северо-Восточной Руси Батый разделил свое войско на несколько частей. Монгольские военачальники решили пройти отдельными ратями по всем основным речным и торговым путям и разрушить города, которые были центрами сопротивления и опорой русской ратной силы. Они надеялись, что страна, лишенная крепостей и значительной части своего войска, станет беззащитной и покорится победителям.

Кроме того, хан Батый учитывал, что на севере, в заволжских лесах, продолжал собирать войско великий князь Юрий Всеволодович. Планируя дальнейшие походы, хан хотел отрезать великокняжеский воинский стан на реке Сити от северо-западных и западных земель Руси (откуда могло подойти подкрепление), а затем окружить и уничтожить последние владимирские полки.

Выполняя замысел хана, монголо-татарские отряды двинулись от сожженного Владимира в трех направлениях: на север — к Ростову и далее к великокняжескому лагерю на реке Сити (приток Мологи), на восток — к Волге и на северо-запад — к Твери и Торжку.

Везде, где проходили полчища монголо-татарских завоевателей, русские земли подвергались опустошению. Монголо-татары штурмовали и разрушали города, находившиеся на их пути. Пылали деревни по Нерли и Которосли, Колокше и Пекше, по Яхроме, Ламе и Шоше. Люди уходили в леса, чтобы спастись от жестокого и коварного врага. Дым сожженных городов и деревень клубился над русской землей.

Самое многочисленное монголо-татарское войско шло на север: разгром великокняжеского стана хан Батый считал своей главной задачей. Захватив Ростов, монгольская рать, возглавляемая Бурундаем, направилась к Уг-

личу. Через этот город лежала кратчайшая дорога к Сити.

Другой монгольский отряд от Ростова пошел к Ярославлю и Костроме, отрезав великокняжескому войску пути отхода по Волге. Под ударом оказались богатые волжские города. Никаких подробностей разгрома завоевателями Ярославля, Костромы и других волжских городов летописцы не сообщили. Однако археологические раскопки показали, что Ярославль был сильно разрушен и долго не мог оправиться: слои посломонгольского времени очень бедны находками.

Монголо-татарское войско, двигавшееся от Владимира на восток, к Средней Волге, прошло по льду реки Клязьмы до Стародуба. Здесь завоевателям не удалось пожить: местный князь Иван Стародубский заблаговременно отправил за Волгу, в леса, свою семью и все имущество. Примеру князя последовали и другие жители города. Поэтому, не задерживаясь в Стародубе, монголо-татары напрямик, через леса, вышли к Городцу, стоявшему на левом берегу Волги. Отсюда они двинулись вверх по великой реке и, по словам летописца, «все города попленили». Отдельные отряды монгольской конницы заходили далеко на север и северо-восток, появлялись у Галича-Мерьского и даже у Вологды.

На пути третьего монголо-татарского войска, двигавшегося от Владимира в северо-западном направлении, стоял Переяславль-Залесский, сильная крепость, расположенная на кратчайшей водной дороге из бассейна Клязьмы к Новгороду. Оборонительные валы Переяславля достигали высоты 10—16 метров и по своей величине уступали только укреплениям стольного Владимира. На валах высились двойные деревянные стены с 12 башнями. С севера Переяславль-Залесский прикрывала река Трубеж, а с других сторон — глубокий ров, заполненный водой. Преодолеть эти укрепления было нелегко, и переяславцы пять дней отбивали приступы врага. Только после того как город был подожжен с разных сторон и огонь сделал невозможной дальнейшую оборону, завоеватели ворвались в Переяславль. Все защитники Переяславля погибли. Только огромное пожарище осталось на месте города. Затем отряды завоевателей пошли на север по льду Плещеева озера, чтобы перерезать Волжский путь. Где-то в районе города Кснятина, тоже разо-

ренного во время Батыева погрома, монголо-татары вышли на Волгу и двинулись вверх по ней к Твери. Другие отряды повернули к Юрьеву и «города многие попленили: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь».

В результате февральских походов 1238 г. монголо-татарами были разрушены русские города на огромной территории — от Средней Волги до Твери. «И не было места, ни волости, ни сел таких редко, где бы не воевали на Суздальской земле, и взяли градов 14, кроме сел и погостов, в один месяц февраль», — отметил летописец. Вот эти «четырнадцать градов», разоренных завоевателями в феврале 1238 г.: Ростов, Ярославль, Городец, Галич-Мерьский, Переяславль-Залесский, Торжок, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский, Тверь, Кострома, Углич, Кашин, Кснятин. К началу марта монголо-татары широким фронтом вышли на рубеж Верхней Волги. Великий князь Юрий Всеволодович, собиравший полки в стане на Сити, оказался в непосредственной близости от монгольских авангардов. На него уже шло от Углича большое войско полководца Бурундая.

Берега Сити неслучайно были выбраны Юрием Всеволодовичем как место военного лагеря. Дремучие леса прикрывали лагерь от наступления монголо-татарской конницы, которой в зимнее время было трудно двигаться по лесным дорогам. Великий князь надеялся отсидеться здесь, пока к нему на помощь не придут войска из других городов и княжеств, еще не опустошенных монголо-татарскими завоевателями. Подкрепления ожидалось в первую очередь из многолюдного Новгорода. Туда от Сити вела сухопутная дорога, прикрытая лесами от монгольских авангардов. Кроме того, по льду Мологи проходили проторенные санные пути: с юга — от Волги, с севера — от Белоозера. Эти пути тоже были важны в военном отношении, так как по ним могло прибыть подкрепление из богатых приволжских и северных городов, а в случае необходимости они служили бы для отступления в труднодоступные северные области.

Великий князь с Сити разослал гонцов по соседним городам и землям, но князья не торопились на помощь своему «брату старейшему», которого сами совсем недавно признали в «в отца место». К тому же дружины отдельных городов и княжеств, выступившие было на помощь великому князю, из-за быстрого продвижения монголо-

татарской конницы вынуждены были пробираться к Сити окольными путями и не успели к началу битвы. Так случилось, например, с дружиной князя Ивана Стародубского. Сильные новгородские полки вообще не пришли. «И ждал Юрий Всеволодович брата своего Ярослава, и не было его», — печально замечал летописец. Правда, на Сить пришла дружина юрьевского князя Святослава Всеволодовича. Однако большого войска собрать не удалось.

Конница Бурундая подошла к великокняжескому лагерю в начале марта 1238 г. Чтобы предупредить неожиданное нападение, навстречу монголо-татарам был послан с трехтысячным сторожевым отрядом воевода Дорож (Дорофей Федорович). Во главе же всего войска стоял старый, опытный владимирский воевода Жирислав Михайлович, который начал спешно готовить полки к бою. Но сторожевая служба в войске на Сити была организована плохо и не известила своевременно о приближении врага. Отряд Дорожа встретил монголо-татарскую конницу уже в непосредственной близости от лагеря и был разбит. Сам воевода приекал к великому князю с тревожным известием: конница Бурундая уже окружала стан.

Неожиданное нападение было особенно опасно для русского войска потому, что на Сити не было крупных населенных пунктов и дружины пришлось разместить по отдельным деревням, так что для того, чтобы собрать их вместе, требовалось много времени. А времени-то как раз было в обрез. Как только, по словам летописца, «начал князь полки ставить около себя», тотчас же «внезапно татары приспели, князь же не успел ничего».

Русское войско все же мужественно встретило натиск Бурундая. Началась «сеча злая», в которой пали многие русские ратники. Но немало полегло и монголо-татар, прежде чем великокняжеские полки, задавленные вражеской конной массой, стали отступать. Монгольская конница преследовала их до устья Сити. В битве погиб и великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Это случилось 4 марта 1238 г.

Несмотря на поражение русского войска, сражение на Сити занимает важное место в героической борьбе Руси против нашествия Батыя. Монголо-татары понесли значительный урон. Но не только в этом значение битвы

на Сити. Батыю пришлось выделить и послать далеко на север, в сторону от основных центров Руси, большие силы. В результате войско завоевателей, двигавшееся на северо-запад, к Твери и Торжку, к новгородским рубежам, было ослаблено. Может быть, именно это обстоятельство было причиной того, что отряды Батыя, осаждавшие Торжок, надолго задержались у стен этого небольшого города. Время для наступления на Новгород Великий и на другие города Северо-Западной Руси было упущено.

Древний город Торжок, крепость на южных рубежах Новгородской земли, запирал кратчайший путь из Низовской земли (так называли новгородцы Владимиро-Суздальскую Русь) к «Господину Великому Новгороду» по реке Тверце. Выдержавший за свою историю множество осад и приступов, Торжок имел сильные укрепления. Высота земляного вала, окружавшего город, достигала 13 м. С трех сторон крепость прикрывала река Тверца, а с четвертой — глубокий ров, превращавший город в настоящий остров. Правда, в зимнее время это важное преимущество утрачивалось, но все-таки Торжок был серьезным препятствием для завоевателей. Под его стенами решалась судьба Новгорода. Приближалась весна, оттепели и распутица должны были вскоре надежно преградить монголо-татарам дорогу на север. И как ни торопился Батый с походом на Новгород, а под Торжком ему пришлось основательно задержаться.

Монголо-татарские рати «оступили Торжок» 22 февраля 1238 г.

Сюда сошлись отряды Батыя, громившие до этого Переяславль-Залесский, Кснятин, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский, Тверь. Однако взять с ходу этот небольшой городок им не удалось. Защитники Торжка отбили первые приступы монголо-татар.

Вся тяжесть борьбы против сильного и опасного врага легла на плечи посадского населения: в городе тогда не оказалось ни князя, ни княжеской дружины. Летописи сохранили до наших дней имена горожан, руководивших героической обороной Торжка: Иванко, «посадник Новоторжский», Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич. Все они погибли в неравной борьбе.

Встретив отпор, Батый вынужден был перейти к плановой осаде. Монголо-татары «отынили тыном» весь

Монголо-татарские походы в феврале 1238 г.

город, подвезли метательные орудия. К Торжку стягивались другие отряды завоевателей, грабившие села и деревни по Верхней Волге. Две недели отбивался Торжок. Две недели, сменяя друг друга, подступали к его дере-

вянным стенам толпы врагов, и «били пороки две недели». Пробираясь через плотное кольцо осаждавших город врагов, спешили гонцы с просьбой о помощи в Новгород, где имелось многочисленное войско, уже успевшее подготовиться к войне. Однако новгородские бояре предпочитали отсиживаться за лесными чащобами, надеясь на близкую распутицу. Героические защитники Торжка были предоставлены самим себе.

После двухнедельной осады «изнемогли люди в граде». Некому было защищать стены, пробитые пороками. 5 марта враг ворвался в Торжок. Страшной была месть завоевателей: они не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков и «посекли всех». Немногие оставшиеся в живых защитники Торжка пробивались на север, по направлению к Новгороду. А за ними, заканчивает летописец рассказ об обороне Торжка, «гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнача-креста и все секли людей, как траву, и только не дошли 100 верст до Новгорода».

Это был крайний рубеж продвижения завоевателей на север. От Игнача-креста монголо-татарский отряд повернул обратно. Это вполне объяснимо и вызвано не чудом, как утверждал церковный летописец: сравнительно небольшому конному войску, выделенному Батыем для преследования, было явно не под силу штурмовать многолюдный и хорошо укрепленный Новгород. Эту задачу могли выполнить только объединенные силы завоевателей, а поблизости от новгородских рубежей их в начале марта не было. Приближалась весна с оттепелями и распутицей. И от похода на Новгород хану Батю пришлось отказаться.

Вскоре после битвы на Сити монголо-татарские ханы и полководцы собрались на совет. Предстояло решить вопрос: куда дальше идти их войску? Новгород, надежно прикрытый лесами и болотами, весной непроходимыми, был пока недосыгаем. Другие северные города, немногочисленные и расположенные вдали от удобных дорог, не сулили богатой добычи. Монголо-татарское войско устало, ослабло в непрерывных битвах, осадах и стычках. Военный совет принял решение об отступлении на юг. Однако, уходя в степи, завоеватели еще раз подвергли страшному опустошению страну, сопротивление которой было ослаблено разрушением укрепленных городов

и гибелью войска. Как сообщил персидский историк Рашид-ад-Дин, монголо-татары решили «идти туменами облавой и всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять».

В конце марта или в начале апреля 1238 г. монголо-татарская облава двинулась от Верхней Волги на юг. Если в феврале завоеватели прошли по Северо-Восточной Руси несколькими большими ратями по речным и торговым путям, разрушая города, то теперь они двинулись широким фронтом мелких отрядов. Основной удар был направлен в этот раз на сельские местности, на беззащитные села и деревни. Из края в край, от Костромы до Торжка, поднялось дымное зарево, медленно сдвигаясь на юг за монгольской облавой. Стонала земля под ударами сотен тысяч конских копыт. Следом за вражеским войском под конвоем конных воинов шли многотысячные толпы пленных, тянулись бесконечные обозы с награбленным добром. Такого страшного погрома еще не знала Русская земля!

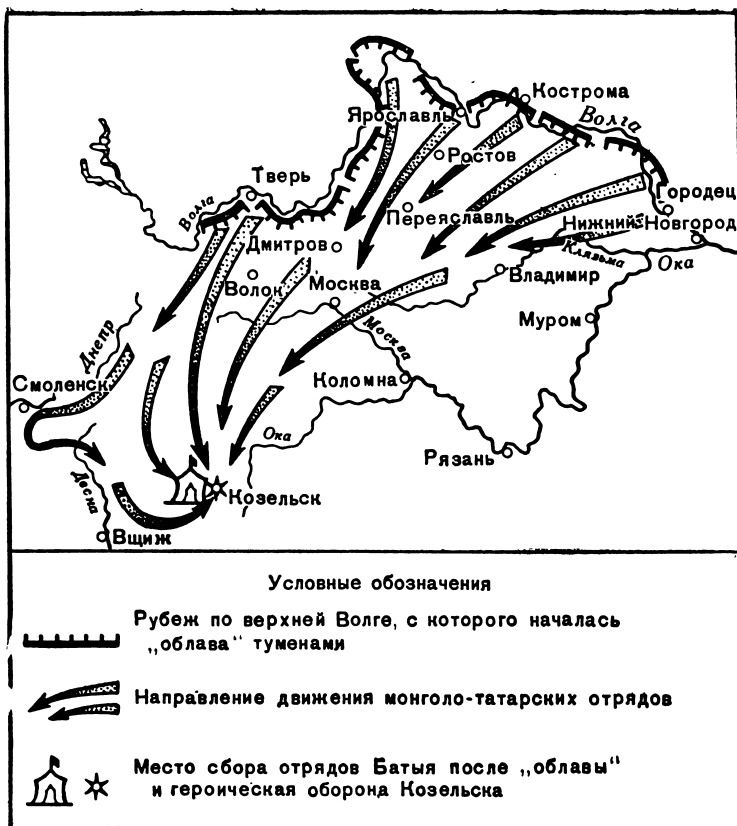
Но не сложили оружия русские люди. Смерды подстерегали монголо-татарские разъезды, нападали на обозы, вырубали сторожевые заставы захватчиков тяжелыми крестьянскими топорами. Таяло войско Батыя. Еще грознее и неприветливее казались степнякам хмурые мартовские леса. Монгольские воеводы торопились увести свои поредевшие тумены в степи.

При отступлении в степи завоеватели опустошили огромную территорию. Восточный край облавы проходил от Волги вдоль Клязьмы и Средней Оки, западный — от Торжка к Десне. Отдельные отряды завоевателей появлялись даже в окрестностях Смоленска. Но здесь их постигла неудача. Началась оттепель, болота вокруг города подталяли, хрупкий весенний лед ломался под копытами коней, а единственную дорогу к городу через болота преградило смоленское войско. После жестокой битвы на подступах к городу монголо-татарам пришлось отступить и повернуть от Смоленска на юго-восток, к Десне. Судя по археологическим данным, завоеватели разгромили русские города на Верхней Десне. Так, во Вщиже, одном из удельных городов в этом районе, был обнаружен мощный слой пепла, след большого пожара, который по находкам различных вещей удалось датировать 30-ми годами XIII столетия. С Верхней Десны монголо-татарские

завоеватели повернули на восток, к Козельску. Сюда же шли их отряды и из других мест. Видимо, Козельск был конечным пунктом облавы, где собирались рати Батыея перед отходом в степи.

Козельск представлял собой тогда сравнительно небольшой городок, и завоеватели не рассчитывали встретить здесь сильное сопротивление. Но «крепкодушные» козельцы «совет сотворили не сдаваться Батыю» и стали готовить город к обороне. Первые приступы монголо-татар были отбиты. Хан Батый вынужден был перейти к осаде города, которая затянулась. Только когда наконец подоспели с Волги многочисленные тумены ханов Када-на и Бури, а под стены были подведены тяжелые каменетные машины, начался решительный штурм Козельска. Два дня продолжался обстрел города из метательных орудий. На третий день, пополудни, были пробиты деревянные стены. Толпы врагов устремились к проломам. На развалинах стен, в тесноте проломов козельцы встретили врага с ножами в руках. Монголо-татарам не удалось ворваться в город: козельцы выстояли и, больше того, сделав вылазку, сами ворвались во вражеский лагерь, захватили часть осадных орудий и изрезали ремни на пороках. Множество монголо-татар было перебито во время этой смелой вылазки. Но силы были слишком неравными. После того как улеглась паника, свежие монгольские «тысячи» со всех сторон обрушились на козельцев. А когда враги снова подступили к городским стенам, защищать их было уже некому. Монголо-татары проникли в город и устроили страшную резню. Все жители Козельска были безжалостно перебиты, погиб и козельский князь Василий. Летописец сообщил о его смерти так: «Иные говорят, что в крови утонул, потому что был млад».

Победа недешево досталась хану Батыю. Во время вылазки осажденных было убито 4 тысячи монголо-татарских воинов, в том числе «три сына темников», которых после битвы «татары искали и не нашли во множестве трупов мертвых». Батый назвал Козельск «Град Злой», столь поразили его мужественное сопротивление жителей этого города и большие потери, понесенные монголо-татарским войском при осаде. Героическая оборона Козельска, продолжавшаяся, по свидетельству русского летописца, «семь недель», приобрела широкую извест-

Опустошение земель Северо-Восточной Руси монгольской «облавой» (весна 1238 г.)

ность. О ней знал и Рашид-ад-Дин, который писал: «Батый пришел к городу Козельску и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им. Потом пришли Кадан и Бури и взяли его в три дня».

Нелегким оказался для Батыя зимний поход в Северо-Восточную Русь. А впереди были новые и новые бои. Народы Восточной Европы не склонили голову перед завоевателями. Не покорились половцы, оттесненные ранее за реку Дон. С юга на монгольские заставы нападали аланы и черкесы, отступавшие под их ударами в предгорья Северного Кавказа и снова появлявшиеся в

степях. Скапливались в волжских протоках вооруженные болгарские отряды, готовясь к восстанию. Еще грозили нерастраченной силой города на северной и западной окраинах Руси: Новгород, Полоцк, Смоленск. На юге, за рекой Днепром, собирала рати и крепила городские стены Южная Русь. Высились на границах половецких степей твердыни Чернигова и Переяславля-Южного. Не отдых, а новые тяжелые битвы ожидали монголо-татарское войско в половецких степях!

ЮЖНАЯ РУСЬ В ОГНЕ

К лету 1238 г. монголо-татары отошли в половецкие степи. Основные кочевья хана Батыя расположились между Северским Донцом и Доном. Вскоре же после прихода монголо-татарского войска в половецкие степи здесь снова начались военные действия.

Многочисленная рать завоевателей направилась за Кубань, в землю черкесов.

Почти одновременно началась война и с половцами. «Берке отправился в поход на кипчаков (половцев), — сообщал Рашид-ад-Дин, — и взял Аржумака, Куранбаса и Канерина, военачальников Беркута». Огромная половецкая степь стала ареной битвы. Вскоре некогда богатая и многолюдная территория превратилась в пустыню. Итальянец Плано Карпини, проезжавший спустя несколько лет через половецкие степи, видел там только множество костей погибших в боях людей. «В Комании (земле половцев. — *В. К.*), — писал он, — мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». Другой западноевропейский путешественник XIII столетия — француз Рубрук — тоже не видел в опустошенной Половецкой земле ничего, «кроме огромного количества могил команов» (половцев).

Войны 1238 г. на Северном Кавказе и в половецких степях потребовали от завоевателей, и без того ослабленных тяжелым зимним походом на Северо-Восточную Русь, большого напряжения сил. Только в следующем году хан Батый возобновил нападения на русские земли.

Для монголо-татарских походов 1239 г. были характерны стремительные удары по русским городам, стоявшим на краю половецких степей, а преследовали они

цель уничтожения пограничных крепостей, которые могли бы помешать их дальнейшему нашествию на запад.

Весной 1239 г. монголо-татарское войско подступило к Переяславлю-Южному — сильной крепости на рубежах Киевской земли. Ни половцам, ни другим кочевникам ни разу не удавалось взять этот город, «отчину» славного воителя Владимира Мономаха. Высокие валы, крепкие стены, крутые берега рек Трубежа и Альты, с трех сторон окружавших Переяславль, делали его почти неприступным. Но против многочисленных осадных орудий монголо-татарского войска Переяславль не выстоял. Он был «взят копьем» (т. е. штурмом) и страшно разорен. Монголо-татарские орды «людей избили, а город пожгли огнем и, пленных много взяв, отошли»; были сожжены и разорены и другие города и села Переяславского княжества. Разгром, учиненный монголо-татарскими завоевателями, был настолько жестоким, что даже спустя триста лет после нашествия Батыя Переяславль-Южный представлял собой «град без людей». Переяславльский каменный собор лежал в развалинах до середины XVII в. Уцелевшие переяславцы покинули свою землю и переселились в Черниговское княжество.

Следующей жертвой монголо-татар стал Чернигов. Близость к степной границе с ее постоянными военными тревогами и активное участие в междоусобных войнах создали Чернигову известность на Руси как городу, «богатому воинами», «славному мужеством горожан», «крепкому и многолюдному». Монголо-татарское войско встретило здесь сильное сопротивление: укрепления Чернигова, защищаемые храбрым гарнизоном, преодолеть было нелегко. Три оборонительные линии преграждали дорогу завоевателям: на высоком берегу реки Десны стоял детинец, прикрытый с востока речкой Стрижень. Вокруг детинца располагался «окольный град», или острог, укрепленный малым валом. И, наконец, третий вал опоясывал обширное «предгородье».

Осенью 1239 г. монголо-татарское войско подступило к Чернигову «в силе великой» и окружило его со всех сторон. Под стенами города завоевателей встретил «со многими воинствами своими» князь Мстислав Глебович, двоюродный брат князя Михаила Черниговского. «Лютым был бой у Чернигова», — отметил летописец. Черни-

говцы с городских стен обстреливали врагов из метательных орудий огромными камнями, которые были настолько тяжелыми, что их едва могли «четыре человека сильные поднять». Но отогнать врагов от города не удалось. После упорного боя «побежден был Мстислав и множество войска его было убито». Началась осада, а затем и штурм Чернигова. 18 октября «взяли татары Чернигов, и град пожгли, и людей избили, и монастыри пограбили». Археологическими раскопками на территории древнего Чернигова обнаружены следы большого пожара, остатки разрушенных и обгоревших жилищ, многочисленные клады, зарытые горожанами в минуты опасности. На многих улицах города жизнь после монголо-татарского погрома не возобновлялась в течение нескольких столетий.

Разрушив Чернигов, монголо-татарское войско повернуло на восток, к Глухову, и опустошило земли по рекам Десна и Сейм. К северу от Чернигова монгольские отряды, по всей вероятности, не заходили. В городе Любече, расположенном всего в 50 км северо-западнее Чернигова, следов монголо-татарского погрома археологами не обнаружено. Зато многочисленные городки-крепости и села по Десне и Сейму были разрушены до основания (Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и другие). Южные и юго-восточные области Черниговского княжества были опустошены.

Зимой того же года многочисленное войско Гюк-хана, Менгу-хана, Кадана и Бури двинулось в земли мордвы и на Муром. Мордовские племена, завоеванные монголо-татарами перед нашествием на Северо-Восточную Русь, восстали. В ответ завоеватели огнем и мечом прошли по Мордовским землям и сожгли города Муром и Гороховец. Вероятно, во время этого похода был разрушен и Нижний Новгород. Обширная территория до самой Волги была опустошена. «Зимой татары взяли Мордовскую землю, и Муром пожгли, и по Клязьме воевали, и град Гороховец пожгли», — сообщал русский летописец. Попутно монголо-татарская рать подвергла опустошению Рязанскую землю — «приходили татары в Рязань, попленили ее всю».

Кроме того, зимой 1239 г. монголо-татары предприняли поход в Крым, куда бежали разбитые в степях половцы. Подробности этого похода неизвестны. Можно

предположить, что к концу года отряды завоевателей дошли до Сурожа, торгового города на берегу Черного моря. На полях древней книги одного из сурожских монастырей обнаружена запись, сделанная 26 декабря 1239 г.: «В тот же день пришли татары».

В результате походов 1239 г. монголо-татары вплотную подошли к главным центрам Южной Руси. В начале 1240 г. Киев впервые увидел под своими стенами войско монгольского хана Менгу.

Менгу-хан остановился против Киева, на другой стороне Днепра, и, по словам летописца, «удивился красоте его и величине его, прислал послов своих к горожанам, хотя их прельстить, но не послушали его» — вероломство и коварство завоевателей было уже достаточно известно. Менгу-хан не решился со своей ордой штурмовать хорошо укрепленный город и отступил.

Весной 1240 г. большое войско из туменов Гуюк-хана было направлено на юг, к Дербенту.

А осенью 1240 г. хан Батый двинул все свои полчища в новое нашествие на запад. Удар этих полчищ приняла на себя Южная Русь.

Монголо-татарское войско перешло на правый берег Днепра южнее Киева, за рекой Рось. «Царевич Бату с братьями, Бури и Бучек направились походом в страну русских и черных шапок» («черных клобуков». — В. К.), — сообщал Рашид-ад-Дин. «Черные клобуки» прикрывали Киевскую землю с юга, со стороны степей. Об их укрепленные поселения на реке Роси не раз разбивались ранее волны половецких набегов. И на этот раз отряды «черных клобуков» и русские гарнизоны пограничных крепостей на Роси первыми встретили завоевателей. Безмолвные развалины поросских городов-крепостей, погребенные под слоем пепла, свидетельствуют о разгоревшихся здесь кровопролитных боях.

Близ устья Роси, на высокой Княжьей горе, стояла одна из крепостей укрепленной линии. На месте городских улиц и под развалинами жилищ археологами обнаружены на небольшой глубине черепа и скелеты ее убитых защитников. Многочисленные находки оружия — красноречивые свидетельства осады городка: одних наконечников стрел археологами обнаружено около 200! Богатые клады, закопанные жителями при приближении

врага, так и остались в земле. Видимо, их владельцы погибли, унеся в могилу свои секреты. Всего на Княжьей горе найдено более десяти кладов, причем все они лежали на небольшой глубине (что говорит о поспешности, с которой их прятали). Многие вещи носили следы пожара. Гибель крепости была настолько неожиданной и быстрой, что жители бросили в жилищах все свое имущество, начиная от лемехов, плугов и утвари и кончая драгоценностями. Археологи точно установили время военной катастрофы, уничтожившей крепость на Княжьей горе: в слое пожарища найдена византийская монета XIII в. и вислая печать митрополита Кирилла Грека, который жил в Киевской земле незадолго до нашествия Батия.

Отряды «черных клобуков» и немногочисленные русские гарнизоны пограничных крепостей не сумели сдержать натиск завоевателей. Укрепленная линия на Руси была прорвана, и монголо-татары, уничтожая все на своем пути, двинулись по правому берегу Днепра на север, к Киеву. В бассейне рек Руси и Россавы были обнаружены остатки 23 домонгольских городищ и селищ; все они были уничтожены во время монголо-татарского нашествия и более не восстанавливались. Один за другим гибли замки-крепости, прикрывавшие столицу: Витечев, Василев, Белгород. В ноябре 1240 г. передовые отряды хана Батия подошли к стенам Киева.

Древняя столица Руси, расположенная на высоких холмах над Днепром, была хорошо укреплена. Мощный оборонительный пояс вокруг города создавался в течение нескольких столетий, достраивался и совершенствовался. С востока, юга и запада Киев прикрывали наружные валы Ярославова города, достигавшие высоты 12 м. Общая протяженность валов превышала 3,5 км. По оценке советского ученого М. К. Каргера, «валы Ярославова города по своей мощи не имели равных в истории древнерусской фортификации». Над валами высились деревянные стены, усиленные каменными надвратными башнями. Вторым укрепленным рубежом были валы и рвы древнего города Владимира. Наконец, внутри этого города были укрепления вокруг Ярославова двора, которые также могли служить прикрытием для оборонявшихся. Узлами обороны были многочисленные каменные соборы и монастыри, поднимавшиеся над площадями и

улицами. Укрепления Киева не раз выдерживали приступы врагов.

Киевляне готовились к обороне. Но, как и многие города Северо-Восточной Руси, Киев мог надеяться только на собственные силы. Несмотря на непосредственную опасность со стороны монголо-татарских завоевателей, в Южной Руси незаметно было никаких попыток князей объединить силы для отпора врагу. Князь Михаил Всеволодович из Киева бежал «от татар в Угры» (в Венгрию). Новый киевский князь Владимир Рюрикович неожиданно умер, а освободившийся киевский «стол» поспешил захватить один из смоленских князей. Однако его вскоре изгнал из Киева более сильный соперник — Даниил Романович Галицкий. Но и он не остался в Киеве, а поручил оборону города своему воеводе — «тысяцкому Дмитру». Большого войска воевода не получил, и вся тяжесть обороны легла на плечи народных масс: ремесленников и торговых людей посада, крестьян окрестных сел.

«Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, — повествовал летописец о начале осады, — многим множеством силы своей и окружил город, и обступила его сила татарская, и был город в обдержании великом. И был Батый у города, и отроки его обсели город, и ничего не было слышно от скрипенья телег его, рева множества верблюдов его и ржания коней его, и была наполнена Русская земля ратными. Взяли же от них (в плен) татарина именем Товрул, и тот поведал о всей силе их: «Се были братья его (Батыя) сильные, воеводы Урдю и Баидар, Бирюи, Кадан, Бечак, Менгу и Кююк, который возвратился, увидав смерть канову (великого хана), и был каном; не от роду же его (Батыя), но были воеводы его первые Субедяи-богатырь и Бурундаи-богатырь, который взял Болгарскую землю и Суздальскую, и иных без числа воевод». Поставил Батый пороки к городу, возле ворот Лядских. Пороки, непрерывно бьющие день и ночь, выбили стены, и взошли горожане на остаток стены, и тут было копыя ломались, и стрелы омрачили свет, и Дмитрий (тысяцкий) был ранен. Татары взошли на стены и сидели там тот день и ночь. Горожане же построили другой город около (церкви) Богородицы. Утром же пришли на них (татары), и была брань между ними великая...»

Таким образом, в первый день штурма монголо-татары захватили вал Ярославова города, но были настолько ослаблены упорным сопротивлением киевлян, что не сумели развить успех и остановились на валу. За это время защитники Киева подготовили новую линию обороны, и когда монголо-татары на следующий день продолжили наступление, бой разгорелся с новой силой. Киевляне обороняли каждый дом, каждую улицу.

Последним оплотом оборонявшихся была каменная Десятинная церковь. За ее крепкими стенами собрались уцелевшие горожане. Из узких окошек во врагов летели стрелы. Монголо-татары подвели к церкви свои пороки. Под их ударами рухнули каменные стены Десятинной церкви, похоронив под развалинами последних героических защитников Киева. Киев пал. Это произошло 6 декабря 1240 г., после девятидневной осады.

Город был страшно разорен, большинство построек погибло в огне. Почти все жители Киева погибли — и те, кто с оружием в руках оборонял стены, и те, кто прятался в домах и монастырях. «Взяли Киев татары, — рассказывал летописец, — и святую Софию (Софийский собор. — В. К.) разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом». Киев надолго утратил после этого погрома значение крупного городского центра.

От разрушенного Киева основные силы монголо-татар, возглавляемые непосредственно ханом Батыем, двинулись в направлении к Владимиру-Волынскому. Другие орды тем временем опустошали широкую полосу южнорусских земель: завоеватели применили обычную для них тактику облавы. По сообщению Рашид-ад-Дина, они «обходили все города Владимирские (Волынские) и завоевали крепости и области, которые были по пути». Маленькие городки по Среднему Тетереву, покинутые жителями и гарнизонами при приближении врага, были сожжены.

Однако на укрепленных линиях Киевской земли по рекам Случь, Горынь и Верхний Тетерев монголо-татарские завоеватели снова встретили сильное сопротивление. Эти укрепленные линии состояли из городков-крепостей, хорошо приспособленных для обороны. К их числу относилось, например, известное Райковецкое городище (на Верхнем Тетереве). Детинец этого городища был

обнесен мощным валом, основу которого составляли рубленые из толстых бревен дубовые клетки — тарасы. Кроме того, имелась двойная линия глубоких рвов. По гребню вала тянулась деревянная стена с башнями. Археологические раскопки воссоздают картину жестокого боя с превосходящими силами врага. Под развалинами жилищ в беспорядке лежали останки защитников города и хозяйственный инвентарь. Сотни скелетов защитников городка и монголо-татарских воинов с оружием в руках были найдены там, где их застала смерть в бою. Во рву лежали груды камней, а среди них — обломки мельничных жерновов. Происхождение этих каменных завалов не вызывает сомнений — камни были сброшены на головы врагов при штурме стен и ворот детинца. У ворот каменный завал достигал толщины одного метра, а под ним лежали кости татарских воинов, убитых во время приступа. Мужчины бились мужественно в единственных городских воротах — здесь спустя семь столетий их останки и были найдены археологами. На стенах стояли женщины и рубили врагов единственным бывшим у них оружием — острыми серпами. Монголо-татары, ворвавшись внутрь города, учинили страшную расправу. В домах и на улицах остались лежать трупы женщин и детей, изрубленных монгольскими саблями; мужчины до последнего человека полегли при защите стен и ворот.

Другим городом, вставшим на пути монголо-татарского нашествия, был Колодяжин. Расположенный на высоком берегу реки Случи, он был хорошо укреплен. По сообщению летописца, хан Батый подошел к Колодяжину «и поставил двенадцать пороков, и не мог разбить стены». Но то, что не смогли сделать осадные орудия, сделали хитрость и вероломство. Ордынцы начали переговоры, обещая осажденным сохранить жизнь в случае добровольной сдачи. А когда те, «послушав злого совета», открыли ворота, завоеватели ворвались в город и начали кровавую расправу. Обманутые горожане бились с насильниками на узких улицах, во дворах и в жилищах. О разгоревшейся внутри города жестокой битве свидетельствуют обнаруженные археологами в слое пожара человеческие кости и оружие: наконечники копий и стрел, булавы, мечи. Положение костей павших свидетельствовало о гибели людей в бою. На многих черепках ясно видны следы ударов мечом или саблей. В поз-

воночники одного из скелетов застрял железный наконечник татарской стрелы. Все жители Колодяжина погибли. На месте некогда оживленного поселения осталось только пожарище. Жизнь здесь больше не возобновлялась.

О разгроме двух других укрепленных городков летописцы сообщали очень кратко: хан Батый «пришел к Каменцу и Изяславлю, взял их». Другие два города — Кременец и Данилов — выстояли, отбили все приступы завоевателей, и хан Батый, «видя град Кременец и Данилов, что невозможно взять ему, и отошел от них». Но эта частная неудача не могла, конечно, задержать завоевателей. Монголо-татарские полчища рвались к Владимиру-Волынскому.

Заложенный еще в конце X — начале XI столетия, Владимир-Волынский был богатым и сильно укрепленным городом, с мощными стенами и башнями. Тем не менее монголо-татарам удалось взять его штурмом после короткой осады. «И не было во Владимире никого, кто бы остался жив», — печально отметил летописец. Археологические раскопки обнаружили места массовых казней горожан: близ древних владимирских церквей — Апостольщины, Михайловца, Спащины, Стара-Кафедры и других — в слое угля и пепла в беспорядке лежали человеческие скелеты с разрубленными костями, с черепами, пробитыми большими железными гвоздями. Страшному разгрому подверглись и другие города Волынской земли. Только сильно укрепленный город Холм сумел отбить все приступы завоевателей.

Двигаясь основными силами на Владимир-Волынский, Батый выделил часть войска для опустошения Галицкой земли. Монголо-татарские отряды шли к Днестру и Пруту, к Галичу, к Бужску и Звенигороду-Львовскому. Везде, где они проходили, археологи обнаружили запустевшие города и села, погребенные под слоем пепла. Многие из поселений, погибших во время нашествия Батыя, больше не восстанавливались. К сожалению, сведений об этом этапе нашествия почти не сохранилось. Только об осаде монголо-татарами Звенигорода (неподалеку от нынешнего Львова) имеется интересное историческое предание, записанное со слов местных жителей. Согласно этому преданию, Звенигород, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами, осаждало бесчисленное та-

тарское войско. Первый удар, направленный на южные ворота города, был отбит. Защитники Звенигорода яростно оборонялись. В городе было достаточно воды, а из окрестных лесов звенигородцы получали хлеб и помощь людьми. Только предательство помогло татарам проникнуть за городские стены. Весь день на улицах шел бой. К вечеру уцелевшие в сече горожане заперлись в детинце, а на следующий день попытались прорваться через болота к покрытым лесами Плиховским высотам. Но лишь немногим из них удалось уйти в лес и унести на руках раненого в бою князя. Остальные жители Звенигорода погибли или были уведены в плен. Монголо-татары сожгли город и разрушили укрепления детинца.

Конечным пунктом, где монголо-татарские отряды соединились после опустошения Юго-Западной Руси, был, вероятно, Галич-на-Лукве. По сообщению Рашид-ад-Дина, этот город монгольские ханы осаждали уже сообща и взяли после трехдневного штурма. Галич был буквально стерт с лица земли. После ухода монголо-татар галицкий князь не остался в своей столице и вместе со своим «двором» переселился в город Холм, который стал новой столицей княжества.

Весной 1241 г. монголо-татарское войско, значительно ослабленное боями на укрепленных линиях и под стенами городов Южной Руси, пересекло русскую границу и вторглось в Польшу, Чехию, Венгрию, Хорватию. Нашествие Батыя на русские земли закончилось. Впереди было бесславное возвращение завоевателей обратно на Волгу и двухвековое иноземное иго.

ПОДВИГ НАРОДНЫЙ

Батыево нашествие, которое сопровождалось опустошением огромных территорий и неисчислимыми человеческими жертвами, оставило глубокий след в памяти народной. Эти события нашли отражение в сложенных народом былинах, песнях, сказаниях, пословицах. То было время страшного народного бедствия и одновременно эпоха героических подвигов в борьбе за независимость Родины.

Княжеские и церковные летописцы, довольно подробно описавшие нашествие Батыя, почти ничего не гово-

рили о роли народных масс в борьбе с завоевателями. Соппротивление монголо-татарам тенденциозно представлялось ими исключительно как дело князей, «святых мучеников» и «страдальцев», а также духовенства, которое своими молитвами обеспечивало «божью помощь». Новгород, например, по мнению летописца, спасли не героическое сопротивление городов и ратей Владимиро-Суздальской земли, не героизм осажденных горожан Торжка, надолго задержавших монгольское войско, а именно молитвы духовенства: «Новгород же заступил бог и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и святых правоверных архиепископов молитва!» Это вполне объяснимая тенденция летописцев: летописные своды составлялись обычно при княжеских дворах и в монастырях, и их составители попросту выполняли волю своих хозяев. Однако если внимательно проанализировать даже эти летописные тексты, роль правящей феодальной верхушки в обороне страны предстает несколько в ином свете.

Феодалы, занятые междоусобными распрями, оказались не в состоянии объединить и возглавить народные массы для отпора внешнему врагу. Даже после разгрома монголо-татарами Волжской Булгарии, который был прямым предупреждением о готовившемся нападении, князь Северо-Восточной Руси не предприняли никаких попыток объединиться для обороны. Поэтому монголо-татарские завоеватели имели перед собой не общерусское войско, а разрозненные дружины и ополчения отдельных феодальных княжеств и городов. Ни один из князей, в том числе и великий князь Юрий Всеволодович, не пришел на помощь Рязани. В результате храбрые рязанские дружины погибли в неравном бою «у пределов Рязанских». Открылась дорога завоевателям в глубь русских земель. В свою очередь, когда наскоро собранные владимирские полки были разбиты под Коломной, а сам великий князь уехал в глухие заволжские леса собирать новое войско, другие князья явно не торопились к нему на помощь. Даже во время самого нашествия не прекращались усобицы. В 1239 г., между записями о разгроме монголо-татарами Переяславля и Чернигова, летописец спокойно повествовал о том, что князь Ярослав «взял град Каменец и княгиню Михайлову со множеством пленных привел в свои волости»!

Не лучше показали себя в годину тяжелых испытаний и духовные феодалы — митрополит и многие епископы. Как правило, они бросали свою паству на произвол судьбы и бежали при приближении врага в безопасные места. Пример подал глава русской церкви митрополит Иосиф, грек по национальности: он исчез накануне нашествия и больше на Руси не появлялся. Бежал неизвестно куда при приближении монголо-татарского войска и рязанский епископ. Летописец сообщил об этом факте очень туманно: «А епископа уберег бог, отъехал прочь в тот год, когда рать Батия оступила град». А вот где спасался от опасности ростовский епископ Кирилл, нам известно. Летописец сообщил, что он «избыл татар на Белоозере», в далеком северном городе, защищенном непроходимыми лесами. Даже когда совсем неподалеку, на реке Сити, стало собираться великокняжеское войско, епископ Кирилл не приехал в лагерь, чтобы напутствовать его на бой, и появился на поле битвы только после отхода монголо-татар, чтобы похоронить павшего Юрия Всеволодовича. Остались в живых после Батыева погрома также епископы галицкий и перемышльский, хотя их города были разрушены до основания. Черниговский епископ Порфирий, правда, остался в городе во время осады, но тоже не пострадал. По сообщению летописца, завоеватели увели его с собой, а затем с миром «отпустили в Глухове», небольшом городке на Сейме. Даже историк православной церкви Е. Е. Голубинский, которого трудно заподозрить в недоброжелательном отношении к духовенству, вынужден был признать, что «летописи не дают нам права сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания».

Истинным «воителем за землю Русскую» был народ — крестьяне и горожане, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть неравной борьбы с монголо-татарскими полчищами. Героическая оборона русских городов, которые завоевателям удавалось брать, как правило, только после многодневных кровопролитных штурмов, осуществлялась обычно силами местного городского и сельского населения.

Так было при осаде столицы Северо-Восточной Руси города Владимира, покинутого великим князем накануне приступа монголо-татарского войска. Так было при обороне небольшого города Торжка, где в опасное время не

оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и городские стены защищало посадское население во главе с выборными посадниками. Ни от кого не получая помощи, жители Торжка две недели отбивали приступы Батыя — втрое дольше, чем великокняжеский Владимир! Так было при героической обороне Козельска, где князь «млад был», и инициатива обороны принадлежала самим горожанам, которые решили «не сдаваться Батыю» и сумели так организовать сопротивление, что грозный хан вынужден был два месяца стоять под стенами Козельска — дольше, чем у любого другого города. Так было и при обороне Киева, в котором тоже не оказалось князя, а обороной руководил «тысяцкий Дмитр».

Храбро, до последнего воина, защищались русские города. Горы трупов захватчиков остались под стенами Рязани, Владимира, Переяславля, Торжка, Козельска, Чернигова, Киева. Не раз русские дружины выходили в чистое поле встречать страшных степных завоевателей и в «сечах злых» на рубежах рязанских и владимирских земель, в глубине заволжских лесов, на укрепленных линиях Киевской земли наносили им тяжелый урон. Дорогой ценой заплатили монголо-татарские ханы за разорение русских земель: их войско оказалось ослабленным, обескровленным непрерывными боями.

Героическая борьба Руси против монголо-татарских завоевателей имела всемирно-историческое значение. После тяжелых походов по русским землям хан Батый уже не сумел собрать достаточных сил для победного нашествия на запад. Именно героическое сопротивление русского народа и других народов Восточной Европы (волжских булгар, половцев, аланов, племен Поволжья) сорвало планы монгольских ханов расширить границы своих владений до «моря Франков».

Народы Западной и Центральной Европы навсегда запомнили ужасы гуннского нашествия. Если бы русский народ ценой невероятных жертв не обескровил полчища Батыя, новое нашествие кочевников могло бы быть еще ужаснее и опустошительнее. По словам революционера-демократа прошлого столетия А. И. Герцена, «татары пронесли над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили друг друга и после всех этих ужасов исчезали за Каспий-

ским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве... Люди бежали из деревень, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе»¹.

Но и после Батыева погрома народные массы не покорились завоевателям. Потребовалось почти два десятилетия, чтобы монгольские ханы сумели обложить Русь регулярной данью. Неоднократно против завоевателей поднимались народные восстания. Они-то и помешали хану Батюю организовать планировавшееся раньше новое нашествие на запад.

ПОСЛЕДСТВИЯ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Страшен был Батыев погром. Многочисленные жертвы и разрушения принес он Руси и навсегда остался в памяти народной как «черная година», как время величайших бедствий. Но зимний поход 1237/38 г. на Северо-Восточную Русь был только одним из этапов нашествия: за Батыевым погромом последовала серия новых монгольских вторжений в русские земли, приносивших все новые и новые опустошения и не дававших Руси возможности ликвидировать последствия первого удара.

В 1252 г. во Владимиро-Суздальскую землю вторгся ордынский царевич Неврюй. Его полки, перейдя вброд Клязьму и разгромив под Переяславлем-Залесским великокняжеское войско, «разошлись по всей земле, и людей бесчисленное множество повели до коней и скота (т. е. в ордынский плен. — *В. К.*), и много зла сотворили». Особенно пострадали от Неврюевой рати сельские местности.

В 1273 г. монголо-татарские отряды дважды «воевали Новгородские волости», подвергнув опустошению земли, не затронутые Батыевым погромом.

Два года спустя монголо-татарская рать, возвращаясь после похода на Литву, разорила земли около Курска. Летописец сообщил, что ордынцы «великое зло и вели-

---

¹ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. М., Политиздат, 1958, стр. 23—24.

кую пакость и досаду сотворили крестьянам, по волостям, по селам дворы грабя, кони и скот и имущество отнимая, и где кого встречали, то, раздев донага, отпускали».

В 1278 г., по сообщению летописца, «приходили татары на Рязань и много зла сотворили».

В 1281—1282 гг. ордынские рати дважды подвергали опустошению почти всю территорию Северо-Восточной Руси. Сначала войска ордынских полководцев Кавгадия и Алчедея разорили северо-восточные княжества, затем пришла на Русь «рать многочисленная Турантемира и Алына и многих татар», которые тоже «много зла сотворили в Суздальской земле».

В 1283 г. монголо-татары разорили земли Воргольского, Рыльского и Липецкого княжеств.

В 1285 г. «царевич из Орды» снова «приходил на Русскую землю и много зла сотворил христианам».

В 1288 г. отряды завоевателей грабили рязанские, муромские и мордовские земли.

Особенно опустошительной оказалась так называемая «дюденева рать» 1293 года. По разрушительным последствиям летописцы сравнивали ее с Батыевым погромом. Монголо-татарские отряды прошли от Мурома до Волоколамского, «города пожгли», села и волости и монастыри повоевали и всю землю пустой сотворили». Ордынский военачальник Дюдень так же, как раньше это сделал Батый в «месяц февраль», «пленил градов 14», в том числе Муром, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можайск, Волок, Дмитров, Углич. Множество людей было уведено в плен. Не спаслись даже те, кто прятался от насильников в лесах: по сообщению летописца, ордынцы «людей из лесов изведоша». В том же году ордынское войско предприняло поход на Ярославль, где началось восстание против местного князя, известного своей дружбой с Ордой. По пути завоеватели еще раз разорили владимирские и переяславские земли, людей «одних посекли, а других в плен повели».

В 1297 г. снова «была рать татарская, пришел Олекса Неврюй».

Таким образом, после Батыева погрома, во второй половине XIII столетия, монголо-татарские орды еще не менее 15 раз опустошали Северо-Восточную Русь, причем четыре вторжения (1252, 1281, 1282, 1293 гг.) имели характер настоящих нашествий, приносивших разорение

значительной части Руси. Русские города переживали период упадка. Везде, где проходили монголо-татарские орды, на месте цветущих городов оставались развалины, жителей убивали или уводили в ордынский плен. «Множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста, церкви пожжены, людей избили от старца до младенца, только дым, да земля, да пепел», — такими словами характеризовали летописцы состояние русских городов после монголо-татарских погромов. Серьезный удар был нанесен ремесленному производству — основе городской культуры. Ремесленников завоеватели массами уводили в плен. Вместе с мастерами Русь утрачивала их производственные секреты. Это имело особенно тяжелые последствия потому, что в условиях феодализма, когда сношения между отдельными землями ограничивались простым соседством, каждое изобретение в области производства приходилось делать заново в каждой отдельной местности, и было «...достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами... до необходимости начинать все сначала»¹. Не удивительно поэтому, что после монголо-татарского нашествия на Русь там исчезли многие сложные ремесла, а возрождение некоторых из них началось только спустя 150—200 лет. Навсегда было утрачено мастерство многоцветной перегородчатой эмали, искусство черни и зерни, полихромной поливной строительной керамики. Целое столетие после нашествия не возобновлялось в русских городах каменное строительство. В результате нашествия оказались нарушенными экономические связи городов с сельскохозяйственной округой, прекратилось массовое производство ремесленных изделий для продажи, усилился отрыв русских городов от мировых торговых путей.

Академик Б. А. Рыбаков так писал о последствиях монголо-татарского нашествия: «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыея».

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 3, стр. 54.

Сильно пострадали от монголо-татарского нашествия и сельские местности. Летописи буквально пестрят записями о том, что монголо-татары «села, волости и погосты пограбили», «все пусто сотворили», «по селам скот, и кони, и жита пограбили, высекая двери у домов», «положили всю землю пусту», «людей без числа в плен повели», «со многим полоном отошли в Орду». Любое передвижение завоевателей по русским землям, даже в период мирных отношений с золотоордынскими ханами, сопровождалось грабежами и разорением крестьян. В одной из грамот сообщалось, например, что село близ большой дороги запустело оттого, что «послы татарские тою дорогою ходили».

В результате монголо-татарских погромов забрасывались пашни, деревни превращались в пустоши, оставшееся население уходило на северные и западные окраины страны. В Черниговском княжестве «села от того нечестивого Батыева пленения запустели и лесом поросли». В «Повести о граде Курске» говорилось, что после монголо-татарского нашествия вся Курская земля «разорена была» и «от многих лет запустения великим лесом заросла и многим зверям обиталищем стала». Монах Пимен, проезжавший по южным землям Руси в XIV в., записал: «Было то путешествие печально и уныло, потому что была пустыня всюду, нельзя было увидеть там ничего, ни города, ни села. Пусто все было и не населено, нигде не видно было человека, только пустыня».

Запустение многих сел и деревень после монголо-татарского нашествия подтверждается материалами археологических раскопок: жизнь на многих домонгольских поселениях прекратилась.

Повсеместное прекращение жизни в древнерусских поселениях после монголо-татарских погромов археологи прослеживают в Рязанской земле (в бассейне реки Прони), на Верхней и Средней Оке, на Верхней Десне, по Сейму и Пслу, по Клязьме и во многих районах Северо-Восточной Руси. Села и деревни становились меньше по размерам — много людей погибало во время ордынских ратей или попадало в плен. Поселения переносились с открытых берегов рек в леса, под защиту болот и оврагов.

И без того нелегкое положение русского крестьянина в условиях постоянной монголо-татарской опасности бы-

ло поистине ужасным: в любой момент могли налететь ордынские всадники, убить, захватить в плен и увести вместе с семьей в Орду, разграбить имущество.

Огромные материальные ценности уходили за пределы Руси в виде различных даней, что подрывало и без того ослабленную нашествием экономику Руси. Завоеватели создали целую систему ограбления покоренных народов, целью которой было увековечение тяжкого иноземного ига. Четырнадцать видов ордынских даней и различных «тягостей» опутывали русские земли. Центральное место в системе ордынских поборов занимала «царева дань», называемая также «ордынский выход», «дань десятинная» или просто «десятина». Дань являлась постоянным налогом, собиравшимся с городского и сельского населения в пользу ордынского хана (от дани было освобождено только духовенство). Единицей обложения стало при сборе дани хозяйство (в городах — дом, в сельских местностях — деревня). Кроме «царевой дани», на крестьянское население в качестве постоянных «ордынских тягостей» ложились «поплужное» (с плуга), «ям» и «подводы» (дорожные повинности). Практиковались также сборы с торговой («мыт») и ремесленной («тамга») деятельности. Существовали, далее, нерегулярные, чрезвычайные налоги. К их числу относились «запросы», то есть единовременные требования монголо-татарских ханов о выплате крупных сумм сверх установленной дани на военные расходы и другие цели. Эти «запросы» были иногда настолько крупными, что буквально разоряли население. Например, в Волжской Булгарии один из «запросов» привел к тому, что жители вынуждены были продавать в рабство своих детей. Чрезвычайно обременительными были дары и «почестья» — подарки, которые отсылались в Орду или передавались на месте ханским послам. В пользу хана и его родственников, а также отдельных представителей ордынской администрации собиралась особая пошлина. Тяжелым бременем на крестьянское хозяйство ложился «корм», который получали ордынские послы и их отряды при проезде через русские земли. Кроме того, завоеванные народы были обязаны по приказу хана «рать собирать, где восхочет воевать», и присылать людей на ханскую охоту — ловитву. Все эти «ордынские тягости» перечислялись в

ханских грамотах, которые давались русским митрополитам и сохранились.

В результате такой системы ограбления из страны ежегодно выкачивались огромные суммы, попадавшие в руки монголо-татарских феодалов. Одна только «царева дань» составляла в XIV веке с Московского княжества 5 тысяч серебряных рублей, с Новгородской земли — 1500 рублей серебром. По тем временам это были огромные суммы: 1300 кг серебра! Не удивительно, что у некоторых восточных авторов сложилось мнение о Руси как о стране серебряных рудников — так много благородного металла привозилось ежегодно из русских земель в Орду.

Постоянная утечка серебра, основного денежного металла Руси, имела тяжелые последствия для ее хозяйства. Серебра не хватало для торговли, и в Северо-Восточной Руси, особенно в княжествах, подвергавшихся ордынским погромам, наблюдался с XIII в. настоящий серебряный голод.

Монголо-татарское нашествие тяжело отразилось на культуре Руси: погибли многие драгоценные памятники древнерусской литературы и письменности. Библиотеки рукописных книг, обычные для домонгольской Руси, стали редкостью. Летописцы, рассказывавшие о разгроме монголо-татарами русских городов, не раз горестно отмечали, что завоеватели «книги порвали». Летописи, хронографы, «жития», поэтические повести и другие памятники древнерусской литературы дошли до наших дней только в редких списках, к тому же сильно испорченных малограмотными переписчиками. Большинство древних рукописей погибло. Только в одном-единственном списке сохранилось выдающееся произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Пришло в упадок и русское летописание, достигшее накануне нашествия Батыя своего наивысшего расцвета. Во многих крупных культурных центрах Руси, разгромленных монголо-татарами, летописание вообще прекратилось на длительный срок: в разоренной Старой Рязани, в сожженном Владимире, в Киеве, Чернигове и других городах. А составление общерусского летописного свода было перенесено из стольного Владимира в Ростов, меньше пострадавший во время Батыева погрома. Летописи

стали простой сводкой предыдущих записей, не объединенных какой-либо идеей, «политической волей» летописца; на время из них исчезли сквозные, общерусские темы. Только с нарастанием освободительной борьбы последние возрождались уже в московском летописании. В многочисленных списках начали расходиться по Руси лучшие произведения древнерусской литературы. Такие произведения, как «Повесть временных лет», напоминали народу о временах независимости, о могучей Киевской Руси, грозной для врагов. Призывы автора «Повести» к объединению Руси, к борьбе с кочевниками по-новому звучали в период ига, поднимая русских людей на битвы с завоевателями. Восстановление древних культурных ценностей стало частью общей борьбы против ненавистного ига, способствовало объединению народных сил для отпора врагу.

Прервались из-за монголо-татарского нашествия древние культурные и торговые связи Руси с соседними странами. Монголо-татарская «кочевая стихия» отрезала Русь от Черного моря, нарушила связи с Византией, с землями Закавказья и Средней Азии. Ухудшились условия торговли со странами Центральной и Западной Европы.

Монголо-татарское завоевание привело к усилению гнета и феодальной зависимости крестьянства. Города как политическая сила, способная в какой-то степени противостоять притязаниям феодалов, ослабли во время нашествия: «городской воздух» почти нигде на Руси не делал человека свободным, как это было в Западной Европе. В этих условиях феодальная зависимость крестьян развивалась в наиболее грубых, неприкрытых формах. Закабалению способствовали и ордынские переписи: обязанность регулярно выплачивать дань, проходившую через руки феодалов, усиливала зависимость крестьянства и прикрепление его к земле и к владельцу вотчины. Русские феодалы, вынужденные отдавать монголо-татарским ханам часть феодальной ренты в виде «ордынского выхода», старались возместить ее усиленной эксплуатацией собственного народа. Иноземное иго затрудняло также антифеодальную классовую борьбу, которая ограничивала притязания феодалов. В народных выступлениях того времени тесно переплетались антифеодальные и антиордынские мотивы, и такие выступления порой подав-

лялись совместными усилиями русских и монголо-татарских феодалов.

В политическом плане отрицательные последствия монголо-татарского нашествия проявились прежде всего в нарушении процесса постепенной ликвидации феодальной раздробленности, признаки чего были заметны уже в первой половине XIII столетия. Батыев погром расшатал административный аппарат Северо-Восточной Руси, ослабил великокняжеское войско. Опустошения владимирских земель и массовое бегство населения из бассейна реки Клязьмы подорвали экономическую основу власти владимирских великих князей. Наступила временная «агония великокняжеской власти», которая была уже не в силах справиться с раздробленностью. Этому способствовала и политика ордынских ханов, направленная на разъединение сил Руси.

КРУГОМ ВРАГИ...

Монголо-татарское нашествие значительно осложнило международное положение Руси. Пользуясь ее ослаблением после Батыева погрома, усилили свое наступление на русские границы немецкие, шведские, датские, венгерские и литовские феодалы.

Итальянец Плано Карпини, проезжавший по Южной Руси в 40-х годах XIII столетия, писал: «Мы ехали в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Русскую, и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать. И так как большая часть людей России была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им (литовцам) сильное сопротивление». Очевидец не преувеличивал последствий монголо-татарского опустошения. Когда князь Даниил Галицкий вернулся в свою землю после ухода монголо-татарских ратей, то в Бересте он не «мог выйти в поле из-за смрада множества убитых», а в городе Владимире-Волынском «не осталось живых» и все церкви «наполнены были трупами мертвых». И вот на эту разоренную землю в 1245 г. двинулось рыцарское венгерское войско короля Белы IV. Под городом Ярославом русские полки наголову разбили венгерских рыцарей и присоединившихся к ним польских феодалов. Венгерские и польские воеводы Филий и Флориан, множество рыцарей и

простых воинов попали в плен. Галицко-Волынская Русь отстояла свою самостоятельность. Напрасными оказались и неоднократные попытки римского папы подчинить Галицко-Волынскую Русь дипломатическим путем: Даниил Романович отверг все притязания папской курии, не допустил вмешательства папы в русские дела.

На западной границе Руси пришлось вести затяжную войну с литовскими феодалами, которые претендовали на западнорусские земли. Литовские набеги отвлекали значительные силы русских княжеств от выполнения основной задачи — борьбы с иноземным монголо-татарским игом. Великое княжество Литовское наступало на смоленские, новгородские и полоцкие земли. Однако Владимир-Суздальская Русь, несмотря на страшные последствия Батыева погрома, нашла силы для отпора. Под городом Торопцом в 1248 г. объединенное русское войско, которое возглавил Александр Невский, разбило литовских князей и заставило их уйти с русской земли. Вскоре Даниил Галицкий нанес еще одно поражение литовскому войску. Однако часть западнорусских городов, в том числе Полоцк, впоследствии попали под власть Литвы.

Особую опасность для Руси представляло наступление рыцарей-крестоносцев в Прибалтике, поддержанное шведским королем. Тевтонский орден и шведы предприняли попытку подчинить себе Великий Новгород. Славные победы, одержанные князем Александром Невским в войне с этими опасными врагами, вписали героические страницы в летопись борьбы народов нашей страны за независимость.

Первыми напали шведы. Еще в 1238 г. шведский король получил «благословение» римского папы на крестовый поход против новгородцев. Но только летом 1240 г. шведское войско под командованием зятя короля — Биргера двинулось в поход: вторжение хана Батые в Центральную Европу напугало шведских феодалов и заставило их отложить вторжение.

Шведы на кораблях «в силе великой, пыхая духом ратным» вошли в Неву и остановились в устье реки Ижоры. Биргер послал в Новгород, к князю Александру Ярославичу, заносчивое послание: «Если можешь мне сопротивляться, то я уже здесь стою, воюю твою землю!» Но Александр уже знал о нападении — русские «сторожи» на Неве сообщили об опасности. С одной своей дру-

жиной, усиленной новгородскими добровольцами и отрядом ладожан, смелый князь выступил в поход.

В полдень 15 июля 1240 г. воины Александра Ярославича неожиданно напали на шведское войско, отдыхавшее в шатрах на невском берегу. Шведские рыцари не успели даже «опоясать мечи на чресла свои». Новгородцы, безжалостно избивая растерявшихся рыцарей, пробились к центру шведского лагеря, где стоял шатер Биргера. Князь Александр сам возглавил атаку и, по словам летописца, «изби множество бесчисленное римлян и самому королю (так летописец называл Биргера.— В. К.) возложи печать на лице острым своим мечом». Когда рухнул шатер предводителя шведского войска, подрубленный храбрым русским воином, враги в панике бежали к кораблям. Неотступно преследуя их, русские воины потопили несколько шведских кораблей. Остатки воинства Биргера уплыли восвояси, бросив на берегу раненых, лагерь и обоз. За эту победу народ прозвал князя Александра Ярославича, которому исполнился только 21 год, Невским.

Почти одновременно с нападением шведов начали свое наступление и немецкие рыцари. Они захватили город Изборск, крепость на границе Новгородской земли. Попытка псковского ополчения отбить город не удалась — под стенами Изборска псковичи потерпели поражение и отступили, потеряв более 800 человек убитыми. Рыцарские отряды появлялись возле самого Пскова, жгли посады и окрестные деревни.

Зимой 1240 г. немецкие рыцари захватили Водьскую пятину, пограничную область Новгорода, и страшно опустошили ее. Конные рыцарские разъезды появлялись в 35 км от великого русского города. Вскоре пал Псков, выданный изменниками-боярами. Над Новгородом нависла серьезная опасность, путь рыцарям в глубь Новгородской земли был открыт.

В этих условиях новгородцы снова призвали на помощь прославленного полководца князя Александра Ярославича Невского. Александр Ярославич быстро собрал войско из новгородцев, ладожан, карелов и ижорян и выступил навстречу врагу. Первый удар Александра Невского был направлен на крепость Копорье, в которой в непосредственной близости от Новгорода засел рыцарский гарнизон. Немцам не помогли ни крепкие каменные сте-

ны, ни упорное сопротивление отборного рыцарского отряда — Копорье было взято.

В марте 1242 г. войско князя Александра Невского двинулось к Пскову и осадило его. Напрасно рыцари из псковского гарнизона ожидали помощи — магистр Тевтонского ордена не успел послать подкрепления. Зато к Александру Невскому вовремя подошел с «низовскими» — владимирскими и суздальскими — полками его брат Андрей Ярославич. Псков был взят. В бою пало 70 знатных рыцарей и множество рядовых воинов. Наместники ордена, сидевшие в Пскове, были в оковах направлены в Новгород. После этого успеха все последние завоевания крестоносцев оказались под угрозой. Не удивительно, что магистр Тевтонского ордена поспешил собрать все свои силы и выступил против Невского. По свидетельству летописца, собрались все орденские рыцари «с всеми бискупы (епископами) своими, и с всем множеством языка их, и власти их, что ни есть на сей строне, и с помощью королевою» (т. е. с войском шведского короля).

Но Александр Невский не стал ожидать, пока враг вторгнется в новгородские владения, «и поиде на землю немецкую, хотя мстити кровь христианскую». Впереди двигалось несколько разведывательных отрядов. Один из них столкнулся с главными силами рыцарского войска. Многие воины погибли в неравной сече, но основную задачу разведчики выполнили: предводителю русского войска стало ясно, что крестоносцы идут к Псковскому озеру. Дальнейший путь в глубь Новгородской земли лежал по льду Чудского озера. Здесь Александр Невский решил встретить врага.

На рассвете 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера, у Вороньего камня, началось знаменитое Ледовое побоище. Орден вывел на поле боя 10—12 тыс. рыцарей. Русское войско было немного больше — 15—17 тыс. человек, но в его составе были ополченцы, значительно уступавшие рыцарям по качеству вооружения. Силы, таким образом, были примерно равными, и решающую роль в битве сыграло полководческое искусство князя Александра Ярославича Невского, героизм и самопожертвование русских воинов.

Главным в битве с рыцарским войском было сдержать первый, самый сильный удар сомкнутого строя тяжело-вооруженной конницы, и Александр Невский блестяще

решил эту задачу. Боевой порядок его полков был обращен тылом к обрывистому берегу озера, в который должны были упереться в случае прорыва закованные в броню рыцари. За флангами русского строя были спрятаны в засаде лучшие конные дружины, чтобы в решающий момент нанести удар. Замысел полководца полностью удался.

Сначала «немцы и чюдь пробишася свиньєю сквезе полки» и остановились, уперевшись в обрывистый берег. Сзади продолжали напирать всей своей массой остальные рыцарские отряды. Враги беспорядочной толпой сгрудились на льду Чудского озера. В этот момент с флангов и с тыла на крестоносцев обрушились засадные русские дружины. «Войско братьев было окружено», — с горечью вспоминал ливонский летописец. Началось уничтожение окруженного врага.

Готовясь к боям с тяжеловооруженными рыцарями, Александр Невский вооружил часть воинов специальными копьями с крючками на концах, которыми можно было стаскивать рыцарей с коней. Другие воины, вооруженные «засапожными» ножами, выводили из строя лошадей. Рыцари гибли, не имея возможности использовать своей основной силы — сокрушительной атаки в конном строю.

Рыцарскому войску было нанесено сокрушительное поражение. Только немногие конные рыцари смогли прорваться через кольцо окружения. По свидетельству летописца, русские воины, преследовавшие врага, «секли, гоняся за ними как по воздуху» и «убивали их на протяжении семи верст по льду, до Соболицкого берега, и пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен было взято 50 знатных немецких воевод», а «другие в озере утонули», так как весенний лед не выдержал тяжести рыцарских доспехов.

К. Маркс высоко оценивал победу русских полков в Ледовом побоище. *«Александр Невский, — писал он, — выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы»*¹.

В самые трудные годы, когда страна еще не оправилась от страшных опустошений Батыева погрома, воины Александра Невского сумели защитить западные рубежи Руси и отбить наступление рыцарей-крестоносцев.

---

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 344.

ИГО ТЯЖКОЕ

Полчища Батыя, оставив позади разоренную Южную Русь, весной 1241 г. обрушились на страны Центральной Европы. В Польше они разграбили Люблин, Краков и другие города. Взять г. Лигницу завоевателям не удалось. В Венгрии завоеватели разгромили 60-тысячное войско венгерского короля Белы IV и опустошили значительную часть страны. Однако города Словакии: Тренчин, Нитра, Крупина устояли, а их осада стоила Батыю больших потерь. Не удалось захватить монголо-татарам и сильно укрепленные города Чехии (Оломоуц Брно и другие.)

Наступление монголо-татарских завоевателей на запад явно ослабевало. Орды хана Батыя, силы которых были серьезно ослаблены битвами в русских землях, с трудом преодолевали новое сопротивление. Зимой 1241 г. монголо-татарское войско повернуло на юг и дошло до побережья Адриатического моря, где у границ Италии их наступление окончательно выдохлось. Через Хорватию, Боснию, Сербию и Дунайскую Болгарию монголо-татары возвратились в половецкие степи.

Хан Батый со своими кочевьями обосновался на Нижней Волге, где образовалось государство Золотая Орда. Ее владения занимали широкую полосу степей от Иртыша до Дуная: земли Причерноморья, Поволжья и Приуралья, Западную Сибирь, Крым и Северный Кавказ (до Дербента). Золотая Орда считалась «улусом» Монгольского государства, номинально подчиняясь власти великого монгольского каана, ставка которого находилась в Каракоруме. Но еще при Батые Золотая Орда превратилась фактически в самостоятельное государство, проводившее свою собственную политику по отношению к соседним странам, а при хане Берке (1255—1266 гг.) этот западный «улус» окончательно обособился. Поэтому, за исключением первых лет после нашествия, в течение которых еще отмечались поездки русских князей в ставку великого хана, Русь имела дело исключительно с золотоордынскими ханами.

Монголо-татарские ханы эксплуатировали завоеванные страны различными способами. Общий принцип монголо-татарской политики Плано Карпини передавал так: «Надо знать, что они (татары) не заключают мира ни

с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что они имеют приказ от Чингиз-хана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего требуют (татары) от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества».

В тех странах, в которых завоеватели «имели полную власть», они «отсчитывают десять отроков и берут одного, и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, но даже у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы одним господствовать на земле, поэтому они выискивают всякие случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство».

Какой была жизнь покоренных народов, попавших непосредственно под власть монголо-татарских ханов, какие порядки они установили в некоторых пограничных со степью русских княжествах, также видно из рассказа Плано Карпини. «В бытность нашу в России был прислан туда (по-видимому, речь шла о черниговских землях, правитель которых князь Михаил был убит в ханской ставке. — *В. К.*) один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Батыя, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным

образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань: именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного соболя, одного черного бобра, одну черную шкуру некоего животного... дохорь (хорь?), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба».

Взаимоотношения монголо-татар с другими завоеванными, но не покорившимися им полностью народами итальянский путешественник характеризует так: монголо-татары «берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, учтиво, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им». Правителям таких народов монголо-татарские ханы после признания зависимости от завоевателей «позволяют вернуться» в свои земли и править там под присмотром особых монгольских чиновников — башафов, которые были известны на Руси под названием баскаков. Конечно, жизнь таких народов тоже была в достаточной степени тяжелой, но не так, как на землях, попавших под непосредственное управление завоевателей. «Башафов или наместников своих они (татары) ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их (башафов) мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то башафы возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них... И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно».

Северо-Восточная Русь не попала под непосредственное управление монголо-татарских завоевателей. Решающую роль в этом сыграло героическое сопротивление северо-восточных русских княжеств, оказанное полчищам хана Батыя, а также непрекращающаяся борьба русского народа против установления иноземного ига. Определенное значение имело и географическое положение Руси, расположенной на северном краю золотоордынских владений, и природные условия лесной зоны, не позволявшие постоянно находиться там кочевьям завоевателей. Батый в этих условиях и не пытался организовать непосредственное управление русскими землями через своих чиновников. Для сбора дани он решил использовать местную княжескую администрацию, подчинив ее своей власти. Поэтому, когда в 1243 г. «великий князь Ярослав приехал в татары к Батыю», то, по словам летописца, «Батый почтил Ярослава великою честью и мужей его, и отпустил, сказав ему: «Ярослав! Будешь ты старшим всем князьям в Русском языке!» Ярослав же вернулся в свою землю с великой честью».

Следом за великим князем потянулись в Орду «про свою отчину» и другие северо-восточные князья. В 1244 г. ездили в Орду и вернулись, будучи «пожалованы», князья Владимир Угличский, Борис Ростовский, Василий Ярославский. Видимо, они согласились уплачивать дань завоевателям, но ни ордынских данщиков, ни переписчиков в Северо-Восточной Руси еще не было. Формальное признание князьями зависимости от Орды еще не означало установления прямого иноземного ига. На Руси еще были силы, не желавшие подчиниться завоевателям.

Против власти золотоордынских ханов выступали города на северо-западной и западной окраинах страны, не подвергнувшиеся Батыеву погрому: Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк. В Южной Руси продолжал сопротивление завоевателям галицко-волынский князь Даниил Романович, который нанес монголо-татарам несколько чувствительных ударов. В этих условиях, признав формально власть Золотой Орды, великий князь Ярослав Всеволодович постарался использовать все возможности, чтобы отстоять независимость своей страны. Известно, например, что он вел даже переговоры с Западом о союзе против монголо-татар. Может быть, сведения об этих переговорах и о намерении великого князя оказать сопротив-

ление монголо-татарам и были причиной гибели Ярослава Всеволодовича в ставке великого хана: его отравили.

Новый великий князь Андрей Ярославович, правивший во Владимире с 1249 г., вел себя достаточно независимо по отношению к завоевателям. За время его княжения в летописях не встречается упоминаний о поездках русских князей в Орду и о посылке туда даров, а «дани и выходы» платились «не сполна».

В начале 50-х годов великий князь Андрей Ярославович даже сделал попытку открыто выступить с оружием в руках против Золотой Орды, заручившись поддержкой Даниила Галицко-Волынского. К. Маркс специально отмечал в своих «Хронологических выписках», что «Андрей пытался противиться монголам». Летописцы сообщали о враждебном отношении великого князя к завоевателям и о его нежелании признать власть золотоордынского хана. «Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!» — гордо заявлял он.

Однако вооруженное выступление против Золотой Орды тогда закончилось неудачей. Великого князя не поддержала значительная часть русских феодалов, которые, сохранив в своих руках господствующее положение в стране и аппарат власти, сумели переложить на плечи народа основную тяжесть иноземного ига. В 1252 г. на непокорного Андрея Ярославовича двинулось из Орды большое карательное войско «царевича» Неврюя. Монголо-татары «под Владимиром перебродили Клязьму и пошли, таясь, к городу Переяславлю». Здесь и произошла решительная битва. «Собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика». После упорного боя русские полки были побеждены. Сам Андрей Ярославович сумел пробиться через кольцо врагов и бежал на север.

Эта первая попытка с оружием в руках освободиться от власти золотоордынских ханов, попытка отважная и почти безнадежная, не была однако бесполезной: последовательное сопротивление, нарастая, привело к тому, что Русь не стала одним из «улусов» золотоордынских ханов, и на ее территории не было монголо-татарской администрации. Политический строй Руси после монголо-татарского завоевания фактически не изменился, несмотря на

то что кое-каких представителей хана пришлось допустить в русские земли.

В 50—60-е гг. XIII столетия в Северо-Восточной Руси появились представители ордынского хана — баскаки (т. е. башафы, о которых писал Плано Карпини). Баскаки наблюдали за деятельностью князей, за сбором дани и выполнением других повинностей. С целью обложения завоеванных народов регулярной данью монголо-татары уже давно, с начала 50-х годов, провели общую перепись населения своих владений. Но на Руси такую перепись удалось осуществить только в 1257—1258 гг., хотя еще в 1253 г. сюда был послан доверенный Батыея некий Бецик-Берке для «счисления» русских земель.

В 1257 г. «приехали численники, изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую», — сообщил летописец. Не нужно думать, что и спустя десять лет после нашествия Батыея это легко удалось завоевателям. В Новгороде, к примеру, попытка провести перепись вызвала резкий протест. Когда пришла весть, что «хотят татары тамгу и десятину от Новгорода», в городе начались волнения. «Послам татарским», приехавшим было в Новгород, пришлось вернуться ни с чем: новгородский народ не пожелал «дать число». А это было равносильно отказу от выплаты регулярной дани. Два года спустя ордынские послы «Беркай и Касачик и иных много» вновь приехали в Новгород за данью, и опять «был мятеж великий в Новгороде, чернь не хотела дать число». От народного гнева ордынцев стерегли «сын посадника и все дети боярские», — сообщил новгородский летописец. С большим трудом «перемогли бояре чернь и явились под число, делали себе бояре легко, а меньшим людям зло». Новгородцы вынуждены были подчиниться. Однако благодаря восстанию они сумели добиться определенных уступок от завоевателей: в Новгороде не было ни баскаков, ни откупщиков ордынской дани — бесерменов. Впрочем, волна народного гнева вскоре смела этих единственных представителей монголо-татарской администрации и из других русских земель.

В начале 60-х гг. XIII столетия народные восстания против завоевателей прокатились по многим городам Северо-Восточной Руси — Ростову, Ярославлю, Суздалю, Владимиру. По сообщению летописца, в 1262 г. «люди

ростовские, не вытерпев насилий поганых, собрали вече и выгнали их из городов из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бесурмены дани и оттого великую погубу творили людям». В Суздальской летописи даже говорилось, что восставшие «изгнали поганых из всех городов, не терпя насилий».

Следующая волна восстаний привела к изгнанию ордынских баскаков. В 1289 г. восстали горожане Ростова. По сообщению летописцев, «тогда было много татар в Ростове, и изгнали их вечем». Восстание в Ростове повторилось в 1320 г.: снова, по сообщению летописца, «были злы татары в Ростове, но собрались люди, изгнали их из града». В 1327 г. восстал народ Твери. Ордынский посол Шевкал (на Руси его называли Щелканом) «пошел на Русь со многими татарами и пришел в Тверь». Тверичи не выдержали насилий и грабежей прибывших с Шевкалом ордынцев и «ударил во все колокола, и стали вечем, и весь народ собрался, и начали избивать татар, где кого застали, и самого Шевкала убили, и всех других». Спаслись только татарские пастухи, которые пасли коней за городом; от них и узнали в Орде о гибели своего «посла сильного» и всех сопровождавших его ордынцев. Городские восстания конца XIII — первой четверти XIV века привели к ликвидации баскачества на Руси. Сбор дани был передан местным князьям, платившим в Орду заранее обусловленный «выход». Конечно, это тоже был грабеж, но грабеж как бы узаконенный, избавлявший Русь от непосильных чрезвычайных обложений в пользу ханов. Какая-то часть «выхода» оставалась у русских князей, которые использовали ее для того, чтобы накопить средства для борьбы с Ордой.

В стихийных народных восстаниях ясно прослеживается нестигаемый боевой дух народа, не сломленный ни страшным Батыевым погромом, ни последующими многочисленными ордынскими вторжениями. Народные массы Руси еще раз показали свою готовность пожертвовать жизнью, лишь бы освободить Родину от ненавистного иноземного ига. Народ был воителем за землю Русскую во время нашествия хана Батыя. И теперь именно народ первым поднялся против завоевателей,

ПЕРВЫЕ УДАРЫ ПО ОРДЕ

В 1263 г. по дороге из Золотой Орды умер великий князь Александр Ярославич Невский, который благодаря своей дальновидной политике сумел на десятилетие ограждать Русь от новых ордынских вторжений и обеспечить ей определенную самостоятельность по отношению к монголо-татарским ханам. Он твердо проводил политику подчинения отдельных феодальных центров великокняжеской власти. Снова при нем возродилось на время былое величие стольного Владимира, столицы Северо-Восточной Руси. Смерть Александра Невского была большой утратой для Руси.

Вскоре опять начались усобицы князей. Завоеватели же намеренно сеяли рознь между ними, оказывая поддержку то владимирскому князю против черниговского, то ростовским князьям против владимирского, чтобы самим было легче грабить страну. Одна за другой следовали ордынские рати, оставляя страшные опустошения. Не стало центра, вокруг которого могли объединиться русские земли для отпора завоевателям: Владимир ослабел. Наступили самые тяжелые десятилетия иноземного ига, когда Русь, еще не оправившаяся от Батыева погрома и раздираемая княжескими усобицами, казалось бы, должна была покорно склониться под ордынским ярмом.

Но этого не произошло. Завоеватели не чувствовали себя в безопасности на Русской земле. Используя начавшиеся после смерти хана Берке усобицы в Орде, русские дружины наносили завоевателям ощутимые удары, которые наряду со стихийными народными восстаниями расшатывали и ослабляли господство монголо-татарских ханов.

В 1283 г. в Курском княжестве местные князья Олег Рыльский и Святослав Липецкий разгромили «слободы» ордынского баскака Ахмата, откупившего дани в этих краях. Ахмат бежал к темнику Ногаю, привел большое ордынское войско. «Слободы» были восстановлены, но оставаться в опасном Курском княжестве баскак больше не решился. По словам летописца, он «сам не смел жить на Руси» и возвратился в Орду, оставив двух братьев «соблюдать слободы свои». Опасения Ахмата оказались обоснованными. Войско князя Святослава Липецкого

снова осаждало «слободы» и разгромило военный отряд баскака; слобожане разбежались. Напрасно Ахмат просил липецкого князя «смириться с ним». Святослав не только отказался заключить мир, но и «посла его убил». Лишь с помощью местных феодалов ордынскому карательному войску удалось справиться с непокорным князем.

Спустя четыре десятилетия после Батыева погрома, таким образом, русские князья уже осмеливались не подчиняться ордынцам. Случай с разгромом «слобод» баскака Ахмата был далеко не единственным. Сын Александра Невского — великий князь Дмитрий Александрович воспротивился приказу самого золотоордынского хана.

Как сообщал летописец, в 1281 г. золотоордынский хан передал ярлык (грамоту) на великое княжение князю Андрею Александровичу. Но не тут-то было! Князю Андрею в стольном Владимире самому сесть не удалось, и в Орду «пришла весть из Руси, что князь великий Дмитрий Александрович собирает рать и крепит град, не хочет цареву (т. е. ханскому. — *В. К.*) слову покориться и сойти с великого княжения по цареву слову». Чтобы посадить князя Андрея во Владимире, ордынским военачальникам Кавгадью и Алчедаю пришлось предпринимать большой карательный поход. Но как только монголо-татарская рать возвратилась в Орду, «князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переяславль, и начал рать собирать, и град крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие». Опять претенденту на великокняжеский «стол» князю Андрею пришлось ехать за ордынской помощью и жаловаться хану, что князь Дмитрий Александрович «тебе, царю, повиноваться не хочет, и даней твоих платить не хочет!» Хан вновь послал на непокорного князя «рать многую, Тураитемира и Алына и многих татар». Но на этом дело не закончилось. Временно отступив, великий князь Дмитрий Александрович в 1285 г. вступил в открытый бой с монголо-татарской ратью и победил. По сообщению летописца, «царевич из Орды», пришедший на Русь со своим войском, распустил его по монгольскому обычаю для грабежа, а «князь великий Дмитрий Александрович, собрав рать многую, пошел на них, и побегал царевич в Орду». После установления иноземного ига это было первое большое сражение, закончившееся изгнанием отряда завоевателей за пределы русских земель.

Несколько серьезных вооруженных столкновений с ордынскими ратями произошло в первой четверти XIV века, и в большинстве этих столкновений русским дружинам сопутствовал успех.

В 1301 г. войско князя Даниила Московского разгромило ордынский отряд, пришедший на помощь рязанскому князю. По сообщению летописца, «осенью князь Данило Московский ходил на Рязань ратью, и бился у города Переяславля (Рязанского), и одолел князь Данило, и много татар избил».

В 1310 г. «с ратью татарской» бился под Брянском местный князь Святослав. Он «ратью великою, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачи стрелы татарские воздух, и были, как дождь, и была сеча злая». Монголо-татарам удалось тогда победить; князь Святослав бился до конца и пал «последним в полку».

В 1317 г. большое ордынское войско Кавгадыя пришло в Тверскую землю. Тверской князь Михаил, «собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба (полка), и была сеча великая». Кавгадый, потерпев поражение, «повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал в станы», причем тверичи «многих татар поймали и привели в Тверь».

Вооруженный отпор монголо-татары встречали и в других землях. Суздальский и нижегородский князь Константин Васильевич, по словам летописца, «княжил 15 лет, честно и грозно оборонял вотчину свою от сильных князей и от татар».

С середины XIV века распоряжения золотоордынских ханов, не подкрепленные немедленной присылкой военной силы, как правило, русскими князьями уже не выполнялись. Князья пользовались любыми осложнениями в Орде, чтобы проводить свою самостоятельную политику. Особенно независимо вели себя по отношению к Орде усилившиеся московские князья.

В 1358 г., например, московский князь Иван II Красный не впустил в свои владения ханского посла Момат-Хожа, что было прямым вызовом хану.

Нередкими стали случаи, когда другие князья в политическом отношении больше опасались московских правителей, чем золотоордынского хана. Так, в 1360 г. «царь (т. е. ордынский хан) давал великое княжение Влади-

мирское князю Андрею Константиновичу Суздальскому, и он по то не явился». А когда его брат Дмитрий все же попробовал воспользоваться этим ярлыком, то финал оказался плачевным для него: по словам летописца, московский князь Дмитрий Иванович «собрал силу многую, и пошел ратью на него к Владимиру, и выгнал его из Владимира, он же бежал в Суздаль, просидев на великом княжении во Владимире всего двенадцать дней».

Урок, данный Москвой незадачливому претенденту на великое княжение, не прошел даром. Когда два года спустя «царев посол» снова принес ярлыки на «княжение великое Владимирское», то уже сам князь Дмитрий «не захотел и уступил великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому!»

А в 1371 г., когда тверской князь Михаил Александрович все же решился принять у Мамай ярлык на великое княжение и отправился с «царевым послом» на Русь, московский князь попросту «разослал на все пути заставы, хотя поймать его». Не помогло и личное вмешательство золотоордынского посла. Дмитрий Иванович твердо заявил ему: «К ярлыку не иду, а князя Михаила в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист!» Интересно, что по возвращении в Орду этот посол даже хлопотал о передаче ярлыка на великое княжение московскому князю. Система ордынского владения над Русью рушилась на глазах, царев слово переставало быть авторитетным для князей.

Но не только московские князья вели себя так независимо по отношению к Золотой Орде. Другие князья тоже не раз били ордынские рати. Например, в 1365 г., когда войско ордынского «царевича» Тагая напало на Переяславль-Рязанский, сожгло город и окрестные села и «со многой тягостью пошло в поле», князья Олег Рязанский, Владимир Пронский и Тит Козельский разбили его наголову. По рассказу летописца, русские полки настигли монголо-татар «под Шишевским лесом, на Войде, и был им бой крепок и брань лютая и сеча злая, и падали мертвые от обеих сторон». Ордынцы не выдержали удара и побежали, а сам «гордый ордынский князь Тагай в страхе и трепете был, видя всех своих татар избитых, и так, рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, едва с малой дружиной убежал». В 1367 г. хан Булат-Темир, «собрав силу многую, пошел в землю

и уезд Новгорода-Нижнего, волости и села повоевал». Полки нижегородского князя и его братьев разгромили войско Булат-Темира, а сам хан «прибежал в Орду с малой дружиной».

Время безнаказанных монголо-татарских разбоев на русских землях отошло в прошлое. Даже большие ордынские рати не могли пробиться в глубь страны: московский князь в 70-х гг. XIV столетия сумел организовать надежную оборону южных границ своего княжества от набегов ордынцев. Чтобы преградить путь монголо-татарскому войску, к рубежам выходили дружины многих князей. Это было прямым следствием объединения русских земель вокруг Москвы.

Летописи рассказывают, как сдерживал московский князь Дмитрий Иванович на рубежах своей земли ордынские набег. В 1373 г., когда ордынская рать, опустошавшая рязанские земли, пошла было к московскому рубежу, у Оки ее ждали великокняжеские полки. «Князь великий Дмитрий Иванович Московский собрался со всей силой своей, стоял у реки Оки на берегу, и брат его князь Владимир Андреевич пришел к нему из Нижнего Новгорода на берег к Оке, и татар не пустили, и все лето там стояли». А спустя три года Москва не ограничилась обороной рубежа на Оке и приготовилась встретить врага на дальних подступах. По сообщению летописца, «князь великий Дмитрий Иванович Московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской».

Такая тактика принесла русскому войску блестящий успех. Когда Мамай послал на Русь сильное войско под командованием опытного военачальника мурзы Бегича, полки московского князя Дмитрия Ивановича перешли Оку и встретили Бегича «у реки Вожи, в Рязанской земле, и стали против них крепко». Несколько дней стояло ордынское и русское войско на противоположных берегах реки. Наконец 11 августа мурза Бегич скоординировал наступление. Ордынская конница обрушилась на русский строй. Но московский полк, стоявший в центре русского боевого порядка, отбил эту атаку. Ряды ордынской конницы смешались. Тогда началась русская контратака. С флангов на ордынцев ударили полки Даниила Пронского и окольного великого князя Тимофея Вельяминова, а в центр — «большой полк» самого Дмитрия Ивановича. Ордынцы не выдержали и, по словам летописца, «побе-

жали за реку за Вожу, побросав копья свои, и наши, вслед за ними погнавшись, били, секли, кололи и напополам рассекали, и убили их множество, а иные в реке утонули». В битве погиб и мурза Бегич. Наступившая ночь и сильный утренний туман спасли остатки орды: русская рать могла начать дальнейшее преследование в степи за Вожей только на следующий день. Однако лагерь и обозы ордынцев были все же захвачены русскими воинами.

К. Маркс высоко оценил победу русских полков на реке Воже. *«Дмитрий Донской, — писал он, — совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»*¹.

Ярко и исторически достоверно описывает битву на реке Воже писатель С. П. Бородин в романе «Дмитрий Донской». Писателем хорошо переданы особенности тактики русского войска в этом бою: плотное построение полков, способное выдержать первый натиск монголо-татарской конницы, а затем — стремительная контратака.

«Татары перешли брод.

Позади, за рекой, еще оставались обозы, женщины, кочевое имущество, рабы, полонянки, скот. Но ждать их стало некогда: впереди, на горбатых холмах, стояло русское войско.

Солнце освещало русских с запада, и доспехи их сверкали, как лед.

Дмитрий смотрел с холмов на движение татар. За Дмитрием стояли отборные полки и великокняжеская дружина.

На левом крыле стоял князь Данила Пронский с конными и пешими полками.

На правом — окольный Тимофей Вельяминов с Полоцким князем Андреем Ольгердовичем...

Бегич с удивлением увидел строгий строй русов, их спокойную неподвижность, блеск оружия.

Кастрюк с воплем вырвался вперед и понесся на Дмитрия, увлекая за собой конницу, мурз, головные отряды и старые боевые сотни. Пыль взвилась. Задние не

---

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М., Госполитиздат, 1946, стр. 151.

хотели отставать и тоже, вопя, ринулись вслед первым.

Русы продолжали неподвижно ждать.

Бегич с размаху ударил лошадь камчой и завертелся на месте.

Русы стояли, ждали. Не бежали, не кричали. Этого не бывало! Конница Великой Орды привыкла сминать сопротивление, опрокидывать, топтать, преследовать и на плечах врага врываться в покоренные области. Эти же не бежали. Это была стена, а конница не таран, чтобы бить ею стену.

Головные части сдержали лошадей. Задние смешались, наваливаясь на передних. Перешли на мелкую рысь. Пошли исподволь, вглядываясь, чего ждут русы.

Татарские переные стрелы взвились в небо. Солнечный свет померк от летящих стрел. Но первый порыв прошел, кони крутились на месте, плохо продвигаясь вперед: горячая страсть налета переломилась.

Тогда Дмитрий блеснул мечом.

Тяжелым топотом давя мягкую землю, русские вдруг хлынули вниз с холмов, навстречу врагу. Застоявшиеся кони рванулись, затекшие плечи поднялись, и древний воинский клич покрыл татарские гомоны.

Стремительно рухнули русские на татар.

И на много верст вокруг вздрогнула земля, и травы пригнулись, как от порыва ветра, и облака всколыхнулись в небе, и татарские лошади шарахнулись на земле...

Татары бежали к реке...

Свалка сгрудилась на берегу Вожи...

Бросая оружие, татары кинулись вплавь. Тяжелые панцири тянули книзу; непривычно было степным всадникам нырять в реку.

Тысячи, тысячи татарских всадников ввалились в черные пучины Вожи. Тела запрудили реку. Вода, ворча, начала прибывать.

Стало смеркаться, а татары еще отбивались на берегу и тонули в Воже.

Смеркалось, а люди еще бились во тьме, еще кипела вода.

Встала ночь. И когда уже глаз перестал отличать мурзамецкий шелом от русского шелома, сеча затихла. Тьма помешала преследовать татар. Русские остановились — впереди темнела даль, куда скрылся враг; поза-

ди — Русь. А между Русью и воинством — поле битвы...»¹.

Победоносное сражение на Воже явилось генеральной репетицией знаменитой Куликовской битвы. А в целом победа на поле Куликовом была подготовлена более чем столетней борьбой Руси против монголо-татарских завоевателей. Эта борьба еще не была общерусской, однако она расшатывала ордынское владычество и постепенно вселяла в русских людей уверенность, что монголо-татарские орды можно победить. В битвах с ордынцами окрепло и закалилось русское воинство.

Русское войско во второй половине XIV столетия оставалось феодальным, но его характер значительно изменился. Московский великий князь стал признанным главой Руси и принимал военные решения единолично. Больше уже не могло повториться картины, которая наблюдалась, например, в битве на реке Калке, когда одни полки наступали на врага и изнемогали в сече, а другие стояли в укрепленном лагере, даже не пытаясь оказать помощь сражавшимся. Теперь русское войско было способно действовать по единому плану, под единым командованием, и это сыграло решающую роль в войне с Ордой.

Основу вооруженных сил Руси составлял «двор» великого князя и городовые полки Москвы и других городов Московского великого княжества. К этому ядру во время больших походов присоединялись полки «служебных» князей и союзных княжеств. Все полки имели единообразную организацию, делились на десятки, сотни и тысячи во главе с десятниками, сотниками и тысячниками. Командовали полками князья и опытные воеводы.

Давно отошли в прошлое времена, когда смерды-ополченцы выходили на поле боя с кольями или «киями» (палками), — усилившиеся великие князья имели достаточно оружия, чтобы вооружить все войско. Русские воины имели копья, короткие прямые мечи, длинные сабли, булавы и чеканы, легкие метательные копья — «сулицы», дальнобойные луки и стрелы с закаленными остриями, способные пробивать защитное вооружение врага. Мно-

---

¹ С. Бородин. Дмитрий Донской. М., Воениздат, 1949, стр. 130—133.

гие воины имели остроконечные шлемы и кольчуги, почти все — крепкие щиты, обычно красного цвета.

Совершенствовались тактические построения русского войска. Для похода и боя оно делилось на несколько частей — полков: передовой (или сторожевой) полк, большой полк, полки правой и левой руки, засадный полк. Такое разделение позволяло маневрировать силами как в походе, так и во время боя.

В походе русское войско двигалось следующим образом. Впереди, на расстоянии нескольких переходов, шел сильный сторожевой отряд (крепкая «сторожа»), за ним — авангардный передовой полк. Следом двигались главные силы: «большой полк», полки правой и левой руки. Замыкал походную колонну засадный полк, который в походе играл роль арьергарда. Такое расположение войска в походе позволяло быстро принять боевой строй, состоявший из тех же основных частей.

На поле битвы вперед выдвигались воины передовой стражи, в основном легковооруженные, с луками и саблями. Непосредственно позади них выстраивались шеренги передового полка, который и завязывал бой, стараясь выяснить намерения противника и направление его главного удара. Затем в битву вступали большой полк, полки правой и левой руки. Засадный полк находился в укрытии и наносил удар в решающий момент боя. Часто лихой удар свежего засадного полка приносил победу. Глубокие построения русского войска способны были выдержать самый сильный натиск врага.

Единство русского войска второй половины XIV века, кроме авторитета великого московского князя, опиравшегося на сильный «двор» и многочисленные собственно московские полки, обеспечивалось общностью политических целей — борьбой против Орды, а также общностью национального состава вооруженных сил.

Таким было русское войско, вышедшее в 1380 г. на знаменитое Куликово поле.

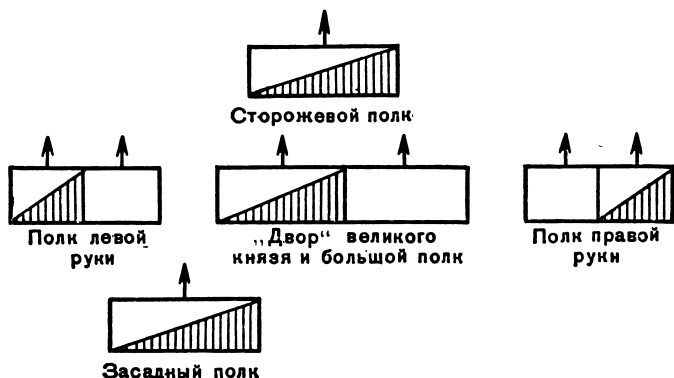
НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Русская летопись сохранила до наших дней «повесть ползную» о том, как в 1380 г. «князь великий Дмитрий Иванович с братом своим двоюродным с князем Владимиром Андреевичем и со всеми князьями русскими на

Дону посрамил и прогнал Мамай, и всю Орду его со всею силою их нечестиво избил». Это была повесть о Куликовской битве.

Летописец начал свой рассказ с событий в Золотой Орде, которые предшествовали походу на Русь. Темник Мамай «многих царей и князей избил и поставил себе

Условные обозначения

Боевой порядок московского войска в XIV в.

царя (хана) по своей воле», став фактическим правителем Золотой Орды. Мамаю не давали покоя лавры хана Батые: он «вознесся в уме гордостью великою, хотел как второй царь Батый быть и всю землю Русскую пленить». Однако Мамай понимал, что Русь стала уже не той. Он не ограничился сбором всех своих орд, но «рати нанял бесермен и армян, фрязей (греков), черкесов, ясов, буртасов». Кроме того, Мамай заключил союз с польско-литовским королем Ягайло и рязанским князем Олегом. Летом огромное войско Мамае (численность его разные историки определяли от 150 до 300 тысяч вои-

нов!) переправилось через Волгу и подошло к устью Воронежа. Над Русью нависла грозная опасность.

Когда весть о готовящемся вторжении ордынцев достигла Москвы, великий московский князь Дмитрий Иванович стал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и бывшими под ним князьями местными». Полки ближних князей начали собираться в Москве.

Чтобы точнее узнать о планах Мамай, великий князь направил к нему для переговоров опытного московского дипломата Захария Тютчева. Сведения Тютчева, с которыми он «послал тайно скоровестника к великому князю на Москву», были тревожными: князь Олег Рязанский и польско-литовский король Ягайло «приложились ко царю Мамаю».

Не ограничиваясь этими сведениями, Дмитрий Иванович выслал в степи «крепкую сторожу» и велел ей «на Быстрой или на Тихой Сосне под Орду ехать языка добывать и истину уведать Мамаева хотенья». Вскоре была выслана в степь и «вторая сторожа». Сведения о планах Мамай полностью подтвердились — «неложно идет царь Мамай на Русь, совокупясь с Олегом князем Рязанским и с Ягайлом князем Литовским, и еще не спешит царь, но ждет осени, когда совокупится с Литвою». Медлить дальше было опасно, необходимо было предупредить объединение сил врага. В Москве к тому времени уже собралось значительное войско. «К великому князю в Москву, — повествовал летописец, — пришли князья Белозерские, крепкие и мужественные на брань, с воинами своими: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и Цыдонский, пришли и Андомские князья. Также пришли Ярославские князья со всеми своими силами: князь Андрей и князь Роман Прозоровские, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский, и князья Устюжские, и иные многие князья и воеводы со многими силами».

Остальные рати должны были собраться в Коломне, откуда легко было выйти к любому месту на южном рубеже: великий князь «повелел всем людям быть на Коломне месяца августа в 15 день». Туда же двинулся и сам Дмитрий Иванович. Главные силы шли прямо на Коломну через д. Котлы, другая колонна — «Брашевой дорогой» (через Бронницы), «а Белозерские князья Бол-

вановскою дорогою с войском их». «И пришел князь великий в Коломну в субботу, месяца августа в 26 день. Прежде великого князя сошлись там воеводы многие и встретили великого князя на речке на Северке».

Никогда еще не собиралось для отпора врагу такое большое русское войско. Летописец сообщал, что великий князь Дмитрий Иванович под Коломной «собрал воинов своих 100 тысяч, кроме князей русских и воевод местных. Было всей силы и всех ратей числом с полтора-раста тысяч или 200 000». Кроме того, подошли два литовских князя с псковским полком и «брянскою силою». Никоновская летопись определяла численность русского войска (вместе с присоединившимися позднее ратями) в «400 тысяч воинства конного и пешего». Вероятно, эти цифры несколько завышены. Советский военный историк Е. А. Разин считает, что великий князь мог вывести в поле реально лишь 50—60 тысяч воинов. Но и такое войско было очень велико для средневековья.

В Коломне Дмитрий Иванович произвел смотр собранного войска, разделил его по обычаю на пять полков и назначил воевод. Можно было начинать поход против Мамаю.

Русское войско из Коломны пошло вдоль Оки, к устью реки Лопасни (в 65 км от Коломны). Сюда же спешили «все вой остаточные». Видимо, Дмитрий Иванович решил обойти основную территорию враждебного ему Рязанского княжества и одновременно отрезать от лагеря Мамаю литовские полки, остановившиеся в городе Одоеве. Этот план полностью удался: ни Олег, ни Ягайло не успели подойти на помощь Мамаю.

30 августа русское войско переправилось через Оку и вскоре пришло «на место, называемое Березуй, за двадцать два поприща до Дона» (теперь д. Березово, на Епифанской дороге). «Тогда же князь великий отпустил в поле под Орду избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и с ним избранных своих Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Александрова, Петра Чирикова и иных многих нарочитых и мужественных, чтобы встретились со стражей татарской и подали скоро весть. И двинулся с того места великий князь тихо к Дону, вести получая, и внезапно пришли к нему двое от сторожей его, Петр Горский и Карп Александров, и привели языка знатного от двора

царева, от сановитых царевых. Тот язык поведал: «Ныне царь на Кузмине-гати, не спешит, но ожидает Олега князя Рязанского и Ягайла князя Олгердовича Литовского, а о войске, собранном московским князем Дмитрием, не знает и встречи с ним не ждет. Через три дня будет на Дону». И спросили его о силе Мамаевой, сколько есть, он же сказал: «Многое множество есть бесчисленно!»

Нужно было решать, что делать дальше, — 5 сентября русское войско подошло к Дону, к устью реки Непрядвы. Собралась уже вся русская сила. По словам летописца, «тут пришло много пешего воинства, и жители, и купцы со всех земель и городов, и было страшно видеть, какое множество людей собралось, готовясь в поле против татар».

Великий князь Дмитрий Иванович собрал в деревне Чернова военный совет и спросил своих соратников: «Что сотворим? Где битву устроим против безбожных сих татар, на сей стороне Дона или на другой стороне Дона?» Мнение собравшихся князей и воевод было единодушным: «Если останемся здесь, слабо будет воинство русское, если же на другую сторону Дона перейдем, то крепко и мужественно будет, потому что от промедления все отчаются, с часу на час смерти ожидая. Если одолеем татар, будет слава тебе и всем, если избиты будем от них, то общей смертью все вместе умрем!» Тогда великий князь Дмитрий Иванович приказал: «Братья! Лучше честная смерть, чем злая жизнь. Лучше было не выходить против врага, чем пойти и, ничего не сделав, возвратиться вспять. Перейдем все за Дон и там положим головы свои!» И великий князь «повелел каждому полку строить мосты через Дон, а самим в доспехи наряжаться».

6 сентября по пяти мостам началась переправа через Дон. В ночь на 7 сентября последние русские рати перешли через Дон и разрушили за собой мосты: отступать никто не собирался.

Утром 7 сентября русские полки вышли на Куликово поле, расположенное между Доном и Непрядвой. Здесь русские воеводы начали строить полки для боя. Их прикрывала сильная «сторожа» под командованием Семена Мелика, которая вступила в бой с авангардами ордынцев и нанесла им серьезный урон. Мамай был уже на

Гусином броде, в 8—9 км от устья Непрядвы, и мог дойти до Куликова поля очень быстро. Мелик слал гонцов князю Дмитрию «исполчиться, чтобы не упредили поганые». Русские полки приняли боевой порядок.

В центре находился «большой полк» великого московского князя, на флангах — полк правой руки под командованием князя Андрея Ольгердовича и полк левой руки во главе с князьями Василием Ярославским и Феодором Моложским. Другой Ольгердович — князь Дмитрий командовал резервным полком, тоже расположившимся слева, позади общего строя. Вперед выдвинулся сторожевой полк князей Симеона Оболенского и Иоанна Тарусского. В Зеленой дубраве, позади левого фланга, спрятался засадный полк брата великого князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Боброк-Волынского. «И исполчились христианские полки все, и возложили на себя доспехи, и стали на поле Куликовом, на устье Непрядвы-реки; было то поле велико и чисто...» Но в этот день ордынцы не подошли.

Утром 8 сентября был сильный туман, «мгла великая по всей земле, как тьма». Когда часам к 11 утра туман рассеялся, Дмитрий Иванович «повелел полкам своим выступать, и внезапно сила татарская пошла с холмов». Русский и ордынский строй, оцетинившись копьями, стали друг против друга, «и не было места, где им расступиться... И страшно было видеть две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть...»

Еще до начала боя «князь великий, утвердив полки, пришел под свое черное знамя, и слез с коня своего, и снял с себя одежду свою царскую, и позвал любимца своего, которого любил больше всех, Михаила Андреевича Бренка, и повелел сесть на своего коня, и одежду свою царскую возложил на него», а сам в одежде и доспехах простого дружинника «прежде всех стал на бой, на первом сступе, и в лице (т. е. в передней линии) с татарами много бился». Мамай же с тремя князьями наблюдал за битвой с расположенного позади ордынского строя Красного холма.

Битва началась традиционным поединком. Когда «уже близко сошлись обе силы, выехал из полка татарского богатырь великий, и широту имел великую, и мужество великое, и был всем страшен». Навстречу ему выехал простой ратник Пересвет, «пошел против татарского

богатыря Темирь-Мурзы, и ударились крепко, так громко и сильно, что земля затряслась, и упали оба на землю мертвые». Только тогда, около 12 часов дня, «сступились полки».

Условия местности не позволили Орде нанести фланговые удары. Войску Мамаю пришлось пойти в лобовую атаку на русский строй. «И была брань крепкая, и сеча злая, и лилась кровь, как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон, от татарской и русской. И падало татарское тело на христианское, а христианское тело на татарское, всюду множество мертвых лежало, и не могли кони ступать по мертвым. Не только оружием убивали, но и под конскими ногами умирали, от тесноты великой задыхались, потому что не могло вместиться на поле Куликовом, между Доном и Мечей, такого множества сошедшихся сил».

Главный удар Мамаю был направлен на центр русского строя, где стояла «пешая русская великая рать», крестьяне ополченцы и городские полки. Тяжелы были потери пешей рати. По словам летописца, она, «как сено скошенное, лежала». Монголо-татары несколько потеснили «большой полк», но сломить его не сумели. Владимирские и суздальские дружины вместе с московскими ратниками отразили здесь натиск врага. Устоял и полк правой руки. Ордынцы несколько оттеснили русские полки, но решающего успеха не добились.

Тогда Мамай перенес главный удар своего войска на левый фланг русского строя. «И тут пешая рать, как дерево, сломилась, и как сено подсечена, и было видеть это страшно, и начали татары одолевать». Упорно отбиваясь, полк левой руки медленно отходил назад, к Непрядве. Ордынская конница начала охватывать левый фланг «большого полка». Казалось, победа уже склоняется на сторону Мамаю.

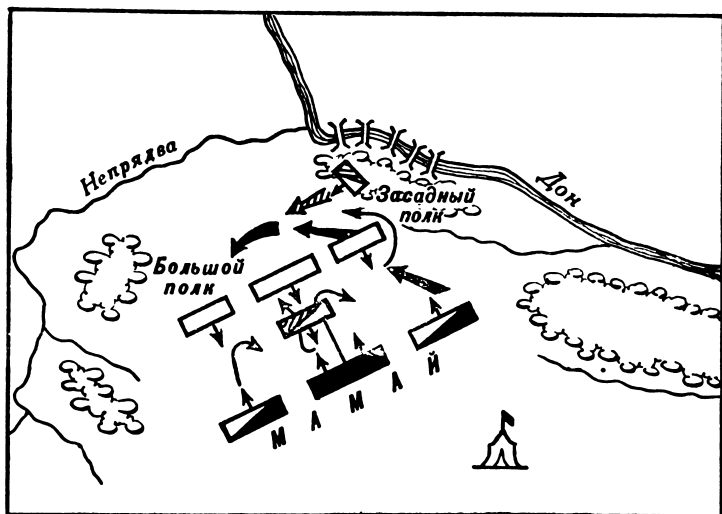
Но в Зеленой дубраве, потаенно от врага, стоял не растратенный засадный полк, и «князь Владимир Андреевич с избранным воинством и с мудрым и удалым воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем» ждали удобного момента, чтобы нанести рати Мамаю смертельный удар. Горячий Владимир Андреевич уже беспокоился, видя отступление полка левой руки: «Чем полезно стояние наше? Кому нам помочь? Уже все мертвые лежат христианские полки!» Но опытный воевода удержал его:

«Беда, княже, велика! Но не время еще нам выйти на супостатов!» Только в три часа дня, когда ветер стал дуть в сторону татар и все ордынское войско ввязалось в сечу, не оставив резервов, воевода сказал князю: «Княже, час пришел!»

Засадный полк вылетел из дубравы и ударил в тыл и фланг ордынцев, ударил с яростью, и от неожиданного удара «пришли в ужас татары, и устрашились, и воскликнули: «Увы нам, увы нам! Христиане перехитрили нас, лучших и удалых князей и воевод спрятали и на нас неутомленными приготовили. Наши же руки ослабли, колени оцепенели, плечи устали, и кони наши утомлены, и оружие наше иступилось. Кто может против них выстоять? Горе нам!» Та часть ордынского войска, которая оказалась в глубине русского строя, была опрокинута в воды реки Непрядвы. Остальных ордынцев погнали обратно, к Красному холму, месту ставки Мамай. Это было началом общего отступления врага. Все русские полки, ободренные успехом засадного полка, двинулись вперед. «И побежали татарские полки, а христианские полки за ними погнались, били и секли. Увидев, что новые полки неутомленные вышли на татар, побежал Мамай с князьями своими в малой дружине. И многие татары пали от оружия христианского воинства, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи, а княжеские (конные) полки гнались до станов их и захватили имения и богатства их много».

Далее летописец повествовал о поисках после битвы великого князя Дмитрия Ивановича. «Двое из простых воинов, одному имя Федор Зов, а другому имя Федор Холопов, нашли великого князя сильно избитого, едва дышащего, под свежесрубленным деревом, лежавшего, как мертвый, и сошли с коней, поклонились ему, и один быстро возвратился к князю Владимиру Андреевичу, поведал ему, что великий князь жив», но «был доспех его весь избит и изранен». Летописец отметил, что Дмитрий Иванович «прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился», хотя князья и воеводы уговаривали великого князя перед боем: «Княже, не становись впереди биться, но стань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте». На это Дмитрий заявил: «Да как я скажу кому-нибудь: «Братья, встанем крепко на врага!» — а сам встану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так

сделать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием!» Дмитрий Иванович, пояснил летописец, «как сказал, так и сделал, прежде всех начал биться с татарами, да со всех сторон его обступили татары, как вода, и много по голове и по плечам и по животу его били и кололи и секли, но спасся он

Куликовская битва 8 сентября 1380 г.

от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти. Был же сам он очень крепкий и мужественный, и телом велик и широк, и плечист, и тяжел собою, бородой же и волосами черен, взором удивителен».

Восемь дней простояло русское войско за Доном на поле битвы, «на костях», как говорили в старину. Великий князь приказал: «Изочтите, братья, сколько осталось нас всех». И доложили ему вскоре: «Княже, осталось всех нас 40 000». Нелегкой ценой досталась Руси победа над Ордой!

Однако результаты победы были огромны. Прежде всего победа сразу привела к отступлению союзников Орды и к ликвидации антимосковского сговора Мамай, Литвы и рязанского князя. По словам летописца, узнав

о победе Дмитрия Ивановича, «князь Ягайло со всею силою литовскою побежал назад с великой скоростью. Не видел он тогда ни князя великого, ни рати его, ни оружия его, но только имени его боялся и трепетал». Князь Олег Рязанский «отбежал от града своего Рязани и побежал к Ягайлу, князю Литовскому, и пришел на рубеж Литовский, и, тут став, сказал боярам своим: «Я хочу здесь ждать вести, как князь великий пройдет мою землю и придет в свою отчину, и я тогда возвращусь во свояси». Сообщил летописец и о судьбе Мамай. Мамай, бежав в степи, пытался собрать новое войско, но на него напал «пекий царь с Востока, именем Тохтамыш, из Си-ней Орды». Орда Мамай была разбита в жестокой сече близ реки Калки. «Царь Тохтамыш взял Орду Мамаеву, и цариц его, и казну его, и улисы его, и богатство его, серебро и золото, и жемчуг, и камней много и разделил дружине своей, а сам сел на царстве Волжском».

Повествование о Куликовской битве летописец заканчивал так: «И была на Руси радость великая, но печаль еще осталась об убитых Мамаем на Дону князей, и бояр, и воевод, и многого воинства, оскудела вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воинствами».

Победа на Куликовом поле вписала славную страницу в русскую военную историю. Великий князь Дмитрий Иванович, прозванный в честь этой победы Донским, проявил себя в подготовке и проведении битвы выдающимся полководцем своего времени. В условиях еще не изжитой полностью феодальной раздробленности он смог собрать большое войско, умело сосредоточить его в стратегически выгодном пункте — городе Коломне — и скрытно, в обход враждебного Москве Рязанского княжества, выйти на южные рубежи. Дмитрию Донскому удалось также предупредить объединение монголо-татарских и литовских сил и начать битву в удобное для себя время. Место битвы было выбрано им с учетом особенностей военной тактики кочевников: на Куликовом поле правый фланг русского войска был прикрыт рекой Непрядвой, а левый — рекой Смолкой и Зеленой дубравой, что мешало Мамаю наносить фланговые удары конницей. Хорошо поставленная военная разведка позволила Дмитрию Донскому задолго до битвы собрать необходимые сведения о противнике. Исход боя решил засадный полк,

заранее выделенный Дмитрием Донским и спрятанный в Зеленой дубраве, за левым флангом русского войска. Битва проходила по плану, составленному русскими военачальниками: удар Мамай по центру русского войска не удался, и Мамай вынужден был двинуть конницу на левый фланг, за которым ее подстерегал засадный полк. Внезапный удар этого полка во фланг и тыл прорвавшейся татарской конницы вызвал замешательство врага и принес победу.

Подвиг русского народа в Куликовской битве был прославлен в поэтическом произведении древнерусской литературы — «Задонщине», написанной по свежим следам событий Софонием Рязанцем. «Задонщина» показывает, как оценивала общественно-политическая мысль того времени победу над Мамаем и какие политические идеи навеяла эта победа. Произведение пронизано мыслью о единстве Руси, о том, что именно объединение русских сил явилось главной причиной победы. Разгром орды Мамай представлен в «Задонщине» общерусским делом. Вся Русь поднялась на битву со своим давним врагом. «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу. Звонят колокола вечевые в великом Новгороде; стоят мужи новгородцы у святой Софии, говоря: «Уже нам, братья, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть. Съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу». В «Задонщине» подчеркивалась ведущая роль Москвы в организации обороны страны. Автор «Задонщины» писал, что когда «Русь великая одолела Мамай на поле Куликовом», об этом «прошла слава» по всем соседним странам: «К Железным воротам (Дербенту), к Риму, к Кафе по морю и к Торнову (Тырново — столица Болгарии) и оттуда к Царьграду на похвалу». В самой же Руси Куликовскую битву люди восприняли как перелом в отношениях с Ордой, как событие, радостное для всей земли Русской. Это новое настроение хорошо показал в «Задонщине» Софоний: «И уже застонала земля Татарская, бедами и печалью покрылась. Исчезло у царей их желание и похвала на Русскую землю ходить, поникло их веселье. Уже поганые оружие свое повергли, а головы свои преклонили под мечи русские. Трубы их не трубят, умолкли голоса их!»

ВОЗВРАТА НЕТ И НЕ БУДЕТ!

Тяжел был удар, нанесенный Орде на Куликовом поле. Но свергнуть ненавистное иго на этот раз Руси не удалось. Новый ордынский хан Тохтамыш (Мамай погиб вскоре после Куликовской битвы) немедленно направил посольство к великому князю Дмитрию Ивановичу. Он, видимо, хотел представить дело так, что Дмитрий Донской разбил не Орду, а только темника Мамай, врага самого Тохтамыша, и с приходом к власти «законного» хана должен опять признать зависимость от Золотой Орды. Дмитрий одарил посольство богатыми подарками, но от выплаты дани уклонился.

Между тем положение на Руси было чрезвычайно сложным. Войско понесло тяжелые потери в кровопролитной Куликовской битве. Подняли голову соперники великого князя, в первую очередь тверской князь. Новое ордынское вторжение поэтому было крайне нежелательно. Но предотвратить его не удалось. В 1382 г. хан Тохтамыш двинулся на Русь.

Сначала Тохтамыш «послал слуг своих в город, называемый Болгары, и повелел гостей (купцов) русских грабить, а суда их с товарами отнимать и приводить к себе на перевоз». Затем, «собрав силы многие», переправился через Волгу. Князь Олег Рязанский снова перешел на сторону Орды. Он «встретил царя Тохтамыша на окраинах своей земли Рязанской и броды ему указал на Оке». Ненадежны были и некоторые другие князья. Так, нижегородский князь послал к хану двух своих сыновей с дарами и выражением покорности. В этих условиях великий князь Дмитрий Донской, «уразумев в князьях и в боярах своих и во всех воинствах распрю, еще же и оскудение воинства», решил не давать Тохтамышу битвы в поле и с небольшой дружиной уехал на север, в Кострому, чтобы собрать войско. Его двоюродный брат Владимир Андреевич, прославившийся в Куликовской битве как умелый воевода, стал со своей дружиной в Волоке-Ламском и тоже собрал войско.

Ордынцы же, переправившись через Оку, «прежде всех взяли град Серпухов и оттуда пошли к Москве, воюя». В отсутствие великого князя оборону города взял в свои руки народ. Москвичи «во всех городских воротах с обнаженным оружием стояли, с ворот метали камни, не

пуская никого уйти из города». Исключение было сделано только для митрополита Киприана и великой княгини. Бояр же народ заставил участвовать в обороне.

В полдень 23 августа орда хана Тохтамыша подошла к Москве. Горожане были готовы к обороне и надеялись отбиться. Москвичи говорили: «Не устрашимся нахождения татарского, потому что имеем град каменный и ворота железные. Не смогут татары стоять под градом нашим долго, понеже бояться нас из града, а извне наших князей бояться!» Москвичи сами сожгли посады за кремлевскими стенами, чтобы негде было укрыться ордынским лучникам; «было около града чисто, потому что горожане сами посады свои пожгли и ни единого тына или дерева не оставили».

На следующий день рати Тохтамыша подступили к стенам. Москвичи осыпали врагов стрелами. У защитников города были и самострелы, издали поражавшие ордынцев, и даже первые пушки — тюфяки. Ордынские лучники, в свою очередь, осыпали город стрелами. Затем, приставив к стенам многочисленные штурмовые лестницы, ордынские воины начали штурм. Однако «горожане, воду в котлах скипятив, лили на них кипятком, стреляли и камнями сшибали, и пушки пускали на них». А «некто горожанин москвитин, суконник, именем Адам, с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских сына, знатного и славного, и великую печаль причинил Тохтамышу царю и всем князьям его». Приступ был отбит с большими потерями для ордынцев. Не удался и второй штурм: Москва оборонялась стойко.

Три дня орда хана Тохтамыша безрезультатно стояла под Москвой. На четвертый день Тохтамыш начал переговоры с осажденными. Ордынцы убеждали москвичей: «Царь вас, своих людей и своего улуса, хочет жаловать, потому что неповинны вы, не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, ничего не требует от вас царь, только встретьте его с честью, с легкими дарами, а вам всем мир и любовь!» Москвичи поверили ханским обещаниям и открыли ворота. Тогда ордынцы «в город ворвались, и одних иссекли, а других пленили, и церкви разграбили, и книг множество пожгли, снесенных отовсюду в осаду, и богатство, и имение, и казну княжескую взяли. Взят же был город месяца августа в 26 день, в 8 часов дня».

Разграбив Москву, хан Тохтамыш приказал своим ратям опустошать русские земли. По словам летописца, одни татары пошли «к Переяславлю, другие Юрьев взяли, а иные Звенигород, и Можайск, и Боровск, и Рузу, и Дмитров, и волости, и села пленили. Переяславль же, взяв, сожгли, а горожане многие на озеро выехали на судах и там спаслись». Казалось, снова вернулись времена Батыя: по всей Руси пылали города и села.

Но это было не так. Великий князь Дмитрий Иванович в Костроме и князь Владимир Андреевич в Волоке-Ламском собрали войско и готовились перейти в наступление. Под Волоком-Ламском передовой отряд рати хана Тохтамыша был разбит. Получив достоверные известия о том, что князь Владимир Андреевич стоит «близ Волока со многою силою», хан Тохтамыш тотчас начал отступление. По дороге в Орду монголо-татары взяли Коломну, а затем «повоевали Рязанскую землю» и отошли «с бесчисленным богатством и бесчисленным полоном восвояси».

Великий князь Дмитрий Иванович вернулся в свою разоренную столицу. Все приходилось начинать заново: укреплять город, собирать войско, восстанавливать единство военной организации Руси. Давний соперник московского князя, Михаил Тверской, решил воспользоваться удобным моментом и «пошел к Тохтамышу царю в Орду с честью и дарами, ища себе великого княжения Владимирского и Новгородского». Следом за ним последовал в Орду и князь Борис Городецкий. Единство русских феодалов перед лицом внешнего врага, с таким трудом достигнутое Дмитрием Донским накануне Куликовской битвы, нарушилось. Феодалная раздробленность снова на время взяла верх над общерусскими интересами. Великому князю пришлось посылать своего сына Василия в Орду, чтобы «тягаться о великом княжении Владимирском и Новгородском с великим князем Михаилом Александровичем Тверским».

Дмитрий Донской перемог своих соперников, остался великим князем, но ему пришлось признать зависимость от Орды. Снова в Орду потекли дани и «выходы», тяжким бременем ложась на плечи народа.

Однако Куликовская битва подорвала веру в могущество Орды. Зависимость от золотоордынских ханов в представлении русских людей теперь была временной.

И князья, и народ поняли, что ордынцев можно победить, и ждали удобного случая, чтобы свергнуть ненавистное иго. Изменившееся отношение к Орде видно по духовным и договорным грамотам русских князей. После победы на Куликовом поле в грамоты стали включаться пункты, предусматривавшие княжеские взаимоотношения в случае, если «переменит бог Орду», то есть будет свергнуто монголо-татарское иго. В духовной грамоте Дмитрия Донского, составленной в 1389 году, было записано: «А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть». Той же формулой пользовались и удельные князья. В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (примерно 1401—1402 гг.) говорилось: «А переменит бог Орду, и мне братъ дань со своей вотчины и со своего удела себе, а тебе, великому князю, не давать».

Надежды на то, что «бог переменит Орду», имели под собой реальные основания. После Куликовской битвы Золотая Орда не могла полностью оправиться от ущерба. А в 1395 г. на нее обрушился новый удар. Могущественный правитель Средней Азии Тимур пошел войной на хана Тохтамыша. На Тереке войско Тохтамыша было разбито, владения Золотой Орды страшно опустошены. Была разрушена и столица Орды — город Сарай (близ нынешнего Волгограда). Походы ордынцев на русские земли надолго прекратились. Поэтому не удивительно, что новому правителю Золотой Орды Едигею было трудно добиваться признания своей власти русскими князьями.

В 1408 г. Едигей предпринял неожиданный поход на Русь. Он подошел к Москве, где великий князь Василий Дмитриевич оставил в осаде «воевод и многое множество народа» (сам великий князь, по примеру своего отца, отправился собирать войско в Кострому). Опять москвичи сожгли посады, чтобы врагу негде было укрыться. Но на этот раз ордынцы даже не решились штурмовать каменную твердыню кремля. По словам летописца, они даже «не смели близ града стоять» из-за сильного обстрела со стен. Едигей остановился в Коломенском и «распустил по всей земле воинство» грабить и опустошать русские земли. Ордынские отряды разорили Пере-

яславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, а «волости и села попленили и пожгли». К Костроме Едигей послал «царевича Бегибердея, да сына своего Якшибея, да князя Сеньтилибея с тридцатью тысячами и четырьмя тысячами избранной рати татар», но они не достигли цели. Войска великого князя Едигею разбить не удалось. Не сдавалась и Москва. Монголо-татарскому войску предстояла длительная и не сулившая верного успеха осада. Простояв месяц под московскими стенами, Едигей выговорил выкуп в 3 тысячи рублей и отступил. Во время этого похода ордынцы опустошили значительную территорию, но своей главной цели — восстановить власть Золотой Орды над Русью — не добились.

Год спустя в своей грамоте к великому князю Едигей жаловался на невнимание к его послам, на нежелание Руси платить дань Орде и уже не требовал, а скорее просил собрать «старые оброки». В грамоте упоминались «Тохтамышевы дети», которых московский князь держал у себя (видимо, для давления на Едигея). Вот текст этого любопытного документа, хорошо иллюстрировавшего характер русско-ордынских отношений в начале XV столетия:

«От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышание учинилось таковое, что Тохтамышевы дети у тебя, да еще слышание наше, что неправо у тебя чинят в городах, послы царевы (ханские) и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините: это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды... Как царь Темир-Котлуй сел на царстве, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата ни с каким словом. А потом Шадибег восемь лет царствовал, и ты у него также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни сына, ни брата своего не присылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слы-

шали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде, тогда улусу твоему зла бы не учинилось, а крестьяне бы не погибли до конца, и ярости и брани нашей на тебя не было бы ни в чем».

Едигей грозил непокорному великому князю новым нашествием, но осуществить свою угрозу не смог. Против него в Орде выступили «Тохтамышевы дети» (у Тохтамыша было 13 сыновей!), начались трения между Едигеем и ордынским ханом Тимуром, от имени которого он правил. В борьбу вмешались и другие ордынские феодалы. Во время этой смуты Едигей потерял власть в Золотой Орде, а в 1419 г. в одной из схваток со своими противниками он погиб.

После смерти Едигея подняли голову вожди мелких ордынских улусов и Золотая Орда, по существу говоря, перестала быть государством с единой центральной властью и распалась на несколько частей.

Для распада Золотой Орды был характерным переход на службу к московским князьям отдельных орд во главе со своими ханами. Такие ордынские ханы становились вассалами Москвы. Так, в 1446 г. ханы Касим и Юсуф пришли со своими отрядами к великому князю московскому Василию II Васильевичу. Он дал Касиму во владение Городец, или Мещерский городок, лежавший на Оке в Рязанском княжестве (впоследствии этот городок был переименован в Касимов). Касим верно и долго служил Москве, принимая участие в отражении ордынских набегов.

В этих условиях московские князья, возглавившие всенародную борьбу за свержение иноземного ига, перешли к активной политике по отношению к Орде. Дело шло к полному освобождению Руси от зависимости. Они умело использовали противоречия между ханами, заключали союзы с отдельными ордами, не раз били ордынские рати руками самих ордынцев, неуклонно приближая конечную цель борьбы — полное свержение монголо-татарского ига. Но и в условиях начавшейся феодальной раздробленности Золотая Орда представляла серьезную опасность. Большие улусы, на которые она разделилась, обладали значительными военными силами. Ордынские

ханы не раз вторгались в русские земли, где еще не была изжита феодальная раздробленность.

Снова летописи заполнили трагические рассказы об ордынских вторжениях, об опустошениях русских земель и многочисленных жертвах, о множестве пленных, уведенных за пределы родной земли.

В 1439 г. казанский хан Улу-Мухаммед (Махмут-царь, как его называли летописцы) «со многими силами безвестно» подступил к Москве. Великий князь отступил за Волгу, оставив для обороны столицы воеводу Юрия Патрикеевича «с бесчисленным христиан множеством». Как это неоднократно бывало и раньше, оборона Москвы была предоставлена самим москвичам, вооруженным посадским людям. И москвичи выстояли. Десять дней простоял Махмут-царь под стенами столицы и отступил. Однако ордынцы «много зла учинили земле Русской, идучи назад».

Зимой 1445 г. Улу-Мухаммед «приходил ратью к Мурому», но на этот раз на выручку осажденному городу поспешило великокняжеское войско, и ордынцы поспешно отступили. Русское войско последовало за ними, однако под городом Белевым попало в засаду. «Многих наших татары побили», — сообщал летописец. Снова одна ордынская рать осадила Муром, а главные силы во главе с сыновьями Улу-Мухаммеда пошли на Москву. 7 июля ордынская конница вброд перешла реку Нерль. Под городом Суздалем произошла решительная битва. У великого князя Василия II Васильевича «немного было воинства» — всего 1500 дружинников, потому что удельные князья не подошли со своими полками. В передовом отряде ордынцев было больше трех тысяч всадников. И все же русскому войску удалось опрокинуть вражеский строй. Ордынцы начали отступать. Великий князь, уже торжествуя победу, приказал преследовать врага. Но это была военная хитрость, обычная для степников. Когда русские дружины во время преследования расстроили свои ряды, на них ударила свежая ордынская конница. Много воевод и рядовых дружинников погибло в жестокой сече, а сам великий князь Василий II Васильевич, раненный в голову и руку, попал в плен. Тяжелыми были и потери ордынского войска — оно потеряло более 500 человек.

Простояв на месте битвы, «на костях», три дня, ор-

дынцы двинулись к Владимиру. Опасность снова угрожала Москве, где к тому же случился большой пожар, серьезно повредивший городские укрепления. Московский люд стал готовиться к обороне. По словам летописца, «чернь, собравшись, начала прежде ворота городские чинить, а людей, которые хотели бежать из города, ловить и бить и ковать». Получив известие, что их ожидает сопротивление, орда не решилась идти на столицу и отступила к Нижнему Новгороду. Позднее великий князь был отпущен за большой выкуп.

В событиях этих двух походов Улу-Мухаммеда особенно ярко проявилась решающая роль народных масс в обороне страны. В самые тяжелые минуты, когда княжеские дружины терпели поражение, единодушно поднимались горожане Москвы и спасали положение.

Между тем ордынские рати продолжались. В 1448 г. «царь казанский Мамутек послал всех князей своих со многою силою воевать отчину великого князя, Владимир и Муром и прочие города». Два года спустя к южным рубежам Московского княжества еще раз подступали «татары из поля». Навстречу врагу вышла коломенская рать и полки «служилого царевича» Касима. Ордынцы были отогнаны.

В 50-х годах активизировали свои набеги на русские земли и ханы Большой Орды. Но насильники встречали все крепнувшее сопротивление и порой получали ощутимые удары.

В 1451 г. войско ордынского «царевича Мозовши из Седи-Ахматовой орды» перешло Оку и двинулось к Москве. Великий князь, как обычно, уехал за Волгу, поручив оборону столицы своим воеводам. 2 июля ордынцы осадили Москву, подожгли посады. Летописец писал, что огонь охватил Москву со всех сторон, в городе загорелись церкви, а от дыма ничего нельзя было видеть. Под прикрытием огня ордынцы бросились на штурм «ко всем воротам и там, где не было крепости каменной», однако были отбиты. Москвичи встали на стенах с оружием в руках и бились с Ордой до вечера. В сумерках враги отступили от городских стен. Защитники столицы всю ночь готовили к новому бою «пушки и пищали, самострелы и оружие, и луки, щиты и стрелы», но когда наступило утро, ордынцев под стенами Москвы не оказалось. Не сумев взять город с первого налета, Мозовша от-

ступил. Летописец назвал этот набег «скорыми татарами».

1455 и 1459 гг. «татары Седи-Ахматовой орды» снова предпринимали налеты на Москву, но опять безуспешно. А в 1456 г. ордынское войско, замыслившее поход на Русь, вообще не прошло дальше Дона.

Новый великий московский князь Иван III Васильевич (1462—1505 гг.) смог выделить значительные военные силы уже для наступательных действий против ордынцев. Его удары были направлены против самых опасных врагов — казанских татар. Летописцы рассказывали о походах на Казанское ханство «служилого царевича» Касима со своими отрядами и русских воевод, о боях в черемисских землях и на Вятке, о «рати судовой на Казань». Казанский хан с трудом оборонял свои собственные владения и просил мира у Ивана Васильевича.

Военные успехи стали возможны благодаря тому, что длительная феодальная война на Руси (она продолжалась 28 лет!) закончилась полной победой великого московского князя над удельными князьями. При Иване III Васильевиче завершается процесс покорения удельных князей и объединения русских земель вокруг Москвы, складывается Русское централизованное государство. Вооруженные силы этого молодого государства оказались в состоянии свершить то, к чему два с половиной века стремилась Русь — свергнуть ненавистное иго.

ОРДЫНСКОМУ ИГУ — КОНЕЦ!

Войско было предметом постоянной заботы великого князя Ивана III Васильевича: на него он опирался и во внутренних делах, в борьбе с удельными князьями, и в обороне страны. Ядром войска по-прежнему был «двор» великого князя, состоявший из «детей боярских» и дворян. Удельный вес «служилых феодалов» — дворян, получавших за свою службу земельные «пожалования», увеличился. «Дети боярские» и дворяне, полностью зависевшие от великого князя, составляли прочную основу войска и отличались хорошими боевыми качествами.

Следующей составной частью войска были так называемые «городовые полки» из горожан, прежде всего «московская рать», которую выставляло торгово-ремесленное население московского посада.

Усилившаяся великокняжеская власть уже смогла создать систему набора войска со всего населения стра-

ны. В «рубленную» или «посошную» рать собиралось определенное количество воинов с каждой сохи (соха — податная единица). По некоторым сведениям, «коня и воина в доспехе» выставляли с четырех или с десяти сох. Войско, набранное таким образом, было многочисленным и однородным по своему составу.

Постоянная война со степняками привела к организации сторожевой службы на южной границе. Во второй половине XV века на реках Хопре, Дону, Быстрой и Тихой Сосне стояли казацкие «сторожи», в укрепленных городках на пограничье несли службу гарнизоны «городовых» казаков. Для обороны страны от набегов ордынцев была организована «засечная стража», в которую выделялся один воин с 20 дворов. Так постепенно складывалась общегосударственная система обороны южных границ.

Улучшилось и стало разнообразнее вооружение русского войска. Русские воины были вооружены ударными длинными копьями, легкими метательными сулицами, мечами и саблями, палашами, бердышами, кистенями, чеканами и шестоперами. У многих воинов были луки и самострелы. Еще в XIV веке на Руси появилось огнестрельное оружие — пушки и тюфяки, которые использовались при обороне и осаде крепостей («городовой наряд» и «стенобитный наряд», а в самом конце этого столетия — «полковой наряд», который участвовал в полевых сражениях). В конце XV века некоторая часть русских воинов вооружалась ручным огнестрельным оружием — «пищальями завесными», «самопалами» и «ручницами».

Защитное вооружение русских воинов составляли кольчужные доспехи (кольчуги, байданы) и «дощатые» доспехи (латы, кирасы), железные и медные племы, щиты, обтянутые кожей, обитые железом или медью. При массовом наборе воинов в «городовые» и «посошные» рати железных доспехов не хватало, и значительная часть войска была одета в тегилии — суконную одежду с толстым слоем ваты или пеньки, хорошо защищавшую от стрел.

Ударной силой русского войска была так называемая «кованая рать», хорошо вооруженная конница, ударов которой не выдерживали ордынцы. Конницу в походах поддерживала «судовая рать» — пешее войско, обычно

доставлявшееся к месту битвы на судах по многочисленным русским рекам; «судовая рать» совершала длительные походы, не утомляясь, постоянно готовая высадиться на берег и принять бой.

Командовал русским войском сам великий князь или назначенный им «большой воевода»; этим обеспечивалось единство командования. Великим князем назначались и другие воеводы, стоявшие во главе отдельных полков: сторожевого, большого, правой и левой руки, засадного.

В войнах с ордынцами русское войско опиралось на хорошо продуманную систему крепостей. При Иване III были заново отстроены стены московского кремля, на стенах установлены пушки. Кремль стал неприступным для нападений ордынцев, и это давало возможность, не беспокоясь об обороне столицы, собирать рати в удобном месте и смело маневрировать силами. Каменные стены строились и в городах, прикрывавших ближние и дальние подступы к Москве: внешнее кольцо обороны столицы составляли сильные укрепления Волока-Ламского, Можайска, Серпухова, Тулы, Коломны, Городца, Владимира и других городов. Особое внимание уделил великий князь укреплению южной, степной границы. Вдоль нее была построена сплошная линия оборонительных укреплений, «засечная черта», протянувшаяся почти на тысячу километров. Она состояла из крепостей — острожков, соединенных засеками, валами и рвами, тынами и частоколами. «Засечная черта» проходила от Козельска на Тулу, Серпухов, Коломну до Нижнего Новгорода. Именно здесь встречало русское войско большие ордынские походы. Прорваться через «засечную черту» ордынцам было очень трудно.

С XIII до середины XV века русское войско сражалось с внешними врагами более 160 раз. Теперь русским воинам предстоял решительный бой с Ордой: условия для свержения ненавистного монголо-татарского ига созрели.

В середине 60-х годов XV века власть в Большой Орде захватил хан Ахмат (Ахмед), с именем которого была связана последняя попытка ордынцев восстановить свою власть над русскими землями.

В 1480 г. хан Ахмат организовал большой поход на Русь, которая прекратила совершенно выплату дани в Орду и отказалась признавать власть ордынских ханов.

Великий князь Иван III Васильевич проявил себя в этих событиях не только большим полководцем, сумевшим подготовить войско к тяжелой войне, но и дальновидным дипломатом. Международная обстановка, в которой Русь готовилась свергнуть иноземное иго, была очень сложной. Против Русского государства образовалась целая коалиция врагов. С юга ему угрожало многочисленное войско хана Ахмата, с северо-запада — Ливонский орден, с запада — польско-литовский король Казимир IV, заключивший союз с ханом. В свою очередь, великий князь, используя междоусобную борьбу в Орде, сумел привлечь на свою сторону крымского хана Менгли-Гирея, противника хана Большой Орды.

Неспокойно было и внутри страны. Младшие братья великого князя Ивана III — удельные князья Андрей Угличский и Борис Волоцкий — выступили против его централизаторской политики. Со своими боярами и дружинами они ушли к литовским рубежам и попросили покровительства у польско-литовского короля. Великому князю, который спешно готовил войско для отражения ордынского похода, пришлось одновременно улаживать внутренние дела — разногласия могли ослабить Русь в момент решительной схватки с ханом Ахматом. Но Москва нашла в себе силы, чтобы разрушить планы врагов и свергнуть ненавистное иго.

Ордынский хан Ахмат двинулся в поход летом 1480 года. Ордынское войско двигалось медленно, осторожно, поджидая отряды из других «улусов» Большой Орды. Видимо, ордынцы хорошо помнили и о мамеевом побоище, и о других неудачных для них битвах с русскими полками, и выжидали, когда подойдут обещанные полки польско-литовского короля.

При первом же известии о готовящемся ордынском вторжении Иван III Васильевич выдвинул свои войска к укрепленным линиям, заранее подготовленным на степной границе. Вдоль реки Оки встали многочисленные великокняжеские полки: в Тарусе — брат великого князя Андрей Васильевич, в Серпухове — сын великого князя Иван Иванович «и с ним многие воеводы и бесчисленное воинство». Когда 8 июля пришло известие, что хан Ахмат подошел к Дону, это войско стало в Коломне. Путь к центру Московского княжества был надежно прикрыт.

Хан Ахмат не решился идти прямо на Москву. По словам летописца, «слышав же окаянный царь Ахмат, что на тех местах на всех, куда прийти ему, стоят против него с великими князьями многие люди, и царь пошел в Литовскую землю, хотя обойти через Угру». Великий князь Иван III тоже быстро произвел перегруппировку своих войск. К берегам реки Угры, где остановилась ордынская рать, пошли и полки из Коломны, и отряды из Тарусы.

Началось знаменитое «стояние на Угре», когда оба войска, русское и ордынское, встали друг против друга на противоположных берегах реки. Так продолжалось до октября. Хан Ахмат находился у Воротынска, «ожидая к себе королевскую помощь, а король Казимир к нему не пришел и силы своей не привел, потому что были у него свои усобицы, тогда же Менгли-Гирей, царь крымский, воевал королевскую Подольскую землю, служа великому князю». Вот когда сказались результаты дальновидной внешней политики Ивана III — польско-литовский король был связан по рукам и ногам нападениями крымцев на свои земли и не мог послать никакой помощи хану Ахмату!

А хан Ахмат никак не решался атаковать русское войско до прибытия польско-литовских полков. Стычки на бродах и переправах не принесли успеха ордынцам. По словам летописца, когда «татары начали стрелять наших», то «наши начали их стрелять из луков и из пищалей, и многих татар побили, и от берега отбили, и много дней, сходясь, через реку бились». Наступили сильные морозы. Ордынское войско страдало от холода и голода, конница лишилась подножного корма. Дальнейшее стояние стало для ордынцев невыносимым. Воины роптали на трудности похода, среди ханов начались раздоры. А хан Ахмат все не решался перейти в решительное наступление. Между тем русское войско все увеличивалось: на Угру сходились дружины многих удельных князей.

Когда русское войско отошло с берегов Угры к Боровску, хан Ахмат решил, что это военный маневр с целью заманить его на русский берег реки, чтобы нанести решительный удар, и сам начал поспешное отступление. Летописец отметил: «Отступили сыновья русские от берега, тогда татары, страхом одержимые, побежали, ре-

шив, что если берег отдает им Русь, то, значит, хочет с ними биться!»

Поход хана Ахмата закончился полной неудачей, хотя заносчивый предводитель Большой Орды и пробовал представить это событие временным отступлением, отправив московскому князю грамоту с требованиями дани и угрозами. Но осуществить свои угрозы хан Ахмат был не в силах. На него вскоре напал хан Ногайской Орды, и в следующем году в битве у берегов Донца хан Ахмат был убит. Большая Орда распалась затем на несколько «улусов», каждый из которых и думать не мог о новом нашествии на Русь. «Татарское чудовище наконец испустило дух», — писал К. Маркс. Сбылись многовековые чаяния народа, не жалевшего ни сил, ни крови для борьбы с завоевателями. Иноземное иго пало.

Свержение монголо-татарского ига было огромным успехом Русского государства, который сразу вывел его на широкую дорогу мировой истории. «В начале своего княжения Иван III, — писал К. Маркс, — все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями... Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены. К концу своего княжения Иван становится совершенно независимым государем; женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору... Литва ущерблена, и великий князь ее — игрушка в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах»¹.

Может быть, для изумленной Европы такой взлет Московского государства и был неожиданным, но для русского народа могущество Руси неожиданным не было. Свержение иноземного ига было закономерным итогом двухсотлетней героической борьбы русского народа-богатыря за свободу и пезависимость своей родной земли.

---

¹ К. Маркс. Тайная дипломатия. Цит. по кн. Е. Разин. История военного искусства. Т. II, М., Воениздат, 1957, стр. 300.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Первые удары	6
Печенежская волна	10
Богатырские заставы	17
Народ-воитель	28
Половецкий натиск	32
Сечи и брани	37
Время Мономахово	41
Снова рать беспрестанная	50
Последний натиск	55
На переломе	66
Агрессия «во имя божье...»	70
«Пришла неслыханная рать...»	73
Все ближе к Руси	81
Зачем ездил в Восточную Европу доминиканец Юлиан?	94
Перед ударом	102
Нашествие Батыя	110
Монгольская облава	119
Южная Русь в огне	134
Подвиг народный	143
Последствия монголо-татарского нашествия	147
Крутом враги...	154
Иго тяжкое	159
Первые удары по Орде	166
На поле Куликовом	174
Возврата нет и не будет!	185
Ордынскому игу — конец!	193

Каргалов Вадим Викторович

НАРОД-БОГАТЫРЬ

Редактор подполковник *Козлов Ю. П.*
Художественный редактор *Голикова А. М.*
Художник *Айзман О. И.*
Технический редактор *Зудина М. П.*
Корректор *Андоньева Н. И.*

Г-81608

Сдано в набор 17.7.70 г. Подписано к печати 22.71 г.
Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{32}$ — 6 $\frac{1}{4}$ печ. л. — 10,5 уса. печ. л.
11,018 уч.-изд. л. Бумага типографская № 2
Цена 46 коп. Тираж 50 000
Изд. № 2/4156 Зак. № 209

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 46 коп.

НА ПОДАТКИ